

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии РАН Российской академии наук

Рефлексивные процессы и управление

Сборник материалов X Международного симпозиума
«Рефлексивные процессы и управление»
15-16 октября 2015 г., Москва

Ответственный редактор В.Е.Лепский

Москва
«Когито-Центр»
2015

УДК 100
ББК 87.6
С 60

С 60 Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов X Международного симпозиума 15-16 октября 2015 г., Москва / Отв. ред. В.Е.Лепский – М.: «Когито-Центр», 2015. – 298 с.

ISBN 978-5-89353-465-8

УДК 100

ББК 87.6

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В.С.Степину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в науках об управлении. В этой связи в центр внимания X международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» поставлены актуальные проблемы рефлексивных исследований в контексте постнеклассической научной рациональности и трансдисциплинарного подхода. Ключевые тематические направления симпозиума, нашедшие свое отражение в сборнике: эволюция представлений об управлении, проблемы сложности, саморазвивающиеся инновационные среды, проблемы сборки субъектов развития, образ будущей России.

Сборник материалов симпозиума представляет интерес для специалистов из гуманитарных, естественнонаучных и технических областей знания, ориентированных на проблемы управления и развития, для студентов и аспирантов, а также для широкой аудитории управленцев-практиков.

*Сборник материалов издан при поддержке РГНФ грант № 15-03-14092
X Международный междисциплинарный симпозиум
«Рефлексивные процессы и управление»*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора.....	6
Эволюция представлений об управлении и развитии в контексте научной рациональности и этики (роль и место рефлексивных процессов и технологий)	
<i>Лепский В.Е.</i> От монодисциплинарного к трансдисциплинарному подходу в развитии научного знания (проблематика управления).....	7
<i>Батурин Ю.М.</i> Научный азарт как рефлексивная игра.....	14
<i>Беленкова О.А., Газизова И.А.</i> Национальная идеология в контексте рационализации управления в постиндустриальном обществе.....	18
<i>Боршевич В.И. (Молдова)</i> Закон бумеранга: тирания свободы и тоталитаризм демократии (рефлексивный анализ современной этики).....	22
<i>Виноградов Г.П., Кузнецов В.Н.</i> Эволюция представлений о моделях принятия решений в контексте научной рациональности.....	27
<i>Диев В.С.</i> Рациональность и риск в современном управлении.....	30
<i>Дмитриев А.В.</i> Провокация и ее рефлексия в ранних рассказах М.Зощенко.....	34
<i>Еськов В.М., Еськов В.В., Филатов М.А., Стрельцова Т.В.</i> XXI-ый век – начало эпохи управляемого мира на основе рефлексии.....	37
<i>Задорожнюк И.Е.</i> Провокация в романе А. Белого «Петербург»: взгляд с позиций рефлексивного подхода.....	44
<i>Карюкин В.В., Чаусов Ф.С.</i> Аксиоматический подход к обоснованию алгоритма принятия решения в проблеме рефлексивного выбора.....	48
<i>Лепя Р.Н., Мадых А.А. (Украина)</i> Рефлексивное управление мотивацией персонала организаций.....	51
<i>Лепская Н.А.</i> Электронные учебники в скрытых методах рефлексивного управления.....	55
<i>Марача В.Г.</i> Системное мышление, рефлексия и современная рациональность: соотнесение типологий.....	59
<i>Никитаев В.В.</i> Парадоксы рефлексии.....	63
<i>Пирожкова С.В.</i> Форсайт-подход как инструмент рефлексивного управления инновационным развитием.....	67
<i>Плющ С.Н., Плющ А.Н. (Украина)</i> Рефлексия в парадигме тринитарного подхода.....	71
<i>Федянин Д.Н.</i> О применении многошаговых моделей для моделирования рефлексивного поведения.....	75
<i>Цой Л.Н.</i> Конфликт как искусственное образование.....	78
<i>Чхартишвили А.Г.</i> О математическом моделировании информационной рефлексии.....	82
Рефлексивные аспекты проблематики сложности	
<i>Аршинов В.И.</i> Рефлексивность в контексте парадигмы сложностности... ..	86
<i>Абакаров Д.К.</i> Профессиональная аналитика сложных социальных процессов: основания проблемы.....	88
<i>Бажанов В.А., Краева А.Г.</i> Рефлексивные механизмы в науке и феномен трансдисциплинарности.....	92
<i>Горохов В.Г.</i> Естественное и искусственное в научном эксперименте.....	97
<i>Кузнецов В.Ю.</i> Исследования сложности и порядки рефлексии.....	99

<i>Лешкевич Т.Г.</i> Рефлексивный опыт и его альтернативы: о подмене словаря социальных отношений.....	103
<i>Москалев И.Е.</i> О социальных рисках и перспективах развития NBIC-технологий.....	107
<i>Солондаев В.К., Четвертаков Ю.В.</i> Оптимум рефлексивности при решении сложных проблем.....	111
<i>Шалаев В.П.</i> Человек и общество перед вызовами сложности: от механики к синергетике управления.....	114
Организация саморазвивающихся инновационных сред (рефлексия опыта, реалий и будущего)	
<i>Лепский В.Е.</i> Анализ моделей инновационного развития в России.....	121
<i>Войцехович В.Э.</i> Инновационная этика.....	131
<i>Гайнутдинов Р.М.</i> Рефлексивно-проактивное управление как условие инновационного развития современной организации.....	134
<i>Евстифеева Е.А., Тягунов А.А., Филиппченкова С.И., Рассадин С.В.</i> Личностный потенциал инженера XXI века: рефлексивное управление в практике высшего образования.....	138
<i>Малинецкий Г.Г.</i> Субъектность, целеполагание и инновационные среды в евразийском контексте.....	143
<i>Мальцева А.А.</i> Технопарки как особые виды инновационных сред.....	148
<i>Мельников А.А.</i> Совершенствование инновационных инфраструктур на евразийском пространстве на основе средового социогуманитарного проектирования.....	155
<i>Моисеев В.И.</i> Субъектные онтологии как рефлексивно-активные среды развития.....	149
<i>Никитина Е.А.</i> Информационные технологии и трансформация жизненного мира человека как рефлексивно-активной среды развития....	152
<i>Павлова О.Н., Старжинский В.П. (Республика Беларусь)</i> Структурно-функциональный анализ инфраструктуры парка высоких технологий Республики Беларусь.....	156
<i>Реут Д.В.</i> Субъектно-средовой континуум в развитии.....	169
<i>Сазонов Б.В.</i> Рефлексия в коллективной мыследеятельности.....	172
<i>Сазонов Б.В., Баранов П.В.</i> Искусственно-естественные системы в деятельностном подходе	177
<i>Семенов И.Н.</i> Международное сотрудничество в изучении рефлексии как ресурса человеческого капитала.....	182
<i>Сергеев С.Ф.</i> Аутопоэтические корни эволюции глобальных техногенных сред.....	188
<i>Старжинский В.П. (Республика Беларусь)</i> Социотехническое проектирование инновационной инфраструктуры.....	192
<i>Тарасенко С.С. (Япония)</i> Групповая рефлексия, ее связь с эффективностью и инновациями: краткий обзор.....	196
<i>В.В. Цепкало, В.П. Старжинский (Республика Беларусь)</i> Приоритеты проектирования IT-индустрии в Республике Беларусь.....	199
Проблема сборки субъектов российского развития и евразийского пространства (рефлексия социогуманитарных потенциалов прорыва в будущее)	
<i>Лепский В.Е.</i> От инжиниринговых услуг к целостности инновационного	

развития на пространстве ШОС (сборка субъектов развития).....	204
Лепский В.Е., Мельников А.А., Пойкин А.Е. Информационные войны за доминирование в инновационной сфере - вызов для сборки субъектов евразийского пространства.....	208
Окара А.Н. Солидаристский проект развития России: реальность или нереализуемый идеал?	216
Тюгашев Е.А. Проблема бессубъектности в евразийской цивилизации и ее философская рефлексия.....	220
Образ будущей России (рефлексия над будущим)	
Лепский В.Е. Постнеклассическая методология формирования образа будущей России.....	225
Анисимов О.С. Образ будущего России как методологическая проблема.....	232
Альтман Ю.И. Рефлексия над будущим: рассогласование ценностных ориентаций в форме двоемыслия как метакогнитивное хеджирование рисков в условиях социальной нестабильности общества потребления.....	238
Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г. Кризис будущего на пространстве Евразии.....	243
Боршевич В.И. (Молдова) Современная этическая рефлексия: рог изобилия или ящик пандоры?	247
Ваганов А.Г. Предсказание настоящего времени как рефлексивная работа над будущим.....	251
Лапин Н.И. К реальному гуманизму - через критический гуманизм и рефлексивное общественное мнение.....	255
Малков С.Ю. Современный кризис и цивилизационные возможности России (рефлексия над будущим).....	259
Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Петракова Е.Е. Образ будущей России в представлении студенческой молодежи Москвы.....	265
Ольховой К.А. О необходимости создания массовой разновозрастной внеконфессиональной молодёжной организации.....	269
Пойкин А.Е. Рефлексия будущего России в трендах мирового развития	273
Роскошная М.С. Базовая ценность института семьи в контексте формирования образа будущей России.....	279
Соловьев А.К. Будущее пенсионной системы России.....	285
Филатова О.Е., Хадарцев А.А., Поскина Т.Ю., Сидоренко Д.А. Социальные системы – особые системы третьего типа.....	289
Сведения об авторах.....	295

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Ключевые темы юбилейного X международного междисциплинарного научно-практического симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» ориентированы на выявление роли и места рефлексивной проблематики в поиске путей выхода из системного кризиса, в котором в разной степени выраженности оказались как Россия, так и мировое сообщество в целом.

Структура сборника отражает заданную нами логику работы Круглых столов симпозиума:

- эволюция представлений об управлении и развитии в контексте научной рациональности и этики (*роль и место рефлексивных процессов и технологий*);
- рефлексивные аспекты проблематики сложности;
- организация саморазвивающихся инновационных сред (*рефлексия опыта, реалий и будущего*);
- проблема сборки субъектов российского развития и евразийского пространства (*рефлексия социогуманитарных потенциалов прорыва в будущее*).
- образ будущей России (*рефлексия над будущим*);

За последние годы руководство страны провозгласило курс на независимую от Запада политику России. Что дает шанс защититься от технологий управляемого хаоса, использование которых в последние годы привело к дестабилизации целого ряда государств, к лавинообразному росту террористических организаций. Однако неадекватные реалиям XXI века механизмы управления страной не дают оснований для оптимистических прогнозов выхода России из глубокого кризиса, охватившего политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Для качественного изменения ситуации нужны новые высокие гуманитарные технологии, а также проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов развития, что должно составить суть ответа на вызов интеллектуальным силам страны. Развитие России нельзя отрывать от интеграционных и инновационных процессов на евразийском пространстве, что нашло свое отражение в проблематике сборки субъектов российского и мирового развития.

Обобщенно ключевую линию симпозиума можно сформулировать как «рефлексия социогуманитарных потенциалов прорыва в будущее».

В сборник включены представленные до симпозиума материалы участников. Обобщенные материалы Круглых столов планируется опубликовать в журнале «Рефлексивные процессы и управление».

В.Е.Лепский

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УПРАВЛЕНИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЭТИКИ (РОЛЬ И МЕСТО РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ И ТЕХНОЛОГИЙ)

ОТ МОНОДИСЦИПЛИНАРНОГО К ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМУ ПОДХОДУ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (ПРОБЛЕМАТИКА УПРАВЛЕНИЯ)

В.Е. Лепский (Институт философии РАН)

Аннотация. Обоснована актуальность трансдисциплинарного подхода для развития научного знания в проблематике управления. В контексте представлений о научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая) исследованы процессы перехода от монодисциплинарного к трансдисциплинарному подходу в эволюции представлений об управлении.

Ключевые слова: развитие научного знания, управление, классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность трансдисциплинарность, саморазвивающиеся среды.

FROM MONODISCIPLINARY TO TRANSDISCIPLINARY APPROACH IN PROGRESS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE (THE PROBLEMATICS OF CONTROL)

V.Lepskiy (Institute of philosophy of the Russian academy of sciences)

Abstract. The urgency transdisciplinary approach for progress of scientific knowledge in a problematics of control is proved.. In a context of concepts about scientific rationality (classical, nonclassical, postnonclassical) processes of transition from monodisciplinary to transdisciplinary approach in evolution of concepts about control are investigated.

Key words: progress of scientific knowledge, control, classical, nonclassical, postnonclassical rationality, transdisciplinary approach, self-developing environments.

Актуальность трансдисциплинарного подхода в проблематике управления. Кризис в проблематики управления социальными системами стал в еще большей степени проявляться в начале XXI века. Налицо потеря управляемости в сфере мировой экономики и финансовой сфере. Усиление несправедливого обмена в экономических отношениях. Нарастание международных конфликтов, человечество вновь оказалось на грани очередной мировой войны. Усиление расслоения человечества на богатых и бедных. Не сбывшиеся прогнозы формирования среднего класса, как креативного класса постиндустриального общества, определяющего образ будущего

человечества. Кризис англосаксонской модели демократии. Субъекты управления практически во всех сферах деятельности ориентированы на свои индивидуальные интересы, вне сферы их рассмотрения остаются интересы человечества. Преодоление этой болезни и переход к гармоничному развитию человечества в значительной степени определяется совершенствованием механизмов развития научных знаний в проблематике управления.

Обобщенно можно выделить следующие вызовы, с которыми столкнулась проблематика управления [1]: методологический, когнитивный, легитимный, этический, научно-дисциплинарный и др.

Преодоление кризиса в проблематике управления социальными системами невозможно без решения проблемы поиска общих для всех областей знания концептуальных основ управления, создания коммуникативного пространства для представителей различных областей знания связанных с проблематикой управления и организации модерирования их совместной деятельностью. Эти задачи находят свое отражение в различных трактовках трансдисциплинарного подхода.

Монодисциплинарность в проблематике управления (классическая научная рациональность). Классическая научная рациональность, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности.

Традиционное представление об управлении родилось в контексте классической науки, и оно ограничивалось *парадигмой «субъект-объект»*. В исследовании проблематики управления сложился *монодисциплинарный подход*. Фактически все проблемы управления охватывались одной областью знания кибернетикой, которая трактовалась как наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе.

В рамках этой парадигмы для моделирования процессов управления использовались разнообразные подходы: функциональный, функционально-структурный, аксиоматический, информационный, исследования операций и классической теории игр и др. Следует заметить, что все эти подходы органично вписывались в кибернетику первого порядка, которая как монодисциплина охватывала все аспекты управления.

Междисциплинарность в проблематике управления (неклассическая научная рациональность). Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. В этом контексте

развитие представлений об управлении в основном связано с преодолением ряда ограничений парадигмы «субъект-объект». В контексте философии эти исследования способствовали также переходу от доминирования позитивизма к философскому конструктивизму, который становится одним из ведущих направлений в рамках неклассической рациональности.

Для данного типа научной рациональности и базовой парадигмы управления «субъект – субъект» важнейшим свойством рассматриваемых объектов управления, на наш взгляд, является их активность. При этом причинность для данного типа объектов уже не может быть сведена к лапласовскому детерминизму и дополняется идеями "целевой причинности" (целевой детерминации).

Базовая роль парадигмы «субъект – субъект» и становление активных систем как базового типа объектов управления определило ключевое направление развития кибернетики, как кибернетики второго порядка, а также актуализацию в проблематике управления знаний из широкого спектра областей: биологии, психологии, социологии, политологии и др. Переход в управлении от парадигмы "субъект – объект" к парадигме "субъект – субъект" привел к новым представлениям о видах управления, появляются рефлексивное управление, информационное управление, управление активными системами и др. В рамках парадигмы «субъект – субъект» развитие моделирования процессов управления связано с многими научно-прикладными подходами: субъектно-деятельностным, рефлексивным и др.

Рассмотренные аспекты проблематики управления в контексте неклассической научной рациональности дают основания утверждать доминирование на этом этапе *междисциплинарного подхода*. Это проявлялось преимущественно в бинарных междисциплинарных взаимодействиях различных областей знания, которые породили новые научные и прикладные направления, например:

- психология управления, НЛП и др. (психология – кибернетика);
- теория автопоэзиса и др. (биология – кибернетика);
- экономическая кибернетика и др. (экономика – кибернетика);
- философия управления (философия – кибернетика);
- социология управления (социология – кибернетика);
- концепции и модели рационального выбора человеком и др. (экономика – психология – кибернетика).

Междисциплинарный подход способствовал бурному развитию науки, успешному решению актуальных практических задач. Однако в настоящее время все упомянутые направления подвергаются резкой критике за фрагментарность подхода, потери целостности в

управлении, недостаточном учете влияния культуры на субъектов управления и др.

Трансдисциплинарность в проблематике управления (постнеклассическая научная рациональность). Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над научной деятельностью. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями, решается задача их соотношения с осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности.

В контексте постнеклассической научной рациональности происходит трансформация философского конструктивизма, который сохраняет свое значение и в данном виде рациональности. При этом существенно «смягчается» радикализм философского конструктивизма, усиливается акцент на коммуникативных процессах формирующих реальность субъектов, на влиянии этих процессов на ограничение их свободы.

Постнеклассическая научная рациональность предполагает введение в контекст научных исследований и проблематики управления *«полисубъектной среды»*, на фоне которой они проводятся. Ключевыми для теории управления в рамках постнеклассической науки становится *парадигма «субъект – полисубъектная среда (метасубъект)»* и *парадигма «саморазвивающиеся полисубъектные среды»*. В рамках этих парадигм базовыми становятся субъектно-ориентированный и средовой подходы, которые определяют новые требования к видам, механизмам и моделям управления [2].

В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» - создание условий для их развития. Фактически доминирующими видами управления становятся разнообразные *«виды управления через среду»*. В частности, к ним следует отнести управление «мягкой силой», управление посредством создания хаоса, управление сложностью, управление через «задание механизмов функционирования среды», управление *«через механизмы сборки субъектов»*, управление «через социальные сети» и многие другие виды управления. Следует отметить, что новые виды управления адекватные постнеклассической рациональности рождались в основном не под влиянием кибернетике, а под влиянием других областей знаний (экономика, социология, политология и др.).

В контексте парадигм *«субъект – полисубъектная среда»* и *«человекообразные саморазвивающиеся среды»* основные механизмы управления связаны с воздействиями через среды. В центре внимания оказываются ценности, культура, механизмы сборки и разрушения

совокупных субъектов (макросубъектов), механизмы целеобразования и др.

Анализ проблематики управления в контексте постнеклассической научной рациональности позволяет сделать вывод о целесообразности постановки проблемы использования *трансдисциплинарного подхода* к развитию этой проблематики.

Специфика трансдисциплинарного подхода в развитии научного знания на этапе постнеклассической научной рациональности. Актуальность использования трансдисциплинарного подхода в развитии научного знания на этапе доминирования постнеклассической научной рациональности определяется следующими соображениями:

- необходимость интеграции всех видов научной рациональности и соответствующего им инструментария сложившегося в проблематике управления;
- необходимость интеграции разнообразных областей естественнонаучного и гуманитарного знания;
- необходимость выходить за пределы научного знания при формировании картин мира, адекватных проблемам управления саморазвивающимися человекообразными средами;
- необходимость поиска новых человекообразных механизмов управления сложностью.

В контексте данной рациональности базовые научные подходы к управлению «челокообразными саморазвивающимися системами», должны быть ориентированы на гармонию каузального (причинно-следственного) и телеологического (целевая детерминация) видений будущего и развития:

- парадигма саморазвивающихся систем;
- синергетический подход;
- проблематика управления сложностью;
- субъектно-ориентированный подход;
- гуманистические варианты философского конструктивизма;
- средовой подход (рефлексивно-активные среды);
- трансдисциплинарный подход.

Эти подходы находятся в стадии развития и поиска объединяющих парадигм способствующих их взаимной конвергенции. Высокая методологическая сложность организации этих подходов дает основание утверждать, что в рамках традиционно сложившихся представлений о междисциплинарной коммуникации едва ли удастся достигнуть значимых результатов. Актуальными становятся проблемы, решение которых предполагает выход за пределы отдельных дисциплин и привлечение внешних специалистов вооруженных

принципиально другими типами знаний и специальными социогуманитарными технологиями. Важнейшими функциями этих внешних специалистов становятся:

- коммуникативная, обеспечение эффективной коммуникации субъектов;
- репрезентативная, обеспечение рефлексии субъектов;
- онтологическая, связь субъекта познания с реальностями бытия и субъектными реальностями других субъектов;
- интегративная, интеграция пространства знания.

Реализация этих функций требует построения выходов субъектов знания из дисциплинарных в трансдисциплинарные пространства и оснащения их позиций соответствующим *трансдисциплинарным инструментарием*. Фактически мы задали функциональное видение методологической трактовки трансдисциплинарного подхода адекватного развитию проблематики управления.

Традиционно сложилось, что такого рода интеграторами могут выступать методологи и философы. Вместе с тем следует отметить, что особое значение в реализации такого рода функций приобретает культура, задающая общее пространство, в котором представлены все научные области знаний. Можно предположить, что интеграторы трансдисциплинарного подхода это новая профессия ближайшего будущего и их подготовку надо начинать сегодня.

Рассмотренные соображения дают основание утверждать, что в контексте постнеклассической рациональности базовым научным подходом должен выступить трансдисциплинарный подход. Как следствие перед философами встает ряд новых проблем, не только методологических и теоретических, но и практико-ориентированных.

Актуальной является также институционализация трансдисциплинарного подхода. В настоящее время интеграция областей знания, обеспечивающих проблематику управления в контексте постнеклассической рациональности, находится в стадии становления.

Кибернетика третьего порядка могла бы сформироваться на основе тезиса «от наблюдающих систем к саморазвивающимся системам». При этом управление плавно трансформировалось бы в широкий спектр процессов обеспечения саморазвития систем: социального контроля, стимулирования, поддержки, модерирования, организации, «сборки и разборки» субъектов и др. В настоящее время институционализация данного направления отчетливо не проявляется.

Учитывая, что базовым научным подходом в постнеклассической научной рациональности становится трансдисциплинарный подход, философия могла бы претендовать на роль ведущей области знания в

организации и управлении саморазвивающимися человекообразными системами. Конечно, не в целом философия, а ее специализированное направление. Реалии управленческой практики XXI века дают основания для формирования прикладной философии.

Заключение. Анализ процессов эволюции представлений о развитии научного знания в контексте научной рациональности позволил выявить причины кризиса проблематики управления, наметить тренды развития связанные с трансдисциплинарным подходом.

Преодоление кризиса в проблематике управления социальными системами невозможно без поиска общих для всех областей знания концептуальных основ управления, создания коммуникативного пространства для представителей различных областей знания связанных с проблематикой управления и организации модерирования их совместной деятельностью. Эти задачи находят свое отражение в различных трактовках трансдисциплинарного подхода.

Литература

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.- 744с.
2. *Лепский В.Е.* От монодисциплинарности.....
3. *Лепский В.Е.* Эволюция представлений об управлении в контексте научной рациональности / Философия управления: методологические проблемы и проекты / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии; Отв. Ред: В.И.Аршинов, В.М.Розин. – М.: ИФРАН, 2013. С.68-99.
4. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С.46-47.
5. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития –М.: Когито-Центр, 2010. С. 226-245.
http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
6. *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления (26 – 30 января 2009 года): Сборник трудов. – М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302-1308.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 15-03-00404
«Развитие междисциплинарных подходов и рефлексивных стратегий в
современном научном знании»*

НАУЧНЫЙ АЗАРТ КАК РЕФЛЕКСИВНАЯ ИГРА

*Ю.М. Батури́н (Институт истории естествознания и техники
имени С.И.Вавилова РАН, Москва)*

Аннотация. Азартная вовлеченность в научный поиск рассматривается как зависимость и как рефлексивная игра. Демонстрируется сложная структура научного азарта как рефлексивной игры. Предлагается модель двуслойной рефлексивной игры реальных (ученые) и фантомных игроков.

Ключевые слова: научный поиск, научная конкуренция, азартная вовлеченность, рефлексивная игра.

IN PURSUIT OF KNOWLEDGE: A REFLEXIVE GAME

Yu.M. Baturin

*(S.I.Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Abstract. Gambling involvement in scientific research as addiction and as reflexive game are considered. The complex structure of the reflexive game is demonstrated. Two-layer model of the reflexive game among real (scientists) and virtual players is presented.

Keywords: scientific search, scientific competition, intensive gambling, reflexive game.

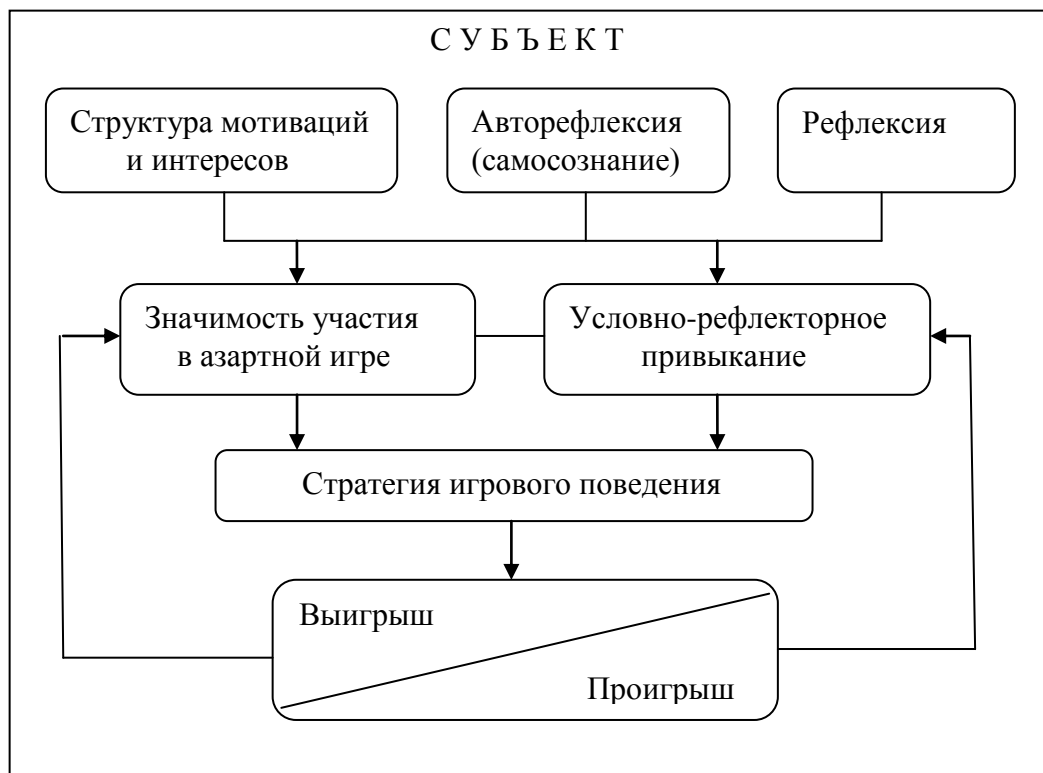
Научный поиск – решение творческой задачи, которая иногда захватывает и не отпускает ученого как игра – азартного игрока. Возникает «азартная вовлеченность» [1, с.13] как непреодолимое стремление к решению научной проблемы, создающей для исследователя зависимость, отчасти схожую с зависимостями от психоактивных веществ, с возникающей в гейминге (игровая зависимость), а также с иными поведенческими зависимостями. Однако структура этой зависимости оказывается существенно иной и более сложной чем в функциональной зависимости $y = f(x)$.

Азартная зависимость, обусловленная в том числе и социальной средой, есть одна из форм социальных отношений, в которые вовлечен субъект, определяемая внутренней структурой мотиваций и интересов субъекта, множеством элементов поведения субъекта и отношениями между этими элементами (стратегия поведения), его авторефлексией (самосознанием), а также способностью к восприятию поведения среды (иного субъекта или субъектов), то есть рефлексией.

Природа и структура азартной зависимости в многочисленных концепциях выглядят по-разному: и неадекватная попытка разрешения внутриличностного конфликта, и непрекращающийся вызов судьбе, и

привыкание к ожиданию выигрыша, и искажения оценок в когнитивных процессах [1, с.34-50]. Для нас особенно интересен когнитивный подход, в рамках которого делается попытка связать познавательные процессы с самосознанием (что очень близко к авторефлексии), а также с принятием решения – выбором стратегии игры.

В самом общем виде интегративная модель, описывающая азартную зависимость, показана на рис.1.

Рис.1 Структура азартной зависимости

Важнейшей характеристикой азартных игр является наличие в них выигрышей, и в науке также имеются традиционные бонусы – повышения, другие символы признания вплоть до нобелевской премии. Однако наряду с показателями научного успеха, имеющими материальное выражение, имеется и другой, не менее действенный, – чувство удовлетворения, удовольствие.

Каждому азартному игроку свойственно свое игровое поведение. Азартные игроки обычно имеют дело с игрой против Природы («однорукий бандит» и другие игровые автоматы, электронные терминалы, кости, рулетка, ставки на бегах, спортивные тотализаторы), либо с биматричными играми (карточные игры, бильярд). Для некоторых игр используется и механизм рефлексии (карточные игры, игры на финансовых рынках). Рефлексия у азартного игрока, однако,

как правило, не превышает максимальный целесообразный ранг рефлексии равный двум [2, с.15].

В азартных играх бывают ситуации, когда число игроков больше двух, и тогда могут образовываться коалиции игроков, действующих совместно против остальных игроков. В диаде не бывает большинства, но добавление третьего игрок делает это возможным. Бывают игры изначально коалиционные (карточные игры двое надвое – «вист», «козёл»). В преферансе могут возникать временные коалиции (только для осуществления коалиционной стратегии). Возникают коалиции действий и коалиции интересов. Словом, азартные игры и стратегии игрового поведения могут быть достаточно сложными.

Некоторые азартные игры породили серьезные научные направления. Так, бильярд послужил исходной точкой для теоретической механики, важных направлений эргодической теории и теории динамических систем; орлянка, кости, рулетка – теории вероятностей. Поэтому научный поиск в области азартных игр служит естественным «мостиком» к нашей теме.

Рассмотрим научный азарт как рефлексивную игру.

Прежде всего, научный поиск – это, по определению, игра с Природой, которая носит также название выбора решения при неопределённости. Каждый из нас сталкивался с такой игрой, задавая себе утром вопрос: брать ли зонтик? Природа делает ходы иногда случайные, иногда predetermined, но функцию ее выбора далеко не всегда можно понять. Именно в ней суть научного поиска. Ученый, в отличие от азартного игрока, ориентированного на бесконечное повторение ходов в надежде на выигрыш, выстраивает рациональную стратегию игры с Природой.

Игра против Природы является частным случаем матричной игры. Её особенность состоит в том, что второй игрок (Природа) не преследует собственные цели, то есть является безразличным (не злонамеренным) игроком. Стратегии Природы – ее возможные состояния, обусловленные законами Природы, а также случайными, неизвестными ученому факторами. То, что у Природы нет собственной структуры мотиваций и интересов, делает для ученого игру более сложной, поскольку нельзя рефлексивно просчитать стратегии Природы, исходя из ее «мотивов» и «интересов».

Рефлексия в игре с Природой возникает, благодаря созданию в сознании ученого фантомных игроков [2, с.16], обладающих знанием того или иного закона Природы в области научного поиска. Все научные знания (Наука) считаются общим знанием, а введение виртуальных игроков ограничивает (упрощает) игру областью научного поиска. Здесь научный азарт проявляется в расширении и углублении области научного поиска, что требует приобретения новых знаний.

Игра считается выигранной (цель научного поиска достигнутой), когда найденное решение научной проблемы не противоречит знаниям фантомных игроков.

Научный азарт усиливается научной конкуренцией, что создает второй слой рефлексивной игры – попыткой проникнуть в ход мысли других ученых, занимающихся той же задачей, и не всегда полностью публикующих свои идеи и полученные данные.

Возникает двуслойная рефлексивная игра, в которой ученый стремится выиграть и у виртуальных игроков, и у физически реальных коллег, используя множественные рефлексивные отражения в каждом из слоев для выигрыша в другом слое игры. Азарт возникает как реакция на кажущуюся близость решения, видимого в рефлексивных отражениях.

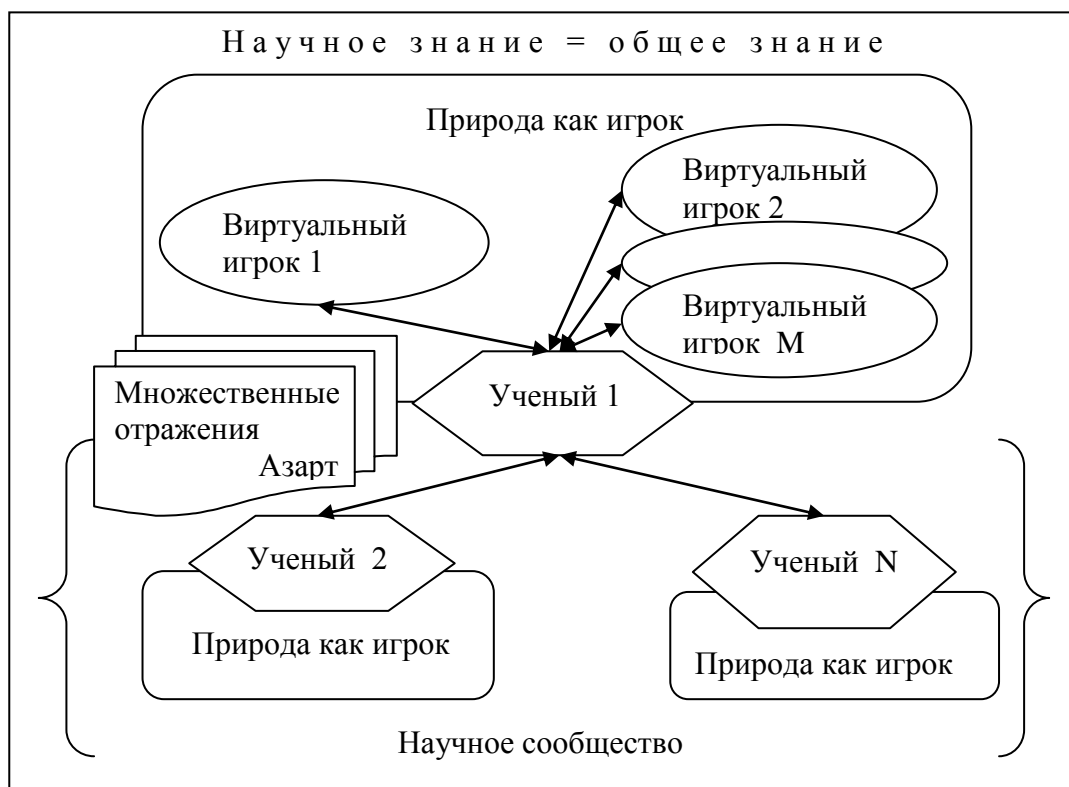

Рис.2 Рефлексивная структура научного азарта.

Азартная зависимость, безусловно, девиантное поведение. Однако структуры негативного девиантного поведения (патологическая склонность к азартным играм) и позитивной девиантности (творчество, самоактуализация личности, в какой-то мере, трудоголизм) существенно отличаются [3, с.18-39].

Так, у азартного игрока формируется условный рефлекс, который преимущественно и обеспечивает множество циклов игры (глубину азартного расстройства).

Азартная вовлеченность ученого в решение научной проблемы возникает не на рефлекторном уровне, а ступенью выше – в процессах рефлексии. Ученый рассматривает игру с Природой не как простую матричную, а как рефлексивную игру нескольких игроков. Игра усложняется рефлексивным соперничеством за первенство с другими учеными (игроками). В проявлениях научного азарта рефлексивные процессы преобладают.

Литература

1. *Бобров А.Е.* Азартное расстройство (патологическая склонность к азартным играм): клинические, лечебно-профилактические и психосоциальные аспекты (при участии О.С.Антиповой). – М.: ИД «Медпрактика-М», 2008. – 268 с.
2. *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Рефлексивные игры. – М.: СИНТЕГ, 2003. – 160 с.
3. Творчество как позитивная девиантность / Под общ. ред. Я.И.Гилянского и Н.А.Исаева. – Спб.: «Алеф-Пресс», 2015. – 279 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

О.А. Беленкова, И.А. Газизова (Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа)

Аннотация. Исследованы возможности формирования национальной идеологии в постиндустриальном обществе, обоснована ее связь с инновационно-ориентированной экономикой, конкретизированы перспективы ее формирования в современной России.

Ключевые слова: национальная идеология, социальное управление, инновационно-ориентированная экономика, «деидеологизация», «реидеологизация».

NATIONAL IDEOLOGY IN THE CONTEXT OF RATIONALIZATION OF MANAGEMENT IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY

*O.A. Belenkova, I.A. Gazizova
(Ufa State Petroleum Technological University, Ufa)*

Abstract. The article explores the possibilities of forming a national ideology in the post-industrial society, justifies its relationship with innovation-oriented economy, fleshed out the prospects of its formation in modern Russia.

Keywords: national ideology, social management, innovation-driven economy, «deideologization», «reideologization».

На рубеже третьего тысячелетия истории человечества все более очевидным становится формирование единой общемировой цивилизации, приоритеты которой определяются социально-ориентированной инновационной экономикой рыночного типа. Этими приоритетами являются наука, образование и управление, обеспечивающие разработку и внедрение в производство высоких технологий, а также создание социально-экономических условий для их успешного функционирования. Однако, как свидетельствуют многочисленные зарубежные и российские исследования, формирование социально-ориентированной инновационной экономики возможно лишь при качественно новом уровне духовной культуры человечества. Эта культура, развивающаяся в новых исторических условиях гуманистические традиции человечества, должна определить на основе постулатов универсального эволюционизма новую стратегию его развития – целенаправленный «ноосферогенез», как назвал этот путь развития российский академик Н.Н. Моисеев.

Основные идеи этой культуры, определяющие принципы социального управления в постиндустриальном обществе, можно выявить в трудах Н.Н. Моисеева и в его итоговом исследовании современной цивилизации «Быть, или не быть человечеству» (М., 1999 г.). Они состоят в следующем:

- регулирование общепланетарной деятельности человечества с позиции *Экологического императива*, определяемого принципами коэволюционного взаимодействия природы и общества;
- формирование *Единого Гуманитарно-нравственного императива* для всего человечества, сущность которого состоит в дополнении Кантовского категорического императива Гуманистическим императивом о реализации личной свободы и творческой деятельности каждого человека, что должно оцениваться как условие развития общества в целом;
- разработка в условиях формирующегося постиндустриального общества оптимально возможных для самореализации человека вариантов технико-технологического преобразования производительных сил и выработка соответствующих рекомендаций правительствам и корпорациям;
- конкретизация формирования инновационной экономики рыночного типа в странах с разным уровнем социально-экономического и политического развития и обеспечение

прогнозов возможных реакций на эту экономику у отдельных локальных сообществ;

- прогнозирование на основе политологического анализа возможных социально-экономических и политических противостояний и цивилизационных разломов между Востоком и Западом, Севером и Югом с целью предотвращения возможных конфронтаций между ними на общепланетарном уровне [1, с. 3-30].

Предложенная Н.Н. Моисеевым концепция Стратегии развития человечества включает два взаимосвязанных компонента: технико-технологический и социально-нравственный. Причем, если технико-технологические проблемы человечество уже сегодня способно решить, то решение социально-нравственных проблем потребует формирования новой идеологии, связанной с глубокой морально-этической перестройкой духа и смысла современной духовной культуры. В русле управленческой культуры этого типа каждая страна, входящая в единое мировое сообщество, должна, опираясь на традиции своей духовной культуры, сформировать системоорганизующие идеи новой идеологии, соответствующие ее ментальности и ориентирующие данную страну на решение общепланетарных задач.

Идеология, вырастающая на основе культуры нации и ее традиций и выражающая ее глубинные сущностные потребности, является мощным фактором развития общества. Она объединяет нацию и позволяет ей с достоинством строить свои отношения в системе мирового сообщества с другими странами, а также выдерживать внутреннее напряжение при решении своих социально-экономических, политических и духовных проблем. История свидетельствует, что целый ряд стран сделали мощный скачок в своем развитии, опираясь на идеи, консолидирующие усилия их наций. Для разгромленной во второй мировой войне Японии консолидирующей идеей была идея «единой системы». В Германии после уничтожения фашистского рейха объединение демократических сил страны произошло на основе «идеи покаяния», которая дала мощный импульс формированию «общества всеобщего согласия». В Испании подобную же роль сыграла «идея национального согласия». В США ядром идеологии, позволившей консолидировать все социальные слои общества, стала «идея политического порядка», которая утвердилась в сознании американской нации в последние десятилетия двадцатого столетия.

Для современного российского общества формирование национальной идеологии является необычайно сложной задачей. Эта идеология должна определить пирамиду ценностей, включающих: а) *высшую надындивидуальную цель*; б) *иерархию социально-практических задач (наука, образование, высокие технологии,*

социальная инфраструктура, экология и т.д.); в) свобода и права личности. При этом высшая надындивидуальная цель национальной идеологии российского общества должна определять стратегию его развития, формируясь как нравственный синтез эволюции коллективного разума человечества и общероссийских национальных интересов.

Идея «деидеологизации», которую взяли на вооружение российские младореформаторы после августовской (1991 г.) демократической революции, привела к перманентному кризису во всех сферах общества, в том числе хозяйственно-экономической, поскольку была окончательно дискредитирована идеология, обосновывающая административно-командное управление. Однако, по словам А.А. Зиновьева, без идеологии российское общество перестает существовать как единое целое, а вместо него складывается множество атомизированных групп [2].

Н.Н. Моисеев считал, что глобализация и либерализация экономики, в которых выразилась непродуманная политика управления страной в постсоветский период и которые окончательно себя скомпрометировали как бесперспективные стратегии, должны быть заменены «просвещенным протекционизмом». Его цель – защита экономических интересов российского бизнеса и широких слоев российского общества на основе сочетания общегражданской идеологии и экономики.

Основой общегражданской идеологии должны стать:

1) идея социальной справедливости, которая отвергает призыв к получению прибыли любой ценой и ориентирована на адекватную оценку труда представителей всех социальных групп, вносящих свой вклад в процветание страны;

2) идея нового коллективизма, в основе которого лежит коллективный менталитет всех российских этносов;

3) идея ответственности общества и государства за достойную жизнь своих граждан, которые своим трудом обеспечивают стабильность и процветание общества.

Реализация этих идей как процесс реидеологизации будет способствовать снятию отчуждения в сфере управления и благодаря этому оздоровлению всей системы общественного производства на основе включенности широких слоев общества в организационно-управленческую деятельность, цель которой – формирование инновационной экономики рыночного типа как определяющего условия процветания российского общества.

Литература

1. *Моисеев Н.Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политический анализ // Вопросы философии. 1995. №1.
2. Постсоветизм во мгле. Беседа с философом, социологом, писателем А.А. Зиновьевым о социальной системе, сложившейся после развала Советского Союза. 2005. / Лит. газета 5 – 11 октября. №41.

ЗАКОН БУМЕРАНГА: ТИРАНИЯ СВОБОДЫ И ТОТАЛИТАРИЗМ ДЕМОКРАТИИ (РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКИ)

Виктор Боршевич (ULIM, Молдова, г.Кишинев)

Аннотация. Показано опасное и разрушительное действие «закона бумеранга», в соответствии с которым свобода, лишённая этических начал, неизбежно обращается в тиранию, демократия, лишённая морали, неизбежно превращается в тоталитарную систему, точно также, как любая геополитическая, геоэкономическая и геостратегическая сила, лишённая этических сдержек и противовесов, неизбежно порождает катастрофические последствия для человечества и сеет семена собственной гибели – архаический этос модернизируется, подавляет традиционную этику и прогресс оборачивается катастрофическим развитием.

Ключевые слова: либерально-демократический фундаментализм, архаический этос, закон бумеранга, рефлексивно-дискурсивный подход.

THE LAW OF THE BOOMERANG: TYRANNY OF FREEDOM AND TOTALITARIANISM OF DEMOCRACY (A REFLEXIVE ANALYSIS OF MODERN ETHICS)

Victor Borsevici (ULIM, Moldova, Chisinau)

Abstract. The paper demonstrates how dangerous and destructive the law of the boomerang is: according to this law, freedom, if deprived of ethic principles, shall turn into tyranny; democracy, if deprived of morality, shall transform into a totalitarian system. Just like any geopolitical, geoeconomic and geostrategic power, if deprived of ethic checks and balances, shall generate catastrophic ramifications for the humankind and sow the seeds of its own death: archaic ethos modernizes undermining traditional ethics, and progress returns in the guise of catastrophic development.

Keywords: liberal-democratic fundamentalism, archaic ethos, the law of the boomerang, reflexive-discursive approach

Этика изначально рефлексивна. Ибо, то, что одни называют Богом, другие – Совестью, постоянно заставляет человека совестливого, человека «с богом в душе» четко отслеживать характер своих поступков и их отражения в душах других людей.

«Относись к другим людям так, как бы ты хотел, чтобы они относились к тебе», «Не требуй от других того, чего не требуешь от себя» etc. – вот краткие примеры типичных моральных императивов, выработанные в различных культурах и исторических эпохах на все времена.

И всякий раз, когда «субъекты деятельности» (индивидуальные либо коллективные) становились на путь отречения от мудрой этики своих предков, суровый бумеранг судьбы обрушивался на их головы. Порукой тому громоздящиеся поныне руины пирамид в Египте и на Юкатане, остатков колоннад Эллады и Рима, развалин Вавилона и Пальмиры.

Но, похоже, что ослепленное новейшими политическими и экономическими доктринами, ошарашенное современными информационными технологиями, человечество постепенно стало относить всю эту многовековую мудрость традиционной этики в разряд «изжившей себя архаики» и «бесполезных предрассудков».

Не замечая, как при этом последовательно (и неотвратимо) стал нарождаться жестокий, истинно архаический этос политико-олигархических кланов и суровый фундаментализм либерально – демократической догмы, породившей невиданные прежде монструозные формы свободы одержимых и демократии отверженных.

Начало XXI века ознаменовалось двумя трагическими событиями: падением «башен - близнецов» в Нью – Йорке и серией «цветных революций» в странах Азии, Африки и Восточной Европы, резко подорвавших стабильность, суверенитет и демографическую ситуацию в пограничных районах западной цивилизации (бумерангом породивших беспрецедентную волну беженцев в страны ЕС).

Триумф принципов «двойных стандартов» и «резиновой морали» охватил все области деятельности – от властных элит до самых подневольных кругов населения – т.н. «народных масс» и многочисленных категорий «отверженных» (как в самых бедных и отсталых регионах планеты, так и в самих странах «золотого миллиарда»).

Но о самой этике забыли. Забыли и поплатились. И вот почему.

В век отсутствия долговременных общечеловеческих проектов, связанного с лихорадочной борьбой за существование в стиле «здесь и

сейчас», иначе говоря, в век доминанции современного либерально – демократического фундаментализма, *свобода, лишенная морали, обернулась страшной «свободой» никому не нужных людей, семей, этнических групп и целых народностей; демократия, лишенная морали, обернулась удручающей «демократией» ничего не решающих, «атомизированных» граждан и, соответственно, тиранией политико – олигархических элит.*

При усердном старании бюрократических и медийных элит Запада традиционные этические скрепы и противовесы стали разваливаться и трещать по швам. *А без этих традиционных этических скрепы противовесов наступила «эпоха беспредела». И тут же в действие неотвратимо вступил суровый закон всех гуманитарных систем – «закон бумеранга»: беспредел финансово – экономической власти с неизбежностью породил хронический долговой кризис и неспособность платить по долгам; беспредел геополитической власти породил конstellации стран БРИК и ШОС (в противовес США и Евросоюзу); беспредел идеологического неопундаментализма реактивно возродил фундаментализм архаических клановых и религиозных движений (таких, как «Аль Каэда», «Бока Харам», ИГИЛ и др.); беспредел информационной власти породил скандалы «Викиликс» и «Сноуден»; беспредел безнравственности стал рушить институты семьи и брака.*

Из этого же ящика Пандоры словно из рога изобилия последовали умопомрачительные сцены ритуального отрубания голов западных журналистов и «неверных», а также ритуального разрушения памятников мировой культуры Вавилонa и Пальмиры. А волна инспирированных – «цветных» революций породила не только беспрецедентный политический хаос, но и беспрецедентное цунами массовой эмиграции «цветного» населения в страны «золотого миллиарда». За что боролись, на то и напоролись.

Короче говоря, беспредел властолюбия, тщеславия и алчности, лишенный выработанных тысячелетиями морально – этических противовесов обернулся крахом глобалистской модели развития, крахом, пока еще плохо видимым, как раз в силу своей неизбежности.

Неизбежность этого краха заключается в том, что набирающие силу альтернативные мировые проекты и тенденции опираются как раз на традиционную и потому могучую этику неоконфуцианства, христианства, буддизма и ислама.

Отход от принципов христианской морали со стороны властолюбивых и алчных пап, в своё время, породил Протестантскую Реформацию и новые моральные принципы капиталистической экономики (М. Вебер), точно также, как и алчность, властолюбие современных транснациональных компаний, банков и правительств на

корню подрывает основы породившей их протестантской этики. Кстати, сказать, эта самая протестантская этика, в свое время, отнюдь не помешала развитию работорговли и истреблению африканских и индейских племен, когда это было выгодно носителям этой самой «христианской морали».

Всякий раз, когда этика человечности и справедливости подменялась «этикой» лицемерия, нетерпимости, стяжательства и человеконенавистничества, небрежение традиционной этикой обращалось крахом политических и экономических систем, выросших на ее основе.

В чем заключается сила этики как регулятора поведения человека и общества и чем опасно ее небрежение? Если попытаться сформулировать ответ максимально просто (а это возможно только в самых общих категориях), то сила этики заключается в том, что она уравнивает природноприсущие человеку как альтруизм, так и эгоизм (см. альтруизм родителя, эгоизм ребенка).

Рассмотрим моральный императив: «Не делай другому того, чего не желаешь себе» (императив равно почитаемый как в конфуцианской, так и в христианской и в других этиках). Здесь Зло выступает в облики того, чего не желаешь себе (см. русское «не пожелаешь и врагу») - не навреди, не сотвори зла другому, такому же, как и ты человеку. Здесь уже звучит мотив утверждения Равенства людей перед лицом Человечности и Справедливости и мотив Доверия. Таков краткий рефлексивно – дискурсивный анализ этого могучего морального императива, сцепляющего различные этические понятия в единую этическую систему.

Великий мыслитель эпохи Просвещения Иммануил Кант делает решительный шаг в сторону универсализации морального императива (категорического): «Руководствуйся только тем, что ты можешь пожелать в качестве всеобщего закона». Рефлексивно – дискурсивная сложность кантовского морального императива соразмерна разве что предельной простоте его формулировки (так доказательство теоремы Ферма, невероятно простой по форме, требует погружения в невероятные глубины ее содержания).

Однако, общий смысл этого критерия универсализации притязаний предельно ясен: нельзя руководствоваться тем, что могут взять на вооружение и другие- обманом, клятвопреступлением, несправедливостью, бесчеловечностьюetc. По сути дела, это универсальный критерий, определяющий пределы эгоизма и альтруизма.

Но Кант на этом не останавливается: «Совершая поступки, всегда исходи из отношения к человечеству как в своем лице, так и в лице всякого другого как к цели и никогда – как к средству».

Увы, кенигсбергский гений и помыслить не мог, что настанут такие времена, когда с помощью «идеологии» двойных стандартов из людей будут делать «нелюдей» и «недочеловеков», более того, целые сообщества людей превратят в бесполезных и ненужных, в людей, готовых себя по «доброй воле» считать лишь «средствами», «пушечным мясом», «электоратом», «донорами» органов etc., кем угодно, лишь бы заработать на кусок хлеба и место под солнцем.

В мире, охваченном экономической и демографической катастрофой (в начале XX в. - один миллиард жителей, в начале XXI в.- более семи), усугубленной долговым кризисом, роботизацией производств и услуг, в мире, где отсутствует перспективное проектирование будущего, в мире, где царствует бесчеловечность и несправедливость, где людей лишают их традиционной идентичности и солидарности (превращая их историческое разнообразие в унифицированное «атомизированное множество»), в мире, где презирают этические императивы, историю и память своих предков, простому человеку становится трудно дышать. Даже древний принцип римской империи «хлеба и зрелищ» перестает работать. По данным международных организаций, огромное число жителей планеты недоедает и голодает, тогда как зрелища в интернете становятся все более аморальными и жестокими.

Выход один: политика и экономика должны стать выражениями традиционной этики, с ее фундаментальными принципами человечности и справедливости. *Этические и моральные императивы должны стать императивами политическими и экономическими. Таково веление времени: Декларация прав человека должна быть дополнена Декларацией фундаментальных этических норм в межгосударственных отношениях.*

Точно также, как XIX век стал веком пара и электричества, XX век – веком атома и генетики, XXI век должен стать веком этического преобразования человечества. Иначе, технологический прогресс во всех областях его деятельности станет его же могильщиком. Рано или поздно, с объективностью Фемиды и неотвратимостью Немезиды.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с.
http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
2. *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 218 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МОДЕЛЯХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Г.П.Виноградов, В.Н.Кузнецов

(Тверской государственной технической университет, г.Тверь)

Аннотация. Рассмотрена модификация моделей рационального поведения путем включения в них переменных, которые являются характеристиками, используемыми в психологии, социологии, на основе принципа постнеклассической рациональности. В докладе предлагается реализация этого подхода в процессе согласования целей управляющей системы и объекта управления – субъекта, так как именно в процессе согласования человек предъявляет модель поведения, соответствующую целям управляющей системы. Для этой цели предложено использовать понятие целеустремленного состояния, и введены меры, с помощью которых описывается восприятие человеком свойств этого состояния.

Ключевые слова: рациональность, модель, принятие решений, агент

THE EVOLUTION OF IDEAS ABOUT MODELS OF DECISION MAKING IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC RATIONALITY

G. P.Vinogradov, V. N.Kuznetsov

(Tver state technical University, Tver, Russia)

Abstract. One possible solution for overcoming these shortcomings is to modify models of rational behavior by including variables that are characteristics used in psychology, sociology, based on the principle of post-nonclassical rationality. The report proposes the implementation of this approach in aligning the objectives of the control system and the control object is the subject, as it is in the process of harmonizing man makes the behavior model corresponding to the order management system. For this purpose, proposed to use the notion of purposeful States, and the introduced measures, which describes the human perception of the properties of this state.

Keywords: rationality, model, decision making, agent.

Учет фактора субъективности в моделях принятия решений нарушает фундаментальный принцип методологии исследования операций: поиск объективно оптимального решения [1]. Как показали исследования в области математической психологии, классические и поведенческие подходы к моделированию принятия решений не позволяют объяснить многие наблюдаемые на практике явления и процессы [2].

Поведение человека (в дальнейшем агент) является результатом его когнитивной деятельности, которая придает ему целенаправленность. В психологии когнитивная деятельность рассматривается как процесс формирования мысленного образа– модели познаваемых объектов. В

соответствии со сформированной моделью, исходя из фиксированных в сознании установок, правил, обычаев, знания и опыта, вырабатывается отношение к наблюдаемому. В зависимости от этого отношения и оценок степени адекватности объекту результата мысленного отображения агент формирует свое поведение, вырабатывая программу действий.

Поведение всегда связано с выбором, который происходит в ситуации целеустремленного состояния [3]. Оно складывается из следующих компонент: агент с номером k , осуществляющий выбор; окружение выбора (S); ограничения, отражающие требования, накладываемые на выходные переменные и управляющие воздействия.

Введем меры, которые будут использоваться для оценки целеустремленного состояния агентом.

1. Будем считать, что агент способен выделять факторы – характеристики окружения $X^k = \{x_i^k, i = \overline{1, N}\}$. Влияние каждого фактора агент оценивает с помощью лингвистической переменной степень влияния фактора $\mu^k(x_i^k): x_i^k \rightarrow [0, 1]$. Пусть для описания влияния выделенных факторов на результаты $O_i^k, i = \overline{1, m}$ агент использует аппроксимацию в виде нечетких продукционных правил.

2. Известные (доступные) агенту способы действий. Опишем неравнозначность при выборе способа действия как степень уверенности в необходимости применения способа действия с помощью лингвистической переменной $\psi_{ij}^k(O_{ij}^k, C_j^k) \in [0, 1]$. Эта мера является индивидуальной характеристикой агента, которая может меняться в результате обучения и приобретения опыта. Поэтому $\psi_{ij}^k = \psi_{ij}^k(C_j^k, I_{ij}^k | A) \in [0, 1]$, где I^k – информированность агента.

3. Возможные результаты при данном окружении выбора. Выбор способа действий C_{ij}^k при принятии решения агентом в ситуации целеустремленного состояния для достижения результата O_i^k связан с построением количественной оценки свойств выбираемого решения. Представим возможные результаты при заданном окружении выбора в виде $O_i^k \in \{O_{ij}^k, j = \overline{1, J}\}$, очевидно, что $O_{ij}^k = O_{ij}^k(C_j, S_i), S_i \in S$.

4. Ценность результатов O_i^k . Наличие этого показателя следует из качественного предположения о том, что агент наделен способностью сравнивать блага, которые он приобретает при получении различных видов результатов, с затратами труда, которые он должен для этого

приложить. Поскольку $O_{ij}^k = O_{ij}^k(C_j)$, то ценность j -го вида результата можно оценить следующей лингвистической переменной $\varphi_i^k(O_i^k(C_j)) \in [0, 1]$.

4. Эффективность действия с точки зрения результата – это субъективная оценка затрат агента EE_{ij}^k на получение результата O_i^k способом действия C_j^k в окружении S в виде $EE_{ij}^k = EE_{ij}^k(O_i^k | A \text{ выберет } C_j^k \text{ в } S) \in [0, 1]$.

Введенные три лингвистические переменные $\mu_i^k(x_i^k)$, ψ_{ijl}^k , E_{ij}^k образуют модель представлений агента о ситуации целеустремленного состояния. Теперь можно определить ценность целеустремленного состояния по i -му результату для k -го агента

$$[1]: E\varphi_i^k = \frac{\sum_{j \in J} \varphi_{ij}^k(O_i^k(C_j^k)) \cdot \psi_{ij}^k(O_i^k, S_{ijl}^k)}{\sum_{j \in J} \varphi_{ij}^k(O_i^k(C_j^k))}.$$

По аналогии можно оценить ценность целеустремленного состояния для k -го агента по эффективности для i -го вида результата:

$$EE_i^k = \frac{\sum_{j \in J} EE_{ij}^k(O_i^k(C_j^k)) \cdot \psi_i^k(C_j^k)}{\sum_{j \in J} \psi_i^k(C_j^k)}.$$

Оценка агентом желательности целеустремленного состояния по i -му результату и эффективности его достижения в ситуации выбора задается в виде лингвистической

переменной $\chi_{i1}^k = \chi_1^k(E\varphi_i^k) \in [0, 1]$, $\chi_{i2}^k = \chi_2^k(EE_i^k) \in [0, 1]$. В основе

процесса взаимодействия личности и организации находятся психологический и экономический контракты. Они отражают существенные ожидания личности от организации. Следовательно, можно определить следующие

ограничения: $\sum_i \chi_{i1}^k(E\varphi_i^k) \geq \chi_1^0$ и $\sum_i \chi_{i2}^k(EE_i^k) \geq \chi_2^0$, где χ_1^0 и χ_2^0 отражают

баланс между затратами и вознаграждением за достигнутые результаты.

Введенные оценки $E\varphi_i^k$ и EE_i^k позволяют определить интегральный показатель ценности целеустремленного состояния для k -го агента как

$\sum_i E\varphi_i^k \bullet EE_i^k$. Учитывая степень уверенности k -го агента ζ_i^k в получении результата, можно получить показатель ожидаемой удельной ценности

$$\pi(\bullet) = EV_k = \frac{\sum_i (E\varphi_i^k \bullet EE_i^k) \bullet \zeta_i^k}{\sum_i \zeta_i^k}. \text{ Это позволяет описывать личность агента}$$

в ситуации выбора в виде математической функции, связывающей ожидаемую удельную ценность со свойствами возможных способов действий, возможными результатами и принимаемыми во внимание как существенными переменными окружения.

Литература

1. Виноградов Г.П. Моделирование принятия решений интеллектуальным агентом. Программные продукты и системы. 2010. № 3. - С. 45 – 51.
2. Kahneman D., Tversky A. Judgment under uncertainty: heuristics and Biases. Gamburg: Gamburg University Press, 1983.
3. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. – М.: Сов.радио. 1974.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РИСК В СОВРЕМЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

В.С. Диев (Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск)

Аннотация. В докладе представлена методологическая позиция автора, заключающаяся в том, что управление в условиях риска предполагает сознательный и рациональный выбор, в основе которого лежит концептуальное представление о том, что риск всегда связан с субъектом и решениями, которые он принимает.

Ключевые слова: рациональность, риск, управление, методология, решение.

RATIONALITY AND RISK IN PRESENT-DAY MANAGEMENT

V.S. Diev (Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk)

The paper presents the author's methodological position that management in the conditions of risk involves a conscious and rational choice. The conceptual basis of this position is that risk is always related to the subject and the decisions they make.

Keywords: rationality, risk, management, methodology, decision.

Управление как вид деятельности существует так давно, как существует человечество, но на рубеже XIX-XX веков в этой сфере

произошел качественный скачок. Переход к научному управлению по значимости сравним с началом использования паровых машин вместо мускульной силы животных и людей. В начале прошлого века произошел интеллектуальный прорыв, связанный с пониманием и осознанием того, что управлять нужно, опираясь на науку, более того, этому необходимо учить, и что самое главное, управление, основанное на теории, намного эффективнее других методов! Говоря о моделях управления начала прошлого века, хочу отметить, что они являлись следствием идеалов и норм естественнонаучной картины мира того времени, были проявлением принятой тогда нормы научной рациональности. Теория управления имеет собственный источник познания – практику, а также пополняется знаниями из других различных дисциплин, без которых она просто не могла бы развиваться. Но еще большее влияние на развитие управления оказала и оказывает научная методология. Полагаю, что можно говорить о своеобразном «изоморфизме» в развитии науки и эволюции теории управления. Отмечу, что как наука, так и управление опираются на рациональность. Соотношение науки, философии и управления можно представить в виде треугольника, в вершине которого находится наука, а в углах основания философия и управление соответственно.

Современное управление, это, прежде всего, управление в условиях неопределенности и риска. В таких условиях человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, позволяющей сравнивать различные варианты действий, и выбирать тот, который наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей. Однако сразу же возникают важные философские вопросы: какое поведение считать рациональным, что служит критерием рациональности, как оценить степень рациональности, можно ли построить модель рационального выбора? Кроме того, как отмечает В. А. Лекторский, сегодня возникли вызовы, которые ставят под сомнение взгляды, согласно которым рациональность понимается как ориентир в понимании мира и как способ проектирования человеческой деятельности [1]. Одним из этих вызовов является понимание и осознание того, что постоянными и неизбежными спутниками человеческой жизни являются неопределенность и риск. Современное общество все чаще называют «обществом риска», поскольку неопределенность и риск, и связанные с ними потенциальные угрозы не становятся меньше, а наоборот, возрастают. При этом очень часто рациональность и риск воспринимаются как антиподы. На самом деле это не так, можно и нужно говорить о рациональном восприятии риска.

Очень важно также понимать различия между категориями «неопределенность» и «риск», которые носят принципиальный и концептуальный характер [2]. Рискованная ситуация является разновидностью неопределенной, когда наступление возможных событий вероятно и может быть оценено. В этом случае, можно оценить вероятность событий, возникающих в результате влияния природной среды, действий партнеров, противников и т.п. В ситуации риска существует количественная оценка последствий принимаемых решений, чего нельзя сделать в ситуации неопределенности, и это является ключевым фактором, различающим риск и неопределенность. Также отмечу, что с методологической точки зрения очень важно понимать, что существуют различные типы неопределенностей. Одним из достижений науки двадцатого века явилось доказательство того, что существует объективная неопределенность и случайность, не зависящая от субъекта. Таким образом, неопределенность и случайность не всегда являются следствием нашего незнания.

Выбор управленческого решения в условиях риска основывается на определенной модели рациональной деятельности, но реальные решения, которые принимают люди, далеко не всегда соответствуют этой модели. Наиболее значительные исследования поведения людей в условиях риска и неопределенности были выполнены психологами Д. Канеманом и А. Тверски [3]. Одним из самых интересных и полезных их результатов является феномен асимметрии в принятии решений направленных на достижение выигрыша, и решений, направленных на избежание проигрыша. Когда речь идет о значительных суммах, многие люди отказываются от риска игры, предпочитая получение гарантированного результата. Например, предпочитают получить 100 тыс. руб., чем играть с шансами пятьдесят на пятьдесят выиграть 200 тыс. руб. или не получить ничего. Люди не столько избегают неопределенности, сколько не хотят потерь. Большинство из нас боится квартиру и дачу от пожара, что означает выбор маленького проигрыша почти со стопроцентной вероятностью, но позволяет избежать большого ущерба. Но, не смотря на все «причуды» в поступках людей в условиях риска, Д. Канеман и А. Тверски приходят к выводу о том, что только рациональный выбор может быть наиболее эффективным, а поведение, основанное на отказе от рациональности, будет хаотичным и непродуктивным. Риск – это не просто столкновение с независимыми от нас обстоятельствами, а осознанный выбор, который может быть осуществлен с использованием определенных процедур, позволяющих сделать деятельность человека более рациональной и эффективной.

Рациональный вывод, который можно сделать на основании изучения реальной практики принятия решений в условиях риска, заключается в том, что необходимо учитывать нерациональность человека при анализе этих процессов. И здесь нет никакого противоречия. Дело в том, что как уже отмечалось, изменились представления о рациональности. Да, в рамках «классической рациональности», риск и рациональность антиподы, поскольку там доминировал лапласовский детерминизм. Полагаю, что сегодня в основе рационального подхода к анализу проблемы выбора в условиях риска должно лежать концептуальное представление о том, что риск всегда связан с субъектом и решениями, которые он принимает. С учетом результатов А. Тверского и Д. Канемана, это означает, что поведение человека в условиях риска определяется не только его когнитивными возможностями, но и ценностями, потребностями, мировоззрением, волей, установками, привычками, традициями, стереотипами. С точки зрения постнеклассической рациональности, этот вывод является абсолютно рациональным, поскольку «новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексивность над ценностями...» [4 С. 25]. Таким образом, сегодня рациональность и риск не являются антиподами, а управление в условиях риска предполагает сознательный и рациональный выбор. Рискуя, человек выбирает альтернативу, являющуюся результатом принятого им решения, хотя возможный результат в точности ему не известен. Без принятия решения не возникает и рискованная ситуация и, следовательно не будет и риска. Без решения нет и риска! Ключевым же является вопрос об измерении риска, поскольку нельзя осуществлять рациональный выбор из возможных линий поведения, пока риск не оценен.

Литература

1. *Лекторский В. А.* Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии 2012. № 5. С. 26–34.
2. *Диев В. С.* Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // Вопросы философии 2013. № 8. С. 4–11.
3. *Choices, Values, and Frames* / Ed. by D. Kahneman and A. Tversky. Cambridge University Press, 2002.
4. *Степин В. С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии 2012. № 5. С. 18–25.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ №13-03-00326.

ПРОВОКАЦИЯ И ЕЕ РЕФЛЕКСИЯ В РАННИХ РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО

А.В. Дмитриев (Институт философии РАН, Москва)

Аннотация. В тезисах анализируется провокация в действиях персонажей М.Зощенко и элементы сопровождающих их рефлексий. В русле рефлексивного подхода выделяется их психологическая составляющая.

Ключевые слова: рефлексия, творчество, провокация, диалог.

PROVOCATION AND ITS REFLEXION IN THE EARLY STORIES OF MIKHAIL ZOSHCHENKO

A.V. Dmitriev (Institute of philosophy RAS, Moscow)

Abstract. The thesis analyzes the provocation in the actions of the characters of Mikhail Zoshchenko and the elements accompanying reflexions. In line with the reflexive approach stands out for its psychological component.

Keywords: reflexion, creativity, provocation, dialogue.

В зощенковских рассказах 20-х годов прошлого века помимо самого автора (рассказ «Серенада») и его героев всегда присутствует введенное лицо – рассказчик, не идентифицированный с творцом, написавшем рассказ. Часты случаи, когда сам язык автора, уподобляясь языку рассказчика, исчезает. М.Зощенко передает психологию своих героев не прибегая, как правило, к авторским оценкам их создания и поведения. Рефлексия его персоналий довольно проста, лишена каких-либо абстракций и аналогий. Исследователи творчества писателя все же считают, что механизм его познания сложен, его частью всегда является критическая рефлексия: один из них прямо утверждает, что автокомментарии писателя содержат рефлексивную составляющую [6, С.113].

Речь рассказчика обычно распадается на отдельные лексические единицы, содержит неуместные вводные слова, тавтологична. Именно таким образом передается психология героя. Разумеется, зощенковская заикленность на психологии часто удручает читателя, но эта тема требует отдельного рассмотрения. Тем не менее, считается, что мышление нового человека – сатирический антиидеал самого М. Зощенко [1, С.310].

Одним из первых «провокативных» рассказов считается «На живца» (1925г.). Сюжет этого произведения довольно прост: в трамвае рядом с автором-рассказчиком сидит гражданка в теплой платке. «Сидит она вроде сильно уставшая или больная...» А рядом с гражданкой пакет, в газету завернутый и перевязанный бечевкой». Рассказчик предостерегает ее от возможной кражи. В ответ следует неудовольствие гражданки:

— Сбил ты меня с плану, черт такой...

— А может, я нарочно пакет этот отложила. Что тогда? Может, я и не сплю, а все как есть вижу и нарочно глаза прикрываю?..

— То есть как? — удивился я.

— Как, как... — передразнила гражданка. — Может, я вора на этот пакет хочу поймать...

— И что же — попадают? — с любопытством спросил кто-то.

— А то как же, — воодушевилась гражданка. — Обязательно попадают... Давеча дамочка вкапалась... Молоденькая такая, хорошенькая из себя. Черненькая брунеточка... Гляжу я — вертится эта дамочка. После цоп пакет и идет... А-а-а, говорю, вкапалась, подлюга...

В этом рассказе «На живца» очевидна и психологическая и социальная антитеза: противостояние автора — интеллигента персонажу из народа.

Схема действия, описанная М.Зощенко примитивна: автор гражданин (гражданка) — провокация — жертва — публика — милиция. Современная нам схема, почти век спустя, выглядит примерно одинаково: полиция — гражданин (гражданка) — провокация — полиция — суд — публика — тюрьма.

В отличие от обычного подстрекательства, провокатор, будь то гражданское лицо, либо представитель правоохранительных органов, действует завуалировано. В таком случае провоцируемый не подозревает о намерениях провокатора, считая, что решение (заимствовать «ничейный» пакет, например), принимает самостоятельно, то есть провокатор как бы исключает свое участие.

Социальное пространство для провокации, также как и в рассказе «На живца» (вагон трамвая), «Тормоз Венстингауза» довольно тесно и ограничивается лишь вагоном поезда. Провокатор (некто из пассажиров в «синем картузе» без особых усилий убеждает одного из подвыпивших и расхваставшихся пассажиров дернуть за стоп-кран. Последний, совершив желаемое для провокатора действие, пугается и неожиданно требует задержать последнего. «Пущай вместе сядем. Он меня подначил». Все же, несмотря на дергание тормозов, поезд почему-то не остановился, спровоцированный же приободрился: «...Я же говорю: ни хрена мне не будет. Выкусили!»... «И сел. А на остановке вышел.

Исследователи-лингвисты и психологи, сталкиваясь с подобными случаями, описанными М. Зощенко, предлагают различать эмоциональную и эмотивную коммуникацию. Если первая спонтанна, то вторая выполняет уже социальную функцию — влияние на собеседника с целью получить ответную реакцию [2, С. 18, 3].

Рефлексивный подход автора часто объясняют в качестве творческого приема. В свою очередь ранние рассказы М.М. Зощенко являются яркой иллюстрацией к пониманию некоторых рефлексивных процедур. Необходимы в таком случае несколько слов о конечной оценке социальной позиции самого М. Зощенко в его собственной интерпретации: «Только хочу сделать одно признание. Может быть, оно покажется странным и неожиданным. Дело в том, что я – пролетарский писатель. Вернее, я пародирую своими вещами того воображаемого и подлинного пролетарского писателя, который существовал бы в теперешних условиях существовать, по крайней мере, сейчас. А когда будет существовать, то его общественность, его среда значительно повысится во всех отношениях.

Я только пародирую. Я временно замещаю пролетарского писателя. Оттого темы моих рассказов проникнуты наивной философией, которая как раз по плечу моим читателям» [4, С. 586].

Совершенно другие акценты расставлены исследователями зощенковского мира, усматриваемые в нем, «колеблющуюся идентичность». Так А. Зорин, рецензируя книгу биографа А.К. Жолковского о Михаиле Зощенко пишет: «Фундаментальным модусом существования зощенковского мира оказываются недоверие к миропорядку, попытка сохранить равновесие в кренящемся бытии, жажда хоть каких-то гарантий устойчивости, упорно взыскуемых то от власти, то от науки и неизбежно обнаруживающих свою эфемерность» [5, С. 213]. Такая интерпретация поэтики Зощенко вовсе не противоречит его социальным прочтениям. Его психологическая драма, сопровождаемая ощущением нестабильности и враждебности окружающего мира, усилилась и привела в конечном итоге к серьезному психологическому кризису, инспирируемому тогда властями.

Литература

1. Сатира М. Зощенко как форма познания личности // Комическое в русской литературе XX века. / Составитель и отв. редактор Д.Д. Николаев. - Издательство ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, 2014. 504 с.
2. Ларина Т.В. Выражение эмоций в английской и русской коммуникативной культурах. Сб. «Язык и эмоции». Волгоград. 2004. С.37.
3. Волкова О.С. Колкость как ироническая провокация негативных эмоций в коммуникативном конфликте// Электронный научный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2015. №1.
4. Михаил Зощенко. Уважаемые граждане. М.: Книжная палата. 1991.
5. Зорин А.А. Рецензия на книгу А.К. Жолковский. Михаил Зощенко: Поэтика доверия. // Знамя. 1999. №12.

6. Семенов И.Н. Рефлексия как системообразующий фактор экзистенциальной сборки субъекта // Рефлексивные процессы и управление. №1 – 2. 2009.

Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта Российского гуманитарного научного фонда № 15-03-0059 «Провокация как конфликтотенная форма взаимодействия: социологическая, социополитическая и социоморальная интерпретация».

XXI-ый ВЕК – НАЧАЛО ЭПОХИ УПРАВЛЯЕМОГО МИРА НА ОСНОВЕ РЕФЛЕКСИИ

Еськов В.М., Еськов В.В., Филатов М.А., Стрельцова Т.В.
(Сургутский государственный университет)

Аннотация. Хаотическая нестабильность (изучается в современной теории хаоса) не может быть применена для социумов из-за неповторимости их начального состояния, т.е. вектор начального состояния $x(t_0)$ неповторим. Эпоха традиционной науки в изучении и моделировании социальных и биологических систем завершается, возрастает роль мониторинга систем третьего типа и рефлексии.

Ключевые слова: уникальные системы, мониторинг, рефлексия.

XXI CENTURY – BEGINNING OF AN EPOCH OF CONTROLLED WORLD BASED ON REFLEXION

Eskov V.V., Filatov M.A., Filatova O.E., Strelcova T.B.
(Surgut state university)

Abstract. Chaotic instability (studied in modern chaos theory) can not be applied to societies because of the uniqueness of their initial state, i.e. the initial state vector $x(t_0)$ is unique. The era of traditional science in the study and modeling of social and biological systems is ending, the role of the monitoring systems of the third type and reflexion is rising.

Keywords: unique system, monitoring, reflexion.

Введение. Несмотря на огромные усилия со стороны В. Богданова и Л. фон Берталанфи по построению общей теории систем (ОТС) эта теория так и остается незавершенной из-за невозможности описания реальных биосистем в рамках традиционной детерминистско-стохастической науки (ДСН). Особые пять свойств систем третьего типа (СТТ) не могут быть описаны в ДСН, поэтому ОТС требует новых подходов и моделей для своего завершения. Напомним, что прошло уже 25 лет с момента выхода 1-й статьи И.Р. Пригожина «The

philosophy of instability» и 15 лет с момента опубликования его 2-го предсмертного обращения к потомкам «The Die is not cast».

Такое научное спокойствие и игнорирование (в плане отсутствия последствий после полемичного высказывания) объясняется двумя обстоятельствами, которые порождают две проблемы в философии, социологии и науке в целом, а лучше говорить в философии науки, которая сейчас пытается сформировать своё новое направление в изучении нестабильности и непрогнозируемости социо- и биосистем. Однако, процесс развития ОТС и ТХС идёт всё-таки очень трудно и медленно. Эти трудности связаны с особыми свойствами биологических и социальных систем, которые невозможно описывать в рамках современной детерминистской или стохастической науки (ДСН).

Две проблемы социологии и естествознания. На первую проблему сразу во введении к своей 1-й статье Пригожин обращает внимание фразой: «...феномен нестабильности естественным образом приводит к весьма негативным серьёзным проблемам, первая из которых – проблема предсказания». Действительно, если наука будет описывать, моделировать только процессы и объекты по их завершению (в пространстве и времени), а возможность прогноза будущего отсутствует, то это будет не наука, а история. Нет прогноза – нет науки, процессы становятся уникальными, а их современная наука не изучает (об этом ещё раз говорил Пригожин позже, т.е. 15 лет назад). Сразу отметим, что для биосистем это полностью справедливо, если мы не будем задавать для них внешние управляющие воздействия (ВУВы), например, медицинские воздействия. В ТХС эти особенности биосистем – СТТ сформулированы в виде: принципов организации и 13-ти отличий СТТ от обычных систем, изучаемых в современной ДСН. Это касается и систем, изучаемых как детерминированный хаос (теория Арнольда).

Вторая проблема более серьёзная и тяжёлая для современной науки и именно на ней мы сейчас и остановимся более подробно в настоящем сообщении. Эта проблема связана с необходимостью выхода за пределы понятий и моделей, которыми оперирует современная наука. Совершенно очевидно, что и И.Р. Пригожин, и С.П. Курдюмов (в своей рефлексивной статье на сообщение Пригожина) хаотическую динамику, непредсказуемость и отсутствие прогноза видят только для особых систем, которые моделируются современными моделями в рамках разрабатываемой сейчас теории хаоса. Это означает, что должны быть некоторые уравнения, их параметры и при определённых условиях в динамике системы могут возникать аттракторы.

Такие условия повторяемы и параметры возникающих аттракторов тоже повторяемы и воспроизводимы. Более того, начальные условия для таких систем тоже повторимы и воспроизводимы. Эта хаотическая нестабильность (изучается в современной теории хаоса) не может быть применена для социумов из-за неповторимости их (СТТ) начального состояния, т.е. вектор начального состояния $x(t_0)$ неповторим! Если же нет повторов начального состояния вектора системы $x(t_0)$, то стохастическую применять тоже нельзя (процессы неповторимы, всё единичное и уникальное). Для уникальных систем методы и модели современной ДСН совершенно невозможно применить. СТТ – это особый тип систем для ДСН. Об этом говорил Пригожин, но его никто не воспринял.

Неопределённость поведения социальных и биологических систем в пределах аттракторов в современной теории хаоса всё-таки повторяема и воспроизводима вплоть до темпоральных горизонтов (с использованием экспонент Ляпунова). Однако, в окружающей нас природе существует огромное количество систем и процессов, у которых экспоненты Ляпунова непрерывно меняют значение, автокорреляционные функции не стремятся к нулю с нарастанием времени t и даже свойство перемешивания на коротких интервалах времени не идентифицируется, но при этом именно эти системы находятся в хаосе [1-3]. В том смысле хаоса, когда будущее не определяется по параметрам вектора состояния системы (ВСС) $x=x(t)=(x_1, x_2, \dots, x_m)^T$ в начальный момент времени $t=t_0$. Задание $x(t_0)$ никак не влияет на дальнейшую траекторию ВСС в фазовом пространстве состояний и конечное состояние ($x(t_k)$) системы (а это и есть современное определение хаоса).

Об этом хотел сказать И.Р. Пригожин в своей предсмертной публикации, когда говорил о конце материализма и редукционизма в науке. Очевидно, что детерминистская прогнозируемость или стохастическая предсказуемость (в смысле задания функций распределения $f(x)$) невозможны для большинства социальных и природных систем. Организм человека, социумы, биосфера Земли не редуцируются, не моделируются, не прогнозируются, в рамках ДСН, но ... они управляемые системы за счет ВУВов, наблюдателя - человека. Человечество подошло к своей грани возможности и ответственности, о которой говорил 25 лет назад И.Р. Пригожин: «...перед человечеством (возникает) возможность выбора...и ответственности». Причём мы можем выбирать не только траекторию развития процесса, но и наши управляющие воздействия, которые могут привести нас к желаемому состоянию биосистемы (в нашей интерпретации к квазиаттрактору). В своих представлениях о ноосфере В.И. Вернадский говорил об этом же, но другими словами. Он утверждал, что человек сам должен управлять

своим будущим (а В. Эбелинг вводил 5 заветов для этого) на основе ВУВов и рефлексии от действия этих управлений. Социология должна базироваться тогда на рефлексии и ВУВ.

Мы можем выбирать своё будущее и его конструировать. Именно об этом писали И.Р. Пригожин и С.П. Курдюмов. Только в этом случае будущее будет материальным и прогнозируемым. В новой науке, в которой изучаются особые системы третьего типа, будущее должно быть прогнозируемым и конструируемым не за счёт знания $x(t_0)$ или законов их развития, а за счёт ВУВов и рефлексии. А это требует ответственности от нас, нынешних. В рамках третьей парадигмы человечество уже должно было бы создать свой будущий квазиаттрактор, его образ, и разработать методы перехода в этот квазиаттрактор. Пока нет ни того, ни другого. Будущее для нас остаётся (в детерминистском и стохастическом смысле) непрогнозируемым и непредсказуемым, а значит теряется его материальность (в аспекте познания). Наступает эпоха понимания реальности СТТ, построения для них новых моделей (этим сейчас занимается сургутская научная школа) и формирования нового мировоззрения, новой философии – философии неопределённости, нестабильности и самоорганизации, философии создаваемого самим человеком своего будущего. Наступает эпоха не прогнозов, а креативного формирования будущего. Это новый подход и в философии, и в науке. Эпоха ДСН в изучении и моделировании социальных и биологических систем завершается, возрастает роль мониторинга СТТ и рефлексии, о которой многократно говорит В.Е. Лепский.

Социальные системы в аспекте 3-й парадигмы. Усилия И.Р. Пригожина в области термодинамики неравновесных систем привели к новому описанию особых термодинамических систем, но не продвинули наше понимание в области биосистем и социальных систем, которые сейчас мы идентифицируем как системы третьего типа – СТТ [1-3]. Особое значение при этом имеет изучение СТТ с позиций термодинамики неравновесных систем (ТНС) Пригожина. Сейчас накопилось достаточно фактов о том, что принцип минимума скорости прироста энтропии P ($P=dE/dt$, где E – энтропия) в точке, где E максимальна, и требования возрастания скорости изменения энтропии P при отходе от такой точки равновесия может и не выполняться для многих СТТ. На многих примерах Сургутской и Тульской школами в области теории хаоса-самоорганизации (ТХС) было доказано, что уход от равновесного состояния для СТТ вообще не приводит к изменению энтропии Шэннона. Энтропия в этих случаях не изменяется в рамках статистических сравнений [1,2], поэтому социальные системы – это не объект ТНС и современной ДСН.

В современной философии остается открытым вопрос о связи постнеклассики В.С. Стёпина с представлениями W. Weaver и трех нобелевских лауреатов: I.R. Prigogine, M. Gell-Mann, J.A. Wheeler. Все эти три нобелевских лауреата (кроме W. Weaver) все-таки относили СТТ-complexity к системам с детерминированным хаосом, что в действительности совершенно не имеет места в природе. Тогда следует особым образом выделить гипотезу В.С. Степина, который допускал неопределенность начального состояния вектора $x=x(t)=(x_1, x_2, \dots, x_m)^T$, которым описывается СТТ. Одновременно В.С. Степин допускал возможность непрерывного изменения статистических функций распределения $f(x)$ для каждой выборки параметров $x(t)$ любой СТТ. Рассмотрим последний тезис более подробно в теоретическом и практическом смысле, т.к. он в корне изменяет всю картину представлений о социальных системах и биосистемах-complexity. Одновременно это всё в корне поменяет (и расширит) наши представления о науке и объектах ее изучения (т.к. СТТ не является объектом детерминистско-стохастической науки – ДСН).

Специфика сложных социальных и биосистем такова, что у них нет стабилизации состояний, нельзя бесконечно долго наблюдать динамику поведения этих биосистем, т.к. нет термодинамического равновесия, а есть эволюция СТТ, и нельзя повторять любое число раз их начальное состояние в виде $x(t_0)$. Об этом говорил В.С. Стёпин в своей фундаментальной работе «Теоретическое знание». В 6-й главе «Научные революции» на стр. 630 Стёпин особым образом выделяет: «Эксперимент... в принципе не позволит воспроизводить её (систему) в одном и том же начальном состоянии». Далее, он выделяет базовое свойство необратимости процессов развития «таких сложных систем» (в нашей интерпретации это СТТ – complexity). В.С. Стёпин говорит о спецификации таких сложных систем, определяя их новым термином «человекообразных» (стр. 631). В нашем представлении к ним относятся в первую очередь именно СТТ, т.е. сложные биосистемы и социумы.

Однако далее констатации этого факта уникальности СТТ (их «человекообразности») дело так и не дошло. Вместе с W. Weaver, I.R. Prigogine, J.A. Wheeler Вячеслав Семёнович остановился на формализации понятия, на определении сложных систем (complexity), которые следует описывать как уникальные, но попыток их математического описания так и не было представлено. Основной упор в их (СТТ – complexity) описании был выполнен в связи с «социальной экспертизой, деятельностью, поиском истины» и т.д. И.Р. Пригожин тоже подошёл к этому барьеру и даже попытался отказаться от детерминистского материализма (нет связи между прошлым и

будущим, будущее не прогнозируемо), но формализация таких процессов в рамках современной науки становится невозможной. Для описания СТТ необходимо модифицировать методы детерминизма или вообще создать новые модели (у нас это квазиаттракторы), которые будут адекватны СТТ [1-3].

Постнеклассика В.С. Стёпина остановилась на известной триаде: (С) субъект познания → (Ср) Средства → (О) Объект. При этом сам В.С. Стёпин активно подчеркивает свойство развития системы (у нас это эволюция) [2,3]. Более того, постулируется развитие (эволюция) типов самой научной рациональности. В классике мы рассматриваем только (О – объект), в неклассике (Ср и О), а в постнеклассике работает вся триада (человек включается полностью в эту триаду и система становится циклической). В постнеклассике В.С. Стёпина человек становится и объектом, и субъектом познания, расширяется поле систем (организм человека, социум, биосфера Земли, Вселенная). Очевидно, что постнеклассика – это вершина эволюции самой философии науки, но она требует подпитки от первоисточника – естествознания, которое сейчас замерло в рамках ДСН.

Однако, в этом расширении главным остается всё-таки уникальность СТТ – complexity, неповторимость начального состояния $x(t_0)$ всего вектора состояния («человекомерный») системы (ВСС). Как описывать такие особые СТТ, какой аппарат необходимо использовать для их прогнозирования и моделирования? Будет ли этот аппарат отличаться от аппарата детерминистского или стохастического подходов (ДСП)? Ответы на эти вопросы сложны и не однозначны, они основаны на построении и развитии теории хаоса-самоорганизации (ТХС), новых подходов не только в естествознании, но и в философии, социологии, политологии. Постнеклассика В.С. Степина может развиваться вместе с развитием ТХС (ее основой) и третьей парадигмой в целом.

Если детерминизм, стохастика и детерминированный хаос не имеют отношения к особым СТТ, а гипотеза В.С. Степина о непрерывном изменении функций распределения $f(x)$ для каждой последующей $j+1$ -ой выборки (по отношению к предшествующей j -й выборки) будет верна, то возникает законный вопрос о статусе СТТ-complexity и как их описывать в рамках науки? Ответы на эти вопросы дает ТХС и вся третья парадигма, которая вводит особый тип неопределённости и нестабильности СТТ. Подчеркнем, что СТТ не подчиняются и термодинамике неравновесных систем I.R. Prigogine, т.к. здесь другое понимание стационарных состояний и эволюции СТТ, что отлично от эволюции Пригожина-Гленсдорфа [3].

Отметим, что сам И.Р. Пригожин в своих публикациях вообще отказывался от материализма [3] и здесь уместно вспомнить кризис

философии начала 20-го века, в связи с появлением квантовой механики и принципа неопределенности Гейзенберга. Сейчас, в самом начале 21-го века мы имеем сходную картину в науке (социологии, биологии и медицине), когда пытаемся ввести аналог принципа неопределенности Гейзенберга для СТТ. Очевидно, что выход из возникших противоречий может произойти при признании особых свойств СТТ (их пять), их 13-ти отличий от ДСП-систем и внедрении постнеклассики В.С. Степина в философии. При этом мы не отказываемся от материализма, но вводим новые понятия стационарности, эволюции (отличные от эволюции Пригожина-Гленсдорфа), новые принципы самоорганизации (самоорганизующийся хаос) и новые понятия хаоса (он базируется на стохастике и реальности хаоса). Одновременно мы постулируем, что для СТТ нет термодинамического равновесия и понятия флуктуаций, т.к. хаотически изменяются сами функции распределения (но они не флуктуируют!). Для СТТ мы используем другой хаос и другие законы изменения энтропии, которые должны описывать реальные процессы в социальных системах на основе рефлексии процессов и создания образа конечного квазиаттрактора.

Таблица 1.

	Начальное состояние	Промежуточные состояния	Конечное состояние
	$x_0(t)$	$x_i(t)$	$x_k(t)$
Детерниими зм	+	+	+
Стохастика	+	±	–
Хаос (И.Р. Пригожин и Г. Хакен)	+ и ±	–	–
Хаос (по версии автора)	–	–	–

Материальный мир, социальные системы становятся нестабильными и выходят за рамки традиционной науки. Условно эта ситуация изображена в Таблице 1, где символом «+» мы представляем полную определённость, «±» – частичную, а «-» – неопределённость начального $x_0(t)$, промежуточного $x_i(t)$ или конечного $x_k(t)$ состояния изучаемых систем. Сразу повторимся, что в СТТ мы формулируем три типа неопределённости на философском уровне (существует ещё 2-е

неопределённости на математическом уровне). Во-первых, стохастическая неопределённость в виде функции распределения $f(x)$, хаотическая неопределённость (в смысле В.И. Арнольда и его теории хаоса [1]) и глобальная (двухуровневая) неопределённость в теории хаоса-самоорганизации. Биосистемы и социальный мир – это и есть СТТ!

Конец современной детерминистко-стохастической науки в отношении особых СТТ наступил с момента понимания невозможности повторения $x(t_0)$ и далее всех промежуточных состояний $x_i(t)$ и конечного состояния ВСС в виде $x_k(t)$. Полная непредсказуемость и непрогнозируемость СТТ – это основа современной ТХС, всей третьей парадигмы. Возникает глобальная нестабильность и будущее кажется нематериальным, т.к. оно непрогнозируемо. Но остаётся внешнее управление (ВУВы) и это управление делает будущие состояния ВСС вполне прогнозируемыми. Конец детерминированной и стохастической определённости наступит с момента признания реальности СТТ, но определённость будущего состояния $x(t)$ остаётся в руках разума. Человек теперь сам должен создавать образ квазиаттрактора и пытаться довести СТТ до нужного состояния. Если угодно, то человек должен стать «богом» для многих процессов в природе и обществе. Он должен прогнозировать любой квазиаттрактор и туда переводить изучаемую СТТ на основе мониторинга и рефлексии $x(t)$ [3].

Литература

1. *Еськов В.М.* Третья парадигма / Российская академия наук, Научно-проблемный совет по биофизике. Самара, 2011.
2. *Еськов В.В., Еськов В.М., Карпин В.А., Филатов М.А.* Синергетика как третья парадигма, или понятие парадигмы в философии и науке // *Философия науки.* 2011. № 4 (51). С. 126-128.
3. *Карпин В.А., Еськов В.М., Филатов М.А., Филатова О.Е.* Философские основания теории патологии: проблема причинности в медицине // *Философия науки.* 2012. № 1 (52). С. 118-128.

ПРОВОКАЦИЯ В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОДХОДА

Задорожнюк И.Е. (журнал «Социология образования»)

Аннотация. Обосновывается продуктивность анализа романа Андрея Белого «Петербург» с позиций рефлексивного подхода. Дается анализ «рефлексивного поединка» его героев в ходе выяснения причин несостоявшейся провокации.

Ключевые слова: провокация, «рефлексивный поединок», аффекты, «дьявольский треугольник», социальная деструктивность.

PROVOCATION IN ANDREI BELY'S NOVEL "PETERSBURG":
A VIEW FROM THE STANDPOINT OF A REFLECTIVE APPROACH

Ivan Zadorozhnyuk (the journal "Sociology of education")

Abstract. Explains the productivity analysis of the novel by Andrei Bely's "Petersburg" from the standpoint of a reflective approach. The analysis of "reflective of the match" of his heroes during investigation of the causes of the failed provocation.

Keywords: provocation, "reflexive duel", affects, "devil's triangle", social destructiveness.

Вышедший в 1913 г. «Петербург» Андрея Белого считается одним из десятка лучших русскоязычных романов XX века. И это – подобно «Бесам» Ф. М. Достоевского – роман о провокациях. Так он идентифицировался автором, причем идентифицировался не напрямую, а косвенно - через выявление закономерностей того, что Андрей Белый называл «мозговой игрой». Автор писал критику Иванову-Разумнику: «Провокация с проходящей где-то на фоне романа революцией – только условное одеяние этих мысленных форм» [1, с. 516]. В любом случае более целостное видение феномена провокации - ее психологических побуждений, моральных детерминант и социальных последствий на фоне реально происходящих исторических событий - трудно обнаружить в мировой литературе, причем не только художественной.

Глубина и исключительная пронизательность трактовок феномена провокации и ее носителей проявляется в самых различных местах романа. Начнем, на наш взгляд, из самого меткого взгляда на природу провокации Она как индивидуальный замысел, конечно же, имеет место в ходе истории, но резонанс от нее не всегда большой, он быстрее локализуем и эффективнее устраним. Другое дело, когда общество, манифестируя свои лучшие и худшие ожидания, ждет каких-то подвижек, не осознавая их причин и последствий, а скорее проникаясь утопическими устремлениями и «благородным» негодованием: тогда провокации приобретают куда более мощное влияние.

В одном из моих выступлений в связи с этим была введена метафора «дьявольского треугольника», сторонами которого являлись террор – провокация – самоубийство как конечный пункт для террориста-исполнителя [2, с. 131]. В этом плане провокацию можно трактовать как упреждающее действие с расчетом на импульсивную

или аффективную реакцию противника с неполным предвидением ее исхода, зачастую губительного и для самого провокатора.

Специалист по рефлексивному подходу Г.Л. Смолян также обратил внимание на феномен провокации, соотнеся ее со способом манипулятивного управления наряду с дезинформацией, шантажом и компрометацией. В этом плане она трактуется как «навязывание противнику совершенных действий выгодных для его стороны» и как «создание конфликтной ситуации («акции») для получения какой-либо, нередко чрезмерной, а отсюда и неосторожной реакции» [4, с. 57, 59]. При этом он обращался к художественной литературе для полного описания данного феномена, включая творения В. Шекспира («Отелло»), А. Линдгрена (сказки о Карлсоне), В. Пелевина. Роман Андрея Белого в этом ряду не упомянут, хотя именно он трактует с наибольшей полнотой провокацию как пункта пересечения политико-идеологических и психолого-психиатрических координат.

Особенно четко моменты рефлексивности в постановке и оправдании провокации просматриваются в разделе «Не хорошо...» шестой главы романа. Один из его героев (Н. А. Аблеухов) был спровоцирован на отцеубийство провокатором (главой террористической организации и одновременно платным агентом политического сыска (Липпанченко, прототип - Е.Ф. Азеф, по справедливой оценке С.Н. Земляного, крупнейший провокатор всех времен и народов [4]; призванный защищать династию Романовых, он организовал убийство одного из ее представителей – князя Сергея Александровича). Для этой цели записку провокатора передал перед террорист по кличке Неуловимый (его прототипы - предшественник провокатора Азефа на посту главы Боевой организации эсеров Г.Г. Гершуни и Б.В. Савинков, один из ее руководителей) - А. И. Дудкин. Став невольным соучастником отцеубийства, которого не принимал, он выявил инициатора данной провокации, «Он знал, что о с о б а хохочет над общим их делом. Он о с о б е твердил, что программа их партии несостоятельна, отвлеченна, слепа; и о н а - соглашалась; он же знал, что в выработке программы особа участвовала; если бы он спросил, не провокация ли замешалась в программу, то о с о б а ответила б: "Нет, и нет: дерзновение..."» [1, с. 275]. «Дерзновением» могли быть объявлены и удача, и неудача покушения (одни из них Азеф допускал, другие – придерживал, шантажируя и охранку, и Боевую организацию эсеров), любые замыслы и обвинения (что и продемонстрировано в романе), любые эксцессы (отцеубийство со стороны младшего Аблеухова).

Начинается рефлексивный поединок. Дудкин спрашивает Липпанченко о правомерности данной провокации, констатируя разговор моральным суждением «Стыдно!» и вопросом: «Что передать

Аблеухову относительно провокационной этой записки?» Ему отвечают «Не провокационной вовсе» - и уточняют, что письмо было передано напрямую обвиняющему, но так, что тот не догадывался о его содержании [1, с. 516]. На втором круге выясняется, что автором письма был сам Липпанченко – и что его целью было выявление того, не является ли провокатором сам Аблеухов – к чему приводятся соответствующие «доказательства». Данный аргумент Липпанченко Неуловимым не принимается, и тогда обвинения в провокаторстве адресуются ему самому. Промежуточный результат – повеление Неуловимому отказаться от «слюнтяйства», допустить факт отцеубийства и тем самым снять с себя подозрения в возможном провокаторстве. По мнению Неуловимого: «Совершается торг: мне предлагается поверить отвратительной клевете, или, точнее, не веря с клеветой эту согласиться ценой снятия клеветы с меня самого...» [1, с. 283]. Итог – решение убить Липпанченко, липкой клеветой охватывающей практически каждого – так выстраивая «рефлексивные поединки», что из паутины клеветы не может выпутаться никто (его прототип Азеф требовал суда партии эсеров над собой даже при наличии неопровержимых свидетельств о его службе в политическом сыске).

Согласно комментатору романа, узнав о предательстве Липпанченко, Дудкин лишается рассудка: он оказался причастен к провокации, хотя сам он о ней не подозревает. Как пишет издатель романа, «он хранит в душе высокую нравственную норму, веру в моральные устои, он идет на борьбу со злом не столько во имя социальной справедливости (этот мотив есть в романе, но он не имеет решающего значения), сколько во имя нарушенного нравственного принципа. И вот он увидел, что нравственный принцип нарушен и в том лагере, к которому он принадлежит, границы, отделяющие добро и зло, оказались смытыми» [1, с. 602].

В целом в «Петербурге» отражена, как это ни кощунственно звучит, оптимальная ситуация в плане соотношения психического контагия (согласно В. М. Бехтереву, заразной умственной атмосферы) и социального контекста провокации. Впервые писателем даже с избыточной полнотой было обнаружено, как провокация становится одним из ключевых элементов политической манипуляции и социальной деструкции. Рассмотрения данного феномена с позиций рефлексивного подхода подтверждает релевантность данного заключения.

Андрей Белый своим романом как бы предвидел то, что продуктом провокации станет и Первая мировая война (а для задач развязывания Второй она будет специально конструироваться). Более того, роман

спрогнозировал ситуации, когда провокация становится элементом внутренней и внешней политики в первую очередь европейских стран, а затем и всех других в нашем веке. Вдумчивое прочтение романа далеко не лишне, причем не только для литературоведов и историков, но также и для психологов и социологов, а тем более специалистов по рефлексивному управлению: более тщательной «анатомии провокации» не произвел через более чем 100 лет после выхода романа никто.

Литература

1. *Андрей Белый*. Петербург. М.: Наука. 1981. 696 С.
2. Психология и проблемы становления правопорядка // Психологический журнал. 1992. №2. С. 131.
3. *Смолян Г.Л.* Рефлексивное управление – технологии принятия манипулятивных решений // Труды Института стратегического анализа РАН. №2. 2013.
4. *Земляной С.Н.* Провокация серебряного века // Литературная газета. 2003. № 25.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-03-00059

АКСИОМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБОСНОВАНИЮ АЛГОРИТМА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПРОБЛЕМЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ВЫБОРА

В.В. Карюкин, Ф.С. Чаусов

(ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», Санкт-Петербург)

Аннотация. В проблеме создания формального математического аппарата принятия решений с учетом ранга рефлексии основное препятствие связано с отсутствием аксиом, отражающих специфику рефлексивного процесса. В настоящей работе мы предлагаем ввести аксиомы, без которых невозможна разработка алгоритма принятия решения с учетом ранга рефлексии.

Ключевые слова: булева алгебра, логическое следование, задачи классификации и распознавания.

THE AXIOMATIC APPROACH TO JUSTIFICATION ALGORITHM DECIDING THE PROBLEM OF REFLEXIVE CHOICE

V.V. Karjukin, F.S. Chavusov
(Naval Academy, St. Petersburg)

Abstract. In a formal mathematical apparatus of decision-making, taking into account the grade of reflection the main obstacle is the lack of axioms, reflecting the specificity of the reflective process. In this work, we propose to

introduce axioms, without which development is impossible in the light of decision algorithm rank reflection.

Keywords: Boolean algebra, logical follow, task classification and recognition.

Проблема рефлексивного выбора в ходе принятия решения заключается в определении ранга рефлексии субъектов конфликта [1-4]. Задача определения ранга рефлексии имеет место при наличии множества альтернатив. В рамках математической логики эта задача является задачей классификации при наличии совокупности классифицирующих признаков, позволяющих определить ранг рефлексии участников конфликта. В настоящей работе мы рассматриваем возможность использования аппарата математической логики для определения ранга рефлексии противника в задачах противодействия.

Булевы классифицирующие признаки.

А. Пусть на множестве элементов $\omega \in \Omega$ задана классификация, то есть система множеств $H_i, i \in 1, \dots, n$, со свойствами:

- $\bigcup_{i=1}^n H_i = \Omega$;
- $\forall i \neq j : H_i \cap H_j = \emptyset$.

В. На Ω задано множество X классифицирующих признаков $x_i(\omega), i \in 1, \dots, m$ таких, что для каждого $\omega \in \Omega$ они принимают значения:

- 1, если данный элемент обладает признаком x_i

и

- 0 в противном случае.

С. Система булевых функций $F_i(x_1(\omega), x_2(\omega), \dots, x_m(\omega)), i \in 1, \dots, n$ образует классифицирующее правило для элементов ω из класса H_i , если они удовлетворяют условиям:

а) $\forall \omega \in H_i: F_i(x_1(\omega), \dots, x_m(\omega)) = 1$;

б) $\forall \omega \notin H_i: F_i(x_1(\omega), \dots, x_m(\omega)) = 0$

Произвольная система функций $U_i(x_1, x_2, \dots, x_m), i \in 1, \dots, n$, каждая из которых обладает свойством С задает некоторую классификацию R_i . Действительно, для каждого ω из Ω найдется только одна функция

семейства U_k для которой ее значение равно 1. Все такие ω относятся к классу R_k .

Система булевых функций $F_i(x_1(\omega), x_2(\omega), \dots, x_m(\omega)), i \in 1, \dots, n$, обладающих свойством C , задает классификацию, тогда и только тогда, когда $\bigvee_{i=1}^n F_i(\omega)$ тавтология для любого ω из Ω .

Произвольное разбиение множества Ω на множества, удовлетворяющие условию A , задает некоторую классификацию. Если для данного разбиения $H_i, i \in 1, \dots, n$ существует система булевых функций, удовлетворяющих условиям B и C , то множество классифицирующих признаков $x_i(\omega), i \in 1, \dots, m$ естественно назвать полным.

Пусть теперь, H_i - ранги рефлексии участника конфликта. Задача его противника заключается в формулировке полной системы классифицирующих признаков, позволяющих определить ранг первого.

Понятие логического следствия. Если относительно ранга рефлексии существуют некоторые предположения, то для проверки данного умозаключения, можно воспользоваться достаточными условиями классификации. Введем необходимое обозначение:

$$x^\sigma = \begin{cases} x, & \text{если } \sigma = 1 \\ \bar{x}, & \text{если } \sigma = 0. \end{cases}$$

Пусть теперь $\Sigma = (\sigma_1, \sigma_2, \dots, \sigma_m)$, где σ_i есть один из символов $\{0, 1, -\}$, а $X^\Sigma = (x_1^{\sigma_1}, \dots, x_m^{\sigma_m})$ есть значения наблюдаемых признаков. Если $\sigma_k = -$, то в векторе X^Σ , признак x_k отсутствует.

Когда говорят, что из одного или нескольких предложений $A_1(X^{\Sigma_1}), A_2(X^{\Sigma_2}), \dots, A_p(\Sigma^p)$, следует предложение F_i , то подразумевают следующее: всякий раз, когда окажутся истинными все предложения $A_1, A_2, \dots, A_p$, истинным будет и предложение F_i :

$$A_1, A_2, \dots, A_m \models F_i.$$

Следовательно, если конъюнкция посылок истинна, то делается правильное заключение о ранге рефлексии противника. Однако, если конъюнкция ложна, то нельзя утверждать, что ранг рефлексии отличен от F_i , так как истинность формулы $A_1 \wedge A_2 \wedge \dots \wedge A_p$ является достаточным, но не является необходимым признаком.

Логическая формула от классифицирующих признаков является необходимым и достаточным признаком ранга H_i , если для всех других рангов данная формула ложна. Это следует из теоремы о полной дизъюнкции и фактически приводит к определению булевых классифицирующих признаков приведенному выше.

Таким образом, построение формальной теории логического рефлексивного вывода приводит к необходимости формулировки аксиом:

- 1) Для множества взаимоисключающих рангов рефлексии существует полная система классифицирующих признаков, удовлетворяющая условиям А,В,С.
- 2) Если система классифицирующих признаков не является полной, то ее можно пополнить до полной системы включением дополнительных признаков.

Заключение. Данные аксиомы являются естественными с содержательной точки зрения, поскольку любой субъект, работающий с рангами рефлексии, интуитивно уверен в их истинности. Сформулированные аксиомы позволяют развивать теорию рефлексивного вывода и в конечном итоге создать исчисление рефлексий.

Литература

1. *Карюкин В.В., Чаусов Ф.С.* Рефлексивные аспекты математических моделей принятия. Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов IX Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 17-18 октября 2013 г., Москва «Когито-Центр», 2013
<http://www.reflexion.ru/Library>
2. *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 218 с.
3. *Таран Т.А.* Отображение принципов рефлексивного управления в математических моделях рефлексивного выбора. Рефлексивные процессы и управление № 1, 2002, т. 2, стр. 104-118
<http://www.reflexion.ru/Library>
4. *Чаусов Ф.С.* Рефлексивный подход в управленческой деятельности: Монография.- СПб.: СПбВМИ, 2008, 286с.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МОТИВАЦИЕЙ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ

Р.Н. Лена, А.А. Мадых

*(Институт экономики промышленности
Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина)*

Аннотация. В статье рассматривается сущность мотивации людей к трудовой деятельности, основные причины и закономерности эволюции мотивов. Обоснованы три направления управления внешней мотивацией персонала и выдвинута гипотеза о возможности рефлексивного управления

мотивацией на основе формирования у работников новых мотивов и новых потребностей более высокого порядка.

Ключевые слова: потребность, мотив, мотивация, рефлексивное управление.

REFLEXIVE MANAGEMENT OF STAFF MOTIVATION IN ORGANIZATIONS

R. Lepa, A. Madykh

(Institute of the Economy of Industry of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine)

Abstract. The article deals with the essence of human motivation to labor activity, the main causes and patterns of motive evolution. Three areas of managing external staff motivation were substantiated and a hypothesis regarding the possibility of reflexive motivation management based on forming new motives and new needs of higher order in workers.

Keywords: need, motive, motivation, reflexive management.

Любая осознанная человеческая деятельность является мотивированной. В основе мотивации лежат *потребности* и представления человека о способах их удовлетворения. Эти возможные способы удовлетворения потребностей (имеющиеся в природе или же лишь воображаемые) называются *мотивами* [1]. Часто представления о потребности и мотивах являются неявными и находятся в подсознании. В сознании же мотивы часто отражаются в виде *целей* – приближение и достижение которых мотивирует деятельность. Мотивы, если они осознаются, и цели могут совпадать, хотя в общем случае это не обязательно, и они могут быть совершенно различными. Часты ситуации, когда осознанные цели перестают отвечать движимому мотиву. Тогда сознание, рационализирует эти цели, объясняя необходимость их достижения другими «псевдомотивами» и «псевдопотребностями», которые в результате способны действительно актуализироваться, вытеснить и заменить предыдущие мотивы и, таким образом, перестать быть «псевдо».

Фактически до второй половины XX века ввиду недостаточности материальных благ, основными потребностями человека, которые обуславливали его мотивацию к труду, была нужда в материальных ценностях, которые обеспечивали удовлетворение базовых физиологических потребностей и потребности в безопасности. Таким материальными ценностями выступает зарплата и ее производные. Однако, промышленная революция и резкое увеличение доступности разнообразных благ привели к тому, что базовые потребности оказались преимущественно закрытыми, а увеличение зарплат и других бонусов в виде материальных ценностей уже стало не способно

оказывать мотивирующего эффекта. Возникают новые потребности: социальные, духовные, потребности развития, удовлетворению которых лишь недавно начало уделяться внимание в западном менеджменте. Большинство же отечественных предприятий и организаций до сих пор воспринимает необходимость учета нематериальных потребностей своего персонала как ненужную блажь.

Хотя еще советские психологи [1, 2] утверждали, что материальное вознаграждение не может и не должно быть основным мотивом к трудовой деятельности. Это лишь дополнительный мотив-стимул. Деятельность же полимотивирована и доминантный мотив всегда будет отвечать за удовлетворение высшей, более социализированной, социально более значимой потребности (быть нужным, значимым, стремиться к совершенствованию, к духовному равновесию т.п.) [3, 4].

Уровни иерархии потребностей можно выбирать по-разному: многие ученые в области психологии мотивации внесли свой вклад в разработку иерархических классификаций потребностей. Однако, проще взять хорошо известную в мире и зарекомендовавшую себя на практике иерархию А. Маслоу. Согласно [3, 4], актуализированные потребности более высокого уровня дают более напряженные состояния неудовлетворенности и соответственно, формируют более значимые, доминантные, смыслообразующие мотивы, которые и являются движущей силой человеческой деятельности.

Говоря о мотивации, нужно также различать понятие мотивации внешней и внутренней. Внутренняя мотивация связана с самим содержанием деятельности, определяется связью работник – предмет труда, и не связана с внешними обстоятельствами и действиями третьих лиц. Внешняя же мотивация не связана непосредственно с содержанием труда, а требует вознаграждения от третьего субъекта, который реализует функцию преобразования приложенного труда в некий мотив-стимул. Говоря далее о мотивации персонала организаций к трудовой деятельности, речь будем вести именно о внешней мотивации. Однако стоит заметить, что удовлетворение многих потребностей высокого уровня предполагает наличия и высокой внутренней мотивации. В этом случае эффективность внешней мотивации будет зависеть от наличия мотивации внутренней.

Предлагается выделять три направления управления внешней мотивацией персонала организаций к труду.

1. *Традиционное направление.* Предполагает идентификацию потребности работника, уровня ее развития (уровня притязаний) в виде конкретных мотивов, в зависимости от чего формируется механизм удовлетворения данной потребности, предопределяющий взаимосвязь

выполняемых работником трудовых задач с получаемым вознаграждением в виде определенного количества мотивационного ресурса, необходимого данному работнику.

2. *Субституциональное направление.* Предполагает возможность формирования у работников мотивов-субститутов, которые способны удовлетворять те же потребности сотрудников, но менее затратными для предприятия способами. Используется когда удовлетворение сформировавшегося у работника мотива, связанного с актуализированной потребностью, является неприемлемым для организации по экономическим, организационным или иным причинам, однако существует возможность удовлетворения той же потребности с использованием других мотивов, приемлемых для обеих сторон.

3. *Рефлексивное направление.* Предусматривает процесс инициации и развития у работника новых потребностей, более высокого порядка. Используется, когда для предприятия не целесообразно удовлетворение мотива работника и не существует более приемлемых мотивов-субститутов. Поскольку, как уже отмечалось, потребности более высокого порядка характеризуются более сильными состояниями напряженности, это приводит к замещению смыслообразующих мотивов. С другой стороны, удовлетворение потребностей более высокого порядка для предприятия экономически выгоднее, так как чаще оно требует меньше материальных ресурсов и при этом способно оказывать влияние и на внутреннюю мотивацию работников.

Для реализации рефлексивного направления управления внешней мотивацией, предлагается использовать методологию рефлексивного управления Лефевра [5]. При этом предполагается организация определенных мероприятий по осуществлению рефлексивных воздействий на работника, которые позволили бы развить у него новые потребности, привить новые ценности. Основным мероприятием, которое способно повлиять на формирование и развитие у работника новых потребностей, является организация его коммуникаций с сотрудниками (или лицами), разделяющими или пропагандирующими необходимые для предприятия ценности. Таких сотрудников назовем *агентами влияния*. Работника, на которого будет направлено это влияние, будем называть *объектом воздействия*. Можно выделить факторы, которые способствуют или, наоборот, препятствуют эффективности таких трансакций: первоначальные представления о ценности формируемого мотива у объекта воздействия; собственная убежденность агента влияния в ценности прививаемого мотива; интенсивность воздействия в данной конкретной трансакции; количество трансакций; уровень авторитета агента влияния для объекта воздействия; склонность к лидерству агента влияния;

склонность к конформизму объекта воздействия; информационный фильтр объекта воздействия, связанный с невосприятием информации, противоречащей его внутренним когнитивным установкам.

Существующий в психологической науке методический инструментарий позволяет формализовать данные факторы и выразить их в количественных показателях. При этом можно сформировать математическую модель, с помощью которой обосновать количество необходимых мероприятий для рефлексивного воздействия на работника, необходимое количество агентов влияния и интенсивность коммуникаций с ними, сопоставить затраты на организацию этих мероприятий с целесообразностью развития новых потребностей, получить возможность анализа эффективности организации рефлексивного направления управления внешней мотивацией персонала.

Литература

1. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 40 с.
2. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 221 с.
3. *Каверин С.Б.* О психологической классификации потребностей // Вопросы психологии. – 1987. – № 5. – С. 121-129.
4. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность / А.Г. Маслоу. Перевод с англ. Татлыбаевой А. М. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
5. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: «Когнито-Центр», 2003. – 496 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ УЧЕБНИКИ В СКРЫТЫХ МЕТОДАХ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Н.А.Лепская

(МИОО, Центр непрерывного художественного образования, Москва)

Аннотация. Рассматриваются вопросы внедрения в школьное образование электронных учебников и их роль в рефлексивном управлении образованием.

Ключевые слова: образовательный процесс, электронный учебник, рефлексивное управление.

ELECTRONIC TEXTBOOKS

IN THE LATENT METHODS OF REFLEXIVE CONTROL

N.A. Lepskaya (the center of continuous art education, Moscow)

Abstract. Questions of introduction in school education of electronic textbooks and their role in reflexive control of formation are considered.

Keywords: educational process, the electronic textbook, reflective management.

На современное образование влияют разнообразные явления общественной жизни и технического прогресса. Выдвигаются различные проекты реформирования образования, вводятся новые стандарты. Однако часто выдвигаемые цели этих преобразований расходятся с результатами их внедрения в практику.

Электронные дневники, электронные журналы для учителя, учебные электронные планшеты для учеников младших классов стали обязательными, а с этого года становятся обязательными электронные учебники, как необходимое и обязательное сопровождение учебников традиционных (бумажных). Разработаны модели составления электронных учебников для всех предметов.

Самый простой тип электронного учебника уже применяется в школах, часто распространяется бесплатно в интернете. На сканированный разворот учебника обыкновенного накладываются ссылки по тем разделам и проблемам, которые там изложены. Иногда темы сопровождаются небольшими видео фильмами, презентациями, с использованием голосового сопровождения и музыки.

Более сложный тип – это тот же скан, но обогащенный новым функционалом: позволяет пользователю делать заметки и закладки, прикреплять собственные файлы с дополнительными материалами, постоянно расширяя среду электронного учебника.

Третий тип учебника оснащен сложными электронными устройствами, которые обновляются из централизованного источника и интерактивно взаимодействуют с учеником, включая выставление оценок, загрузку домашнего задания и др.

Пока повсеместно внедряются электронные учебники первого типа. Главными аргументами, обеспечивающими привлекательность внедрения их в учебный процесс, называют доступность, быстроту поиска нужной информации, интерактивность.

Соотнесем эти позиции с современной парадигмой образования, куда входит сущность и назначение образования, отношение учителя к ученику и его позиции в учебном процессе [1].

Если раньше учитель знал, что главной и существенной задачей является передача ученикам комплекса знаний, умений, то в настоящее время важной задачей учителя становится не только научить ученика самостоятельно получать эти знания и приобретать умения, но и быть

способным к самостоятельному анализу мировоззренческих проблем, понимать значение культуры как формы человеческого существования.

Теперь рассмотрим, как электронный учебник влияет на эти важные задачи образования.

Доступность – главный аргумент полезности электронного учебника. Ученику не надо листать весь учебник, возможно освежая в памяти предыдущие темы, и заглядывая в последующие. Электронный учебник открывается в нужном месте, услужливо увеличивает (приближает) заинтересовавшую ученика картинку. Ученику не надо искать дополнительный материал к уроку – до десяти вариантов он должен быть представлен в приложениях к учебнику.

Быстрота поиска – второй аргумент полезности. Возможно, в некоторых учебных предметах этот аргумент действительно срабатывает. Но, например, при изучении литературных произведений, произведений изобразительного искусства быстрота вредна, так как не дает времени учащемуся осознать свои эмоции, переживания, ведет к поверхностному знакомству с формой, но не способствует осмыслению прочитанного или увиденного.

Интерактивность – замечательное свойство электронного учебника, освобождающее учителя от активного общения с учащимся.

Учитель становится приложением к учебнику, который раскрывает перед учеником знания, доходчиво иллюстрирует основные положения, предлагает доступные толкования терминов, проверяет знания. Школа становится учреждением, где нет места творчеству, сотрудничеству, общению.

Если представить себе школу, полностью оснащенную электронными учебниками по всем предметам, а именно так предлагает Стандарт образования, то уроки там может вести любой грамотный, современный, IT образованный человек. От него не потребуется ни увлеченности предметом (все как бы уже заложено в учебники и в его электронные приложения), ни любви к ученикам, ни желания передать свои представления о нравственности, о своем понимании миропорядка и т.д.

Происходит революционная перестройка образовательного процесса. Если раньше учитель, готовясь к уроку, пересматривал свои поурочные разработки, искал дополнительные возможности увлечь учеников новой для них темой, приспособливал свои требования и требования сегодняшнего дня к уровню постижения детьми предмета [2]. Учитель управлял процессами восприятия, запоминания, анализа и проверки знаний, то теперь все эти функции передаются в значительной степени электронной версии учебника. Не конкретный учитель, как носитель общечеловеческих ценностей вступает в общение с учеником, а

безличный, унифицированный «продукт». Если раньше учитель учил и воспитывал, то с переходом образования на электронные учебники действительно оказывает «образовательные услуги», как и записано в законе об образовании. Желания чиновников управлять процессом образования удовлетворяются в полной мере.

Социологические опросы часто демонстрируют негативную оценку обществом реформ образования, низкий рейтинг министров и чиновников, отвечающих за сферу образования.

Сложившийся механизм управления сферой образования это препятствие на пути ее развития. Основные причины неадекватности механизмов управления системой образования задачам перевода страны на инновационный курс развития на наш взгляд следующие.

Во-первых, отсутствие научно обоснованного и независимого мониторинга соответствия системы образования актуальным задачам развития страны и адекватных долгосрочных прогнозов и планов развития системы образования.

Во-вторых, фактическая отстраненность общества от процессов управления развитием системы образования и как следствие «успешно реализованные» многочисленные деструктивные воздействия на систему образования на всех ее уровнях, в том числе и волевое внедрение в систему образования электронных учебников.

В-третьих, отсутствие систематического мониторинга отношений общества к системе образования и отдельным шагам по ее реформированию.

Для преодоления кризиса в сфере образования необходимо совершенствования механизмов управления. Анализ современных представлений об управлении позволяет сделать вывод, что следует ориентироваться на управление сферой образования как саморазвивающейся средой [3].

Литература

1. *Лепская Н.А.* Художник и компьютер. Учебное пособие. – М.: Издательство «Когито-Центр», 2013.
2. *Неменский Б.М.* Педагогика искусства. М.: Просвещение, 2007.
3. *Лепский В.Е.* На пути к управлению сферой образования как саморазвивающейся средой // Социология образования, 2014, №10. С.4-24.

СИСТЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ, РЕФЛЕКСИЯ И СОВРЕМЕННАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: СООТНЕСЕНИЕ ТИПОЛОГИЙ

В.Г. Марача

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва)

Аннотация. Современная рациональность характеризуется рефлексией собственных оснований, а также меж- и трансдисциплинарной организацией интеллектуальной работы в тесной связи с практикой. Перечисленные черты присущи и ряду системных методологий, что актуализирует вопрос о соотношении типологий системного мышления и рациональности.

Ключевые слова: поле системного мышления и практик, рефлексия, управление, рациональность, типология.

SYSTEMS THINKING, REFLECTION AND CONTEMPORARY RATIONALITY: CO-ORDINATION OF TIPOLOGIES

V.G. Maracha

(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow)

Abstract. Contemporary rationality is characterized by a reflection of own foundations, and also inter- and transdisciplinary organization of intellectual endeavor in close connection with practice. Also the listed features are inherent in a number of systems methodologies, and it actualizes a problem how to coordinate typologies of systems thinking and rationality.

Keywords: field of systems thinking and practice, reflection, management, rationality, typology.

Современная рациональность характеризуется рефлексией собственных оснований, в том числе субъектности (установки, позиции, подходы и т.д.), а также меж- и трансдисциплинарной организацией интеллектуальной работы в ее тесной связи с практикой. Перечисленные черты присущи и ряду системных методологий. Уже возникновение современного поля системного мышления и практик в работах создателя тектологии А.А. Богданова, а затем – отцов-основателей Общества исследований по общей теории систем (the Society for General Systems Research) Л. фон Берталанфи, К. Боулдинга, Р. Джерарда и А. Раппопорта – связано со стремлением к преодолению замкнутого, изолированного характера научных исследований за счет улучшения коммуникации между учеными, поиска системных законов и обобщающих теорий, способных восстановить единство и целостность науки.

Исходная миссия Общества исследований по общей теории систем состояла в том, чтобы «поощрять развитие теоретических систем,

которые применимы более чем к одной из традиционных отраслей знаний». При этом провозглашались следующие основные цели: 1) проведение исследований изоморфизма концепций, законов и моделей в различных областях знаний и содействие переносу полезных закономерностей из одной области в другую; 2) поощрение создания адекватных теоретических моделей в тех областях, где они еще не были созданы; 3) минимизация дублирования теоретических исследований в различных областях; 4) продвижение идеи единства науки путем совершенствования коммуникаций между различными специалистами.

Таким образом, системный подход с самого начала стремился решить проблему единства научного знания и рефлексии его оснований, которое в течение долгого времени обеспечивала европейская философия, а затем – наука, в лице позитивизма провозгласившая, что она «сама себе философия».

Но системный подход в своей первой версии – «общей теории систем» – оставался, если придерживаться типологии В.С. Степина [1], в тех же пределах классической научной рациональности, что и позитивизм. В то же время более поздним системным методологиям присущи черты как неклассической, так и постнеклассической научной рациональности. В качестве основания группировки системных методологий в рамках системного подхода используется представление о системном мышлении и его типах, что актуализирует вопрос о соотношении типологий системного мышления и типологии научной рациональности по В.С. Степину.

Существует несколько типологий системного мышления. В контексте данной работы наиболее интересными представляются типологии П. Чекланда, Г.П. Щедровицкого, М. Джексона и В.Г. Марача.

В 1981 году П. Чекланд, рассматривая проблемы методологии управления, предложил различие «жестких» (hard) и «мягких» (soft) систем [2], что стало началом революции в системном мышлении: центр внимания исследователей сместился с «системных объектов» и построения «общей теории систем» к системному мышлению и практике. В основе «мягкой системной методологии» П. Чекланда – представления о «человеческой деятельности» (human activity), что соответствует повороту к неклассической научной рациональности.

Еще раньше сходный поворот произошел в СССР, где с 1960-х гг. Московский методологический кружок под руководством Г.П. Щедровицкого развивал деятельностный подход, противопоставляя его «натуралистическому». В системной методологии это выразилось в оппозиции категорий «Система-2» (в основе которой представление о мире как «универсуме деятельности» и оперирование с «системами деятельности») и «Система-1»

(опирающейся на «субстанциальные» представления о мире и оперирующей с системными объектами как со сложными, т.е. разбираемыми на элементы, «вещами» в аристотелевском смысле) [3].

Произошедший поворот в системном мышлении и смена исследовательской ориентации нашли отражение в смене названия Общества исследований по общей теории систем, которое в 1988 году было переименовано в Международное общество системных наук (the International Society for the Systems Sciences). За прошедшие годы Общество расширило сферу своей деятельности за пределы чисто теоретических и технических вопросов, включив в нее применение системных методологий к решению практических задач. Что еще более важно, это обеспечило коммуникационную площадку, где ученые и практики со всех концов дисциплинарного спектра, представляющие академические, деловые, правительственные и некоммерческие сообщества, могут встречаться для того, чтобы поделиться идеями и учиться друг у друга.

В 1984 году М. Джексон и П. Кейз предложили «систему системных методологий» (the System Of Systems Methodologies – SOSM), которая затем неоднократно модернизировалась. В книге Джексона [4], отражающей современное положение дел, SOSM представляет собой типологию не только системных методологий, но и системного мышления. Она основана на двумерной «матрице проблемных контекстов», строки которой соответствуют степени сложности системы, а столбцы – составу субъектов-участников проблемной ситуации (таблица 1).

Таблица 1.

	Унитарные (моносубъектные)	Плюралистические («свободные» субъекты)	Коэрсивные (полисубъектные с принуждением)
Простые	Тип А. Жесткое системное мышление →Повышение целеустремленности и устойчивости к внешним воздействиям	Тип В. Мягкое системное мышление →Исследование целей	Тип С. Высвобождающее системное мышление →Обеспечение справедливости/равноправия
Сложные			Тип D. Постмодернистское системное мышление →Поддержание разнообразия

Как нетрудно убедиться, первые два столбца SOSM соответствуют различению «жесткой» и «мягкой» системных методологий Чекланда, на которого Джексон прямо ссылается, и различению «Системы-1» и

«Системы-2» Г.П. Щедровицкого. В 2012 году В.Г. Марача, обратив внимание на это обстоятельство, предложил поставить в соответствие третьему столбцу категорию «Система-3» [5], объединив «Тип С» и «Тип D» по Джексону в единый тип, соответствующий постнеклассической рациональности. В пользу данной идеи говорят следующие соображения: во-первых, проблемные контексты «обеспечения справедливости/равноправия» и «поддержания разнообразия» вполне могут присутствовать в одной и той же ситуации; во-вторых, постмодернистское системное мышление – далеко не единственная системная методология, работающая со сложными коэрсивными системами; в-третьих, основываясь только на характере участников проблемной ситуации, мы избегаемся от весьма зыбкого различения простых и сложных систем. В итоге получаем следующее соотнесение типологий (таблица 2).

Таблица 2.

Тип рациональности	Тип системного мышления	Тип отношения к миру	Базовая онтологич. категория	Тип управления	Тип рефлексивн. замыкания
Классическая	Система-1	научно-инженерное	Вещь (в Аристот. смысле)	Control (техн. / киберн.)	Онтология – через теорию и предметное знание
Неклассическая	Система-2	орг.-деятельн., проектное	Деятельность	Management (орг.-деят.)	Подход – через схемы и технологии
Постнеклассическая	Система-3	социокультурное, гуманитарное	Мыследеятельность	Governance (политич., институц., рефл.-комм.)	Интеллект. традиция – через институты и практики

По типу отношения к миру (третий столбец): «Системе-1» соответствует научно-инженерное отношение, «Системе-2» – организационно-деятельностное и проектное отношение, «Системе-3» – социокультурное и гуманитарное. Базовой онтологической категорией, задающей способ существования системы (четвертый столбец), в первом случае является «вещь» (в аристотелевском смысле), то есть это натуральные системы, во втором случае – «деятельность», а в третьем случае – «мыследеятельность». Очень важен тип управления (пятый столбец). Системное мышление, если принять идею его универсальности, еще и управляет: деятельностью, а также другими типами мышления. Разные типы управления реализуются через указанные три типа систем. В первом случае это то, что по-английски называется Control – технико-кибернетическое управление, во втором

случае Management, или организационно-деятельностное управление, и в третьем случае то, что в литературе последних 10-15 лет называют Governance – политическое, институциональное, рефлексивно-коммуникативное управление. А поскольку речь идет о рефлексивном управлении, то очень важен еще тип «рефлексивного замыкания», обеспечивающего системную целостность (шестой столбец). Для «Системы-1» основным типом рефлексивного замыкания служит онтология, а детализируется это через теории и предметные знания. Для «Системы-2» основным типом рефлексивного замыкания выступает подход, а детализируется это через схемы и технологии. Наконец, для «Системы-3» рефлексивное замыкание осуществляется через идентификацию и сохранение интеллектуальной традиции, что детализируется через институты и практики.

Литература

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура и историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. *Checkland P.B.* Systems Thinking, Systems Practice. Chichester: John Wiley & Sons, 1981.
3. *Щедровицкий Г.П.* Два понятия системы // Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.
4. *Jackson M.* Systems Thinking: Creative Holism for Managers. Chichester: John Wiley & Sons, 2003.
5. *Марача В.Г.* Отличительные черты методологического мышления, определяющие особенности ММК как интеллектуальной традиции // Методология ММК и особенности методологического мышления. Материалы конференции. Москва, 1 июня 2012 г. / Ред. В.А. Проскурнин. М.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2013.

ПАРАДОКСЫ РЕФЛЕКСИИ

В.В. Никитаев (Москва)

Аннотация. Рассматривается эволюция представлений о рефлексии и связанные с такими представлениями парадоксы, которые интерпретируются применительно к базовой для понимания рефлексии схеме (метафоре) – схеме зеркального отображения.

Ключевые слова: рефлексия, катоптрическая схема, самосознание.

PARADOXES OF REFLEXION

V.V. Nikitaev (Moscow)

Abstract. Evolution of ideas of reflection and paradoxes connected with such ideas is considered. These paradoxes are interpreted in terms of the scheme (metaphor) which is the basic for understanding of reflection – the scheme of mirror imaging.

Keywords: reflection, catoptric scheme, self-consciousness.

Начиная с Декарта, рефлексия играет ключевую роль в конституировании субъективности, свободы, трансцендентальности и философии как таковой. Тем не менее, дать рефлексии четкую и полную дефиницию или схему до сих пор совсем нелегко.

Словарное значение латинского слова «re-flecto» – «загибать (назад)», «поворачивать, обращать назад», «возвратиться» (применительно к душе – «вспоминать»). Термин «reflectere» в греческой и в латинской философии имел отчетливые оптические коннотации, отсылая к действию отражения света зеркальными поверхностями (катоптрическая схема).

Едва ли не первый в истории философии пример этой схемы дал Платон, когда при объяснении сократовской установки на познание самого себя привел аналогию с использованием зеркала или чего-то подобного ему (например, глаз другого человека), то есть некоторой «вещи, глядя на которую мы одновременно увидим и ее и самих себя» (Алкивиад I, 132d – 133b).

Аристотель, не отказываясь от этой схемы, в дальнейшем приходит к различению самопознания, то есть мышления о самом себе как некотором предмете мысли, и самосознания, как особого «общего» или «внутреннего» чувства себя. В трактате «О душе» Аристотель обращает внимание на два обстоятельства. Во-первых, мы воспринимаем (aisthesis) не только предмет, но и само действие восприятия (видение, слушание и т. д.), а во-вторых, еще и каким-то образом различаем между разными воспринимаемыми свойствами (например, между белым и сладким) (О душе, III, 2, 425b12).

Аристотель заложил представление, с одной стороны, о самосознании как некоем зеркале, сопровождающем сознательную деятельность человека и дающем ему представление о своем «уме» (сознании), а с другой – о подобной Божественному Уму инстанции, которая проявляет себя аналогично свету и делает возможным познание и самопознание.

С теми или иными модификациями катоптрическая схема рефлексии и представление о двойственной структуре сознания сохраняется от античности до Нового времени.

«Под словом “мышление”, – пишет Декарт в «Первоначалах философии», – я понимаю все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем» [1, т. 1, с. 317]. Это означает, разъясняет

он, что я не только что-то чувствую, но и «разумею» само это чувство. В «Разговоре с Бурманом» Декарт поясняет, что осознавать или быть сознающим – значит мыслить и рефлексировать над своим мышлением [1, т. 2, с. 451].

Благодаря Декарту, описание самосознания из безличной аристотелевской формы «видящий чувствует, что он видит, идущий, что он идет» и т. п. перешло в эгоцентрическую и рационалистическую форму: «Я сознаю, что я вижу, мыслю и т. д.».

Локк трактовал рефлексию в близкой к схоластике манере, то есть, с одной стороны, как внутреннее чувство, а с другой – как «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности» [2, с. 155].

Следующий шаг в развитии понятия рефлексии сделал Кант, различив рефлексию логическую и трансцендентальную. Логическая рефлексия есть простое сравнение, или, вернее сказать, противопоставление представлений друг другу. Трансцендентальная рефлексия выступает как различие или «определение того места, куда относятся сравниваемые представления вещей, именно, мыслятся ли они чистым рассудком или даны чувственностью в явлении» (созерцании, наглядном представлении) [3, с. 197]. То есть, она направлена как бы ортогонально плоскости логического сопоставления, логической рефлексии.

«Сопоставление» и «различие» кажутся довольно далекими от каких-либо зеркальных или оптических аналогий. Однако в трансцендентальной диалектике Кант хотя и трактует противоречивые умозаключения разума на юридический манер (как «антиномии»), но объясняет их «трансцендентальной иллюзией», заимствуя ключевой термин со всеми его коннотациями из оптики.

Трансцендентальная рефлексия, по Канту, – это уже не просто «наблюдение» или «внимание» к внутренней жизни сознания или ума, как у Локка, Лейбница и других. Она не только и не столько объективация или предметизация потока сознания, какая-либо операция (сравнения, сопоставления, противопоставления) над результатами объективации или предметизации (то есть представлениями), сколько поиск ответа на вопрос о предпосылках и условиях предметности этих предметов, о «субъективных условиях, при которых мы можем образовать понятия» [3, с. 193].

Применение трансцендентальной рефлексии к самосознанию, то есть к предмету внутреннего чувства, к Я, которое проявляется себя в сопровождающем все акты сознания «я мыслю» и именуется «душой», приводит Канта к парадоксам, точнее – паралогизмам. Суть этих паралогизмов рациональной психологии – в невозможности

объективировать свое самосознание для себя самого, или в иллюзорности такого объекта (который, по мнению Канта, на самом деле всего лишь логический субъект), его пустоте, не позволяющей Я ничего узнать о самом себе как «определяющем Я». Обнаруживаемое интроспекцией в темпоральном потоке внутреннего чувствования «определяемое Я» «не есть подлинное Я, как оно существует само по себе, как трансцендентальный субъект, но составляет только явление, данное чувственности этого неизвестного нам существа» [3, с. 307].

Обобщая историко-философский обзор эволюции понятия рефлексии Рудольф Гахе дает следующую «минимальную дефиницию» рефлексии в терминах катоптрической схемы: рефлексия – это структура и процесс, в котором не только объект отражается (воспроизводится) в зеркале, но и зеркало также отображает себя, вследствие чего процесс зеркального отображения сам делается видимым для себя [4, Р. 16 – 17, 20].

Таким образом, рефлексия не может быть признана завершённой (или совершенной), если она не рефлексивирует сама себя, то есть в схему рефлексии должна входить и рефлексия рефлексии.

В полной мере указанная проблема присуща модели рефлексии (рефлексивной системы), предложенной В.А. Лефевром [5]. А именно, при переходе от «рефлексии нулевого ранга», которая еще не является рефлексией как таковой, к «рефлексии» более высокого ранга, которая, собственно, и есть рефлексия, и предполагает изображение на планшете персонажа не только «плацдарма», но и себя на этом плацдарме. Строго говоря, изобразить нужно не только себя (что, как заметил Кант, само по себе проблематично), но и сам процесс изображения. Минимальная схематизация этого процесса, в концепции Лефевра, принадлежит наблюдателю или исследователю, а не самому персонажу, и потому не может включаться в состав его рефлексии.

Попытку решить проблему классической рефлексии предпринял Гегель в своем понятии абсолютной рефлексии, однако, предложенное им решение само оказалось парадоксальным, содержащим парадоксы, аналогичные тем, которые возникают при попытке представить движение четырехмерного тела (например, тессеракта) в трехмерном пространстве.

Литература

1. Декарт Р. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль. Т.1. 1989. Т. 2. 1994.
2. Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. 1. М.: Мысль, 1985.
3. Кант И. Критика чистого разума. (Перевод Н.О. Лосского) С.-Пб.: ИКА «Тайм-аут», 1993.
4. Gasche R. The Tain of the Mirror: Derrida and the Philosophy of Reflection. Cambridge: Harvard University Press, 1986.

ФОРСАЙТ-ПОДХОД КАК ИНСТРУМЕНТ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ

С.В. Пирожкова (Институт философии РАН, Москва)

Аннотация. В докладе рассматривается современная методология прогнозирования, планирования и управления инновационным развитием. Показывается, как особенности форсайт-подхода позволяют расширить горизонты оценки и умножить каналы обратной связи, усилить рефлексивность управленческой деятельности.

Ключевые слова: инновационное развитие, форсайт-подход, полисубъектное управление

FORESIGHT APPROACH AS INSTRUMENT FOR REFLEXIVE MANAGEMENT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

S.V. Pirozhkova

(Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. The paper considers contemporary methodology of forecasting, planning and management of innovative development. It is shown in what way foresight approach's specificity enable to enrich account of innovative activity and to increase the number of feedback path, reinforce reflectivity of management.

Keywords: innovative development, foresight approach, polysubject management .

Сложность инновационной деятельности и повышенные риски, связанные как с самим процессом ее реализации, так и с ее последствиями, требуют постоянного мониторинга и экспертизы. Именно они обеспечивают рефлексивность управления инновационным развитием. За последние десятилетия методы отслеживания и прогнозирования эффектов научно-технического прогресса развиваются в сторону комплексности, проявлением этой тенденции является форсайт-подход.

Однозначного определения форсайта не существует. В литературе можно встретить различные гибридные термины: «форсайт-метод», «форсайт-подход», «форсайт-исследования», «форсайт-проекты», «форсайт-инициативы». Если начинать с эмпирического исследования того, что называется форсайтом, то самыми приемлемыми окажутся понятия «проект» и «инициатива», представляющие форсайт как

комплексное мероприятие, включающего, во-первых, исследовательские, во-вторых, программ-, проект- или план-созидающие мероприятия и, в-третьих, мероприятия по координации социальных субъектов, заинтересованных в рассматриваемой проблеме. В зависимости от поставленной задачи эти три основные составляющие могут иметь различную долю в конкретном форсайт-проекте.

Определение форсайта в качестве метода, в том числе метода предвидения, является наиболее уязвимым из перечисленных, поскольку методологически данный вид практики не имеет четко фиксированных границ. В свете сказанного наиболее универсальным понятием будет «форсайт-подход», под которым можно понимать способ организации комплексной деятельности по прогнозированию, планированию, проектированию и управлению сложными системами и процессами, такими как инновационная среда и ее развитие.

Для целей управления инновационным развитием форсайт открывает новые возможности в каждой из трех своих ипостасей и в плане их интеграции. Как исследовательская – прогностическая и оценивающая – деятельность форсайт исторически опирается на метод Дельфи, в связи с чем в некоторых работах они употребляются в качестве синонимов. В действительности в форсайт-проектах активно используется по меньшей мере около двух с половиной десятков различных методов [1, р. 39]. Часть из них относится к классическим прогностическим методикам, часть пришла из сферы изобретательского творчества. Тем не менее познавательная стратегия, воплощенная в Дельфи-экспертизе, остается для форсайта как исследовательской деятельности доминирующей. Она включает в себя: признание открытости и многовариативности будущего, его зависимости от эмерджентных факторов, ориентацию на выявление «зародышей» таких принципиально новых факторов, а поэтому не только на пролонгацию устоявшихся тенденций, но и на угадывание первых элементов новых причинно-следственных рядов (как сказал бы Я. Лукаевич [см.: 2]). Количественные методы оказываются неэффективными, возрастает роль экспертных оценок и мнений, получаемых во многом благодаря использованию интуиции, прозорливости, способности нестандартно мыслить и видеть большие следствия малых причин. Очевидно, что все это способствует обнаружению точек роста, перспективных направлений на самой ранней стадии, что важно для организации инновационной деятельности. Превалирование экспертных методов обуславливает и такую особенность форсайта как большой срок упреждения. Не претендуя на расчетную точность, форсайт оккупирует область стратегического прогнозирования, необходимого для деятельности, имеющей дело с протяженными во времени цепочками

действий, ведущих от научного исследования к реальному инновационному продукту.

Открытость и многовариативность будущего обуславливают вторую ипостась форсайт-деятельности – конструктивную. В силу доминирующего методологического стиля переход от прогнозирования к проектированию в случае форсайт-инициатив осуществляется легче, проще и быстрее, чем в случае с классическим количественным прогнозированием, граница между, с одной стороны, обнаружением потенциальной точки роста и последствий ее развертывание, а с другой – конструированием некоторой возможной причинно-следственно цепочки, становится проницаемой. В итоге возникает гибридизация двух различных видов деятельности, что позволяет получать в качестве результатов форсайт-проектов не только дескриптивное знание, но и прескриптивное – рекомендации, программные документы и т.д. Такой способ организации исследования инновационного развития сокращает временной разрыв между знанием и действием, что оказывается существенным не только в плане конкурентной борьбы, но и успешного управления рисками.

Фактически, в Дельфи-методе заложены и основания форсайта как координирующего мероприятия. Синергия знаний и прозорливости многих экспертов, предполагающая последовательное согласование их позиций и движение к общему видению, становится основанием коммуникации специалистов из разных областей знания и различных социальных субъектов на общей прогностически-проективной площадке. Эта особенность значима в плане определения и становления субъектов инновационного развития, а значит, и субъектов управления им. Форсайт, способствует возникновению у различных групп понимания своей причастности инновационному развитию и управлению им. Более того, являясь, как было показано [3], не только познавательной, но и социально преобразующей практикой, форсайт функционирует как один из механизмов формирования прямых и обратных связей, сетей взаимодействия и взаимообмена, кооперации.

Можно ли говорить, что субъектом инновационного развития и управления им выступает сегодня общество в целом? Полагаю, более правильным было бы, вслед за В.Е. Лепским, говорить о полисубъектной среде [4]. Может ли эта среда быть организована таким образом, чтобы выступать источником последовательных решений и организационных действий? Другими словами, возможна ли иная, не централизованная модель управления инновационным процессом? Полагаю, что форсайт-подход свидетельствует в пользу положительного решения этих вопросов. Форсайт-проекты функционирует как элемент системно упорядоченной управленческой

структуры, в которой действуют и горизонтальные, и вертикальные связи и взаимодействия. С одной стороны, форсайт реализует идею демократического управления и равноправия – «круглого стола», за которым каждый имеет право голоса. С другой стороны, стратегическая направленность форсайта позволяет определять вектор развития, становящейся регулятивной нормой в долгосрочной перспективе. В ходе коммуникации сторон выясняются сферы ответственности каждого участника – в зависимости от имеющихся у каждого ресурсов, определяются направления совместной работы. Предложенный Б. Мартиным принцип пяти «К»-характеристик [5, р. 144] форсайт-деятельности позволяет говорить о возможности формирования если не коллективного субъекта, то, во всяком случае, подлинно общих оснований деятельности полисубъектной среды (и это позволяет трактовать форсайт в качестве механизма того, что В.Е. Лепский называет «сборкой субъектов»).

Как я отмечала в [3], сегодня форсайт-подход реализуется в основном в рамках идеологии экономической целесообразности и рыночной конкуренции, стратегии, на выявление которых он направлен, относятся к области экономического, а не социального, антропологического, цивилизационного развития. На этих началах объединение общества и формирование субъекта, способного справиться с уже возникшими и предстоящими кризисами, представляется мне невозможным. Однако форсайт-подход является нейтральным инструментом, поэтому, будучи направленным на выработку стратегического видения инновационного развития не как части только экономического прогресса, а как составляющей развития человеческой цивилизации, он способен вывести управление инновационной деятельностью на качественно новый уровень.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ, проект №15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий».

Литература

1. Mapping Foresight. Revealing how Europe and other world regions navigate into the future. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2009. – 128 pp. http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/efmn-mapping-foresight_en.pdf
2. Лукасевич Я. О детерминизме // Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. – М.–СПб.: ЦГИ, 2012. – 256 с.
3. Пирожкова С.В. Прогностические стратегии в обществе знаний // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. Часть 2. – М.: Институт философии РАН, 2014. С. 113–139.
4. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

5. *Martin B.R.* Foresight in Science and Technology // Technology Analysis & Strategic Management. 1995. Vol. 7. № 2. P. 139–168.

РЕФЛЕКСИЯ В ПАРАДИГМЕ ТРИНИТАРНОГО ПОДХОДА

С.Н. Плющ (бизнес-консультант, Киев, Украина)

А.Н. Плющ (Институт социальной и политической психологии, Киев, Украина)

Аннотация. Утверждается, что организация рефлексии субъекта, взаимодействующего с миром, подобна тринитарной организации мира. Рефлексия рассмотрена как инструмент саморазвития субъекта, позволяющий ему развивать сложность психической организации путем дифференциации существующей структуры и ее интеграции на новых основаниях.

Ключевые слова: рефлексия, субъект, дискурс, дифференциация, интеграция.

REFLECTION IN THE PARADIGM OF TRINITARIAN APPROACH

S.N. Plyushch

(Business Consultant, Kiev, Ukraine)

A.N. Plyushch

(Institute of Social and Political Psychology of NAPS of Ukraine, Kiev)

Abstract. It is asserted that reflection organization of a subject who interacts with world is similar to trinitarian organization of world. Reflection is considered as an instrument of subject's self-development which enables him/her to develop complexity of psychic organization by differentiation of existing structure and its integration under new conditions.

Keywords: reflection, subject, discourse, differentiation, integration.

Под рефлексией понимается обращенность субъекта на себя, на процесс собственного мышления (мышление о мышлении). Конструирование субъектом представлений о собственных психических процессах позволяет ему направлять внимание на собственные знания, анализировать психические состояния, осознавать результаты практической деятельности. Достаточно часто рефлексия, как психические процессы самоанализа, считается отдельным видом психической деятельности, который присущ не каждому субъекту, а субъекту, достигшему определенного уровня зрелости психической организации. Вместе с тем, рефлексия рассматривают и как атрибутивную характеристику психики субъекта, которая лежит в основе любых психических процессов. При таком понимании

рефлексия собственной психической деятельности развертывается не после завершения деятельности, а в самом процессе деятельности. Возникают опасения, что может образовываться вложенная цепочка, когда внутри любого акта рефлексии как психической деятельности содержится свой рефлексивный процесс. Такое умножение рефлексии внутри рефлексии не может быть бесконечным («дурной бесконечностью»). Каждый шаг увеличивает когнитивную сложность конструируемой модели, которая опирается в конечные резервы ментального потенциала субъекта, то есть эти шаги – конечны.

Рассмотрим тринитарную модель организации универсума и вытекающее из подобного способа мышления понимание организации рефлексии. Между субъектом и «объективным» миром, в котором функционирует субъект, всегда имеется посредник – дискурс (модель «объективного мира»), присваиваемый субъектом в ходе социализации. Под дискурсом понимается отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках. Эта сконструированная субъектом модель мира включает в себя неявный образ самого субъекта и схемы его поведения в некоем социальном контексте. Тринитарное понимание целостной организации универсума (мир – субъект – дискурс) предполагает контекстное рассмотрение любого анализируемого фрагмента мира: субъекта в мире, дискурса в субъекте, мира (его модели) в дискурсе. У субъекта в мире существует дискурс, содержание которого составляет модель мира с подразумеваемым субъектом. Еще одно следствие тринитарного понимания организации мира состоит в том, что в его рамках предусмотрены различные способы взаимодействия субъекта с миром: с целостным миром, с другими субъектами, аутокоммуникация.

Предложенное тринитарное понимание организации мира подразумевает, что его составляющие («объективный» мир, субъект, дискурс) представляют единую целостность. (Антропный принцип, в соответствии с которым мир устроен таким образом, что в нем с необходимостью существует наблюдатель, является побочным результатом такого понимания.) Но эти составляющие могут составлять самостоятельные целостности, функционирующие параллельно. И эти же составляющие могут быть рассмотрены как вложенные друг в друга: субъект в мире, дискурс в субъекте, мир в дискурсе. В «дискурсивной» модели мира проявляется субъект, и круг начинается заново (по аналогии с матрешкой). Понимание того, что составляющие мира могут представлять синкретическую целостность, существовать параллельно или быть вложенными задает и различные типы детерминации: линейная (как последовательность состояний целостного мира),

нелинейная (как воздействие самостоятельных факторов различной природы), круговая причинность (когда с течением времени направление детерминации меняется).

Будучи неразрывным с миром (составляя целостность), субъект получает возможность воспроизводить организацию мира (в дискурсе), что как раз и обеспечивается функционированием рефлексивных процессов. Этим и объясняется подобие организации мира и субъекта в мире. Существовая с миром параллельно, субъект имеет аппарат различения, когда на основе рефлексии, разграничивая себя и мир, субъект приходит к возможности различения в целом частей целого. Это позволяет конструировать сложноорганизованные модели мира, субъекта, дискурса. «Вложенность» субъекта в мир приводит к тому, что подобная организация по принципу «матрешки» присуща и самому субъекту. Тем самым, субъект оказывается способным к саморазвитию, имея возможность включать в опыт предыдущие состояния. В этом случае рефлексия выполняет функцию интеграционного механизма, который позволяет соединить представления о субъекте в различные временные периоды, благодаря единственному автору, претерпевающему изменения собственной организации.

Рефлексия задана как психический процесс конструирования представлений о себе носителем сознания. Она может быть рассмотрена как общий принцип психической организации (например, обратная связь в сложноорганизованных системах), как часть психической организации субъекта (когда представления о субъекте являются частью целостной картины мира, в котором этот субъект функционирует), как самостоятельный психический процесс, достигающий различной сложности организации в зависимости от сложности организации субъекта.

Содержание рефлексии субъекта в мире составляет целостное представление о нем самом. Вместе с тем, анализируя субъекта в мире, приходим к выводу, что во внутреннем мире субъекта у него есть две позиции: одна – непосредственно заданная позиция субъекта в мире, другая – обусловленная дискурсом, в которой субъект неявно задан организацией дискурса. Наблюдение себя изнутри и наблюдение себя как другого, опосредованное дискурсом, предполагают возможность аутокоммуникации. Такая двойственность дает возможность субъекту распознавать различные аспекты собственной жизнедеятельности. Учитывая множественность возможных позиций субъекта, рефлексия должна обеспечивать способ различения позиций субъекта в его сконструированном пространстве жизнедеятельности. Наличие нескольких позиций предполагает существование механизма интеграции, позволяющего субъекту конструировать целостную

картину мира, на которую он опирается в ходе жизнедеятельности. Рефлексия, как способ совмещения дискурсов субъекта в различных позициях, позволяет субъекту выполнять эту интегративную функцию. Организация рефлексии оказывается подобной тринитарной организации мира – представления о целостном субъекте в мире, о пространстве позиций субъекта в мире, об интегративном дискурсе ситуативных дискурсов субъекта.

Рефлексивные представления о субъекте в мире обусловлены сложностью организации дискурса субъекта, с помощью понятий которого описываются различные аспекты состояния субъекта в мире. Задание контекста различной сложности организации предполагает соответствующую сложность организации представлений субъекта о мире: мир как синкретическая целостность, как субъекты, образующие социальное пространство, как интегративный дискурс исторических субъектов. Соответственно, и представления о субъекте предстают как целостность, как набор доступных ему позиций в социальном пространстве, как совокупный дискурс дискурсов субъекта в различных ролях.

Когда субъект конструирует представления о себе, он воспринимает себя как неразрывную часть целостного мира, как взаимодействующего с другими субъектами, как часть собственного дискурса. Так, например, эмоции являются целостными представлениями субъекта, оценкой своего состояния в некоторой ситуации. Смыслообразование подразумевает более сложную организацию представлений о себе. Существование разных позиций субъекта в мире предполагает различные описания одной ситуации, то есть для субъекта ситуация приобретает смысл в зависимости от его позиции. Придание смысла неким событиям означает, что изначально субъект задает позицию автора в пространстве возможных позиций (которые он предполагает), и лишь затем приступает к собственно производству смыслов. Целеполагание предполагает не только задание позиции субъекта, но и предвосхищение его дискурса. Конструирование цели подразумевает, что субъект задал дискурс (и его автора), в котором выражена модель будущего состояния мира, устраивающего субъекта. Рефлексирующий субъект, реконструируя желаемый дискурс, в ходе дальнейшего развертывания рефлексивного процесса конструирует процесс достижения этого дискурса, прокладывая траекторию в пространстве позиций от субъекта к автору желаемого дискурса. При целеполагании возникает ситуация «дискурс в дискурсе», когда автор дискурса, описывающего будущее состояние мира, является частью дискурса рефлексирующего субъекта. Чтобы сконструировать представления о себе, субъекту необходимо задать контекст рассмотрения своего образа

(и автора этого контекста). По форме это похоже на систему кровообращения в организме человека: разнесение крови по организму по большому кругу кровообращения предполагает первоначальное ее насыщение кислородом в малом круге кровообращения. Как уже указывалось выше, эта ситуация вложенности дискурсов ограничена ментальными ресурсами рефлексивного субъекта. Если эмоции представляют собой рефлексивное собственное состояние субъекта, то смыслообразование – рефлексивную его позицию в социальном пространстве, а целеполагание – рефлексивное собственное дискурсивное во времени.

Подводя итоги. Рефлексия была задана как психический процесс субъекта по конструированию представлений о себе. Тринитарное понимание целостности мира (мир – субъект – дискурс) приводит к подобному рассмотрению организации субъекта, когда его бытие, сознание (внутренний мир) и самосознание (как инструмент самоанализа) составляют единую целостность. В бытии субъекта рефлексия выполняет функцию обратной связи. Рефлексивные процессы являются частью сознания субъекта в мире, так как, конструируя представления о субъекте, приходится реконструировать и контекст его функционирования – «фоновый» фрагмент мира. Рефлексия, рассмотренная в качестве самостоятельного процесса, служит субъекту инструментом саморазвития, позволяя развивать сложность психической организации путем дифференциации существующей структуры и ее интеграции на новых основаниях.

О ПРИМЕНЕНИИ МНОГОШАГОВЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Д.Н. Федянин (Институт проблем управления РАН, Москва)

Аннотация. В работе продемонстрирован пример применения метода исследования рефлексивного поведения агентов, основанного на использовании многошаговой модели.

Ключевые слова: рефлексия, социальные сети, многошаговые модели, ранг рефлексии.

ON USING MULTISTAGE MODELS FOR MODELING OF REFLEXIVE BEHAVIOR

D.N. Fedyanin (V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences, Moscow)

Abstract. The paper shows examples of using a method of research of reflexive behavior of agents based on using multistage models.

Keywords: reflexion, social networks, multistage models, reflexion rank.

Рассмотрим множество агентов, объединенных в сеть отношениями дружбы и вражды. Для описания взаимоотношений между агентами можно задать направленный граф с весами на ребрах. Каждому агенту будет соответствовать вершина, а хорошее отношение одно из них к другому – направленным ребром. Множество друзей i -ого агента будет совпадать с множеством соседних вершин, которое будем обозначать $VF(i)$.

Каждому агенту требуется выбрать одно из возможных действий в соответствии с собственными ценностями и своей этической системой. Под этическими системами в данном случае мы будем понимать правила выбора агентами множеств действий [1], которые они считают для себя полезными, вредными и неважными в зависимости от предполагаемых множеств действий агентов, которых они считают своими друзьями, кого врагами, а к кому он относится безразлично. Множество всех возможных действий агентов будем считать конечным и обозначим W .

Рассмотрим процесс рефлексивных размышлений агента о размышлениях других агентов. Один из возможных вариантов основан на декомпозиции графа и последующем решении матричного уравнения [2]. Однако его применение для сетей большого размера требует дополнительных предположений о ценности агентов, так как граф связей может оказаться недекомпозируемым. Поэтому в данном докладе предлагается альтернативная модель описания рефлексивных размышлений, основанных на этической системе. В ней отсутствуют ограничения на сложность графа социальной сети.

Сформулируем предлагаемую модель описания рефлексивного процесса, основанного на работах [3,4]. Пусть есть некоторое действие агента, которое не требует от него никаких размышлений о размышлениях других агентов – например, рефлексорное. Рефлексорное действие можно определить экспериментально, вынудив агента принимать решения в условиях отсутствия времени на размышления или при полном отсутствии информации о других агентах. Назовем агентов, которые выбирают свои действия таким образом – агентами нулевого уровня рефлексии.

Рассмотрим агента, который выбирает свое действие, предполагая, что все остальные агенты являются агентами нулевого уровня рефлексии. Такого агента назовем агентом первого уровня рефлексии. Агентами k -го уровня рефлексии будем считать агентов, считающих всех остальных агентов агентами $(k-1)$ уровня рефлексии [2, 3]. Для i -го агента k -го ранга рефлексии (определение рангов рефлексии см. ниже)

множеств вредных, неважных и полезных действий обозначим соответственно

$$WA_i^k, WB_i^k, WC_i^k.$$

Эти множества являются разбиением множества W . Будем называть такое разбиение системой ценностей i -го агента k -го ранга рефлексии (1).

Рассмотрим последовательность многомерных векторов, где i -ый элемент k -го вектора будет равен действию, который выберет i -ый агент, будучи k -го ранга рефлексии. Назовем такую последовательность *рефлексивной*.

Опишем свойства рефлексивных последовательностей для агентов, руководствующихся различными этическими системами.

Для простоты будем считать, что агент придерживается правила запрета эгоизма, описанного в [2]: “каждый субъект, преследуя свои личные цели, не может наносить ущерб группе, членом которой он является”, “субъект может идти против интересов группы, если при этом он не преследует индивидуальные интересы и готов идти на жертвы”.

Запишем это правило в виде

$$WA_i^{t+1} = \bigcap_{j \in VF(i)} WA_j^t \cup \overline{WA_i^0}, \quad (1)$$

где предполагается, что все агенты хотят, чтобы остальные агенты полностью приняли их систему ценностей.

Рефлексивная последовательность, начиная с некоторого ранга, будет периодической. В некоторых случаях, этот период равен 1. В таких случаях вектор, совпадающий с предыдущим, будем считать равновесным. Содержательно такой вектор описывает комбинацию систем ценностей агентов, которая при увеличении агентами их рангов рефлексии остается неизменной.

Оказывается, что для агентов, руководствующихся этической системой (1), справедливо следующее утверждение: для любого графа взаимодействия между агентами и начальных систем ценностей равновесный вектор существует, при этом его элементы могут быть выписаны в явном виде.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение рефлексивных последовательностей для систем агентов, в которых агенты придерживаются этических систем, включающих не только позитивные отношения (дружба), но и негативные (вражда).

Литература

1. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. — М.: «Когнито-Центр», 2003. — 426 с.

2. *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 218 с.
3. *Корепанов В.О.* Модели рефлексивного группового поведения и управления. – М.: ИПУ РАН, 2011. – 133 с.
4. *Nagel R.* Unraveling in Guessing Games: An Experimental Study, *American Economic Review*, 85, P. 1313–1326. – 1995
5. *Федянин Д.Н.* Об одной модели распространения информации в социальных сетях // Управление большими системами. Материалы XI Всероссийской школы-конференции молодых ученых, 9-12 сентября 2014, Арзамас. М.: ИПУ РАН, 2014. С. 732

*Работа выполнена в рамках грантов РФФИ
13-07-00491, 13-07-00876, 15-07-09048*

КОНФЛИКТ КАК ИСКУССТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Л.Н. Цой (Московская школа конфликтологии, г. Москва)

Аннотация. В статье раскрывается механизм естественно-искусственных процессов в конфликтах; отмечается важность субъекта для искусственного процесса в разрешении конфликта; дается различие между содержательными и несодержательными конфликтами; показано различие между войной и конфликтом; сформулированы задачи конфликтологов в современных условиях.

Ключевые слова: конфликт, субъект, естественно-искусственное, разрешение конфликта.

CONFLICT AS AN ARTIFICIAL CREATION

(L.N. Tzoy (Moscow School of Conflictology, Moscow))

Abstract. The paper discover mechanism of conflict's natural-artificial processes; its stress the importance of subject in artificial conflict solving; the specific of externally generated destroying conflicts demonstrated; defined differences between substantial and non-substantial conflicts; showed difference between war and conflict; defined tasks for conflictologists in today's conditions.

Key words: conflict, subject, natural-artificial, conflict solving.

Конфликт, как борьба за власть, территорию, ценности, интересы и потребности, является неизбежным механизмом самоутверждения индивидуальных или коллективных субъектов, их самоопределения на микро, мезо и макроуровнях жизнедеятельности. Субъект должен обладать властью, в смысле реальной способности осуществлять изменения, его действия носят целенаправленный характер, у него имеется определенный выбор вариантов поведения, некоторый простор

для действий, он должен рефлексировать, отслеживать ограничения и результаты своих действий и использовать это знание для внесения корректив в свое действие. Индивид, даже будучи агентами изменений, может не быть субъектом, поскольку не произвел над собой рефлексивного акта субъективации (самоопределения). [1]

Одна из функций конфликта, изменить существующее положение «вещей» (порядок, норма, процесс), то, что уже стало устойчивым, но что не устраивает одну их сторон конфликта. Можно сказать, что конфликт как процесс, структурно объединяет в себе два процесса: исходный процесс (функционирование) и процесс изменения исходного процесса. Оба процесса (исходный и его изменение) могут квалифицироваться в соответствии с двумя оппозициями фундаментальных категорий: «естественного», как порождаемое природой (фюсис), получающееся «само собой», безотносительно к целям, и «искусственного», как возникающего в деятельности (технэ), как созданное в соответствии с целью. То есть, искусственный процесс – это процесс, образуемый и поддерживаемый целенаправленными и/или вообще произвольными, то есть из воли проистекающими, действиями. А так как изменение существующего порядка требует наличие субъекта, рефлексирующего свои действия, то искусственная составляющая в конфликте возможна только с появлением субъекта. [2] В этом плане только субъекты могли бы говорить о, своего рода, праве на конфликт. Отсутствие субъекта способствует развитию «естественного» конфликта, помещает реальную конфликтообразующую деятельность (и мышление) в «тень». Это позволяет замаскировать под позицию незваного доброжелателя, навязывающего помощь в «разрешении» «естественно возникшего» (лишающего участников субъектности) противостояния. Ситуация на Украине показывает как сложно идет процесс формирования субъектности и как этому препятствует США и страны ЕС, превращая конфликт в войну.

Помимо конфликтов, естественно возникающих внутри государств, есть конфликты привнесенные извне. Например, развал СССР, считает Зиновьев А.А., произошел за счет импортированных либеральных представлений в процессе так называемой «перестройки» и последовавшей буржуазной революции, в ходе которой распался СССР. *«Запад, по многочисленным каналам ворвавшись во внутреннюю жизнь советского общества, нанес ему такой психологический и идеологический ущерб, с каким советскому обществу пришлось столкнуться впервые. Запад нанес удар по фундаментальным принципам идеологии насчет преимуществ советского строя и образа жизни перед западным. Запад способствовал смещению интересов*

людей в сторону чисто материальных потребностей и соблазнов. Запад в огромной степени способствовал расцвету коррупции в правящих слоях общества, вплоть до самых высших».[4] Можно сказать, что исследователям и историкам еще предстоит расследование многовекового конфликта Западной Европы с Восточной, то есть, прежде всего, с Россией, а также динамику этого конфликта после Второй мировой войны и развала СССР.

Разрешение конфликта – это искусственный процесс, создание механизма (принципов, норм и правил) принципиально разрешимых конфликтов (то есть это требование к их устройству), в противовес созданию неразрешимых конфликтов, развивающихся естественно. Если конфликт имеет потенциал развития в разрешении проблем и может быть разрешен лишь через изменение собственных позиций его участников самими участниками, то даже временное прекращение войны рождает мир как иллюзию решенных проблем. *«Война, пишет Сергейцев Т.Н., как прямое вооруженное насилие ограничена дважды. Во-первых, своими целями. Она ведется для уничтожения или подчинения участника ситуации конфликта. То есть проблемы предлагается решить методом «нет человека (государства, народа) — нет проблемы». Во-вторых — война ограничена ресурсами. Судебное решение — тоже не решение конфликта, так как легальное (от имени государства и на основании его законов) насилие лишь прекращает доступное сторонам противостояние, но не конфликт. Отсюда видно, насколько иллюзорны и утопичны представления о «разрешении» конфликтов. Впрочем, такое иногда случается, и это — историческое событие, каждый раз уникальное. Конфликты начинаются и заканчиваются (если заканчиваются) на более глубоком (в системном смысле — объемлющем) плане, нежели войны и силовые действия. Действительность конфликта является управляющей и программирующей по отношению к войне. Конфликт может породить войну (силовое противостояние), а может и остановить, заместить. Война может быть лишь средством развития конфликта, а может быть следствием его неразрешимости.»*[3]

Вероятнее всего, в исторической ретроспективе, конфликты между бедными и богатыми (трудом и капиталом), между национальными сепаратистами и мультинациональной федерацией (империей) - неразрешимы.

Методологически можно разрешимые конфликты (в которых меняются позиции участников) и конфликты неразрешимые (в которых уничтожаются сами участники). Разрешимые конфликты непосредственно связаны с категорией содержания и с представлением

о содержательных конфликтах. Исследователям необходимо обосновать и понять позицию, субъектность как исторически должное, как выражение онтологических представлений, а не вульгарно материалистически, натурально понимаемых «интересов», которые вынуждают лишь искать компромиссы, но не при каких условиях не могут быть собственно решением конфликта. Изменение же онтологических представлений (а значит, и связанных с ними позиций) является, напротив, механизмом истории.

Учитывая вышесказанное, конфликтолог, обеспечивший себя базовой философией конфликта искусственного типа, получает поле мышления и деятельность по проектированию и программированию разрешимых конфликтов, обеспечивающих тот или иной горизонт развития процессов самоопределения. Задача конфликтолога — обнаружить и в истории и в современности этап складывания и возникновения собственно конфликтов — перед и до собственно войн и силовой борьбы, открыть эту действительность для изучения и формирования (управления).

На макроуровне, субъектами являются *государства*, как агенты действия, осознанно и целенаправленно создающие конфликты, ради развития и утверждения собственных позиций, искусственно создающих послевоенное устройство мира в части гегемонии США и возникшей на базе этой гегемонии системы концентрации финансов и потребления в «центре силы». Поэтому перспективно рассматривать конфликт как первично искусственное, а не естественное образование.

Литература

1. *Никитаев В.В.* Субъекты и типология социокультурных изменений // Организация саморазвивающихся инновационных сред. (Под ред. В.Е. Лепского) М., 2012. – с. 60 – 86
2. *Щедровицкий Г.П.* «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем // Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 3 кн. Кн. 1. М., 2005, с.417 – 429.
3. *Зиновьев А.А.* Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003 г.- 241 с.
4. *Сергейцев Т.Н.* Замысел русской конфликтологии. Доступ: <http://conflictmanagement.ru/zamyisel-russkoy-konfliktologii> Проверено 10.08.2015 г.

О МАТЕМАТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕФЛЕКСИИ

А.Г. Чхартишвили (Институт проблем управления РАН, Москва)

Аннотация. Доклад посвящен обзору основных современных подходов к математическому моделированию информационной рефлексии в рамках теории игр.

Ключевые слова: информационная рефлексия, теория игр, структуры информированности.

ON MATHEMATICAL MODELING OF INFORMATIONAL REFLEXION

A.G. Chkhartishvili

(Institute of Control Sciences Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. The paper is dedicated to a survey (in the framework of game theory) of modern approaches to mathematical modeling of informational reflexion.

Keywords: informational reflexion, game theory, awareness structures.

Одним из фундаментальных свойств бытия человека является то, что наряду с природной («объективной») реальностью существует ее отражение в сознании. При этом между *природной реальностью* и ее образом в сознании (будем считать этот образ частью особой – *рефлексивной реальности*) существует неизбежный зазор, несовпадение. Целенаправленное изучение этого феномена традиционно связано с термином «рефлексия» (введенном Дж. Локком), которому «Философский словарь» дает следующее определение: «*рефлексия* (лат. reflexio – обращение назад). Термин, означающий отражение, а также исследование познавательного акта».

Теория игр – раздел прикладной математики, исследующий модели принятия решений в условиях несовпадения интересов сторон (*игроков*), когда каждая сторона стремится воздействовать на развитие ситуации в собственных интересах (см., напр., [1]). Далее для обозначения субъекта, принимающего решения (игрока), используется термин *агент*. Основная задача теории игр заключается в описании взаимодействия нескольких агентов, интересы которых не совпадают, а результаты деятельности (выигрыш, полезность и т.д.) каждого зависят в общем случае от действий всех. Итогом подобного описания является прогноз разумного и «устойчивого» исхода игры – так называемого *решения игры (равновесия)*.

Теория игр и теория коллективного поведения изучают модели взаимодействия рациональных агентов. Подходы и результаты этих

теорий можно рассматривать с точки зрения трех взаимосвязанных гносеологических уровней:

– феноменологического уровня, на котором модель строится с целью описать и/или объяснить поведение исследуемой системы (коллектива агентов);

– прогностического уровня (цель – прогноз поведения исследуемой системы);

– нормативного уровня (цель – обеспечение требуемого поведения системы).

Для теории игр традиционной является схема, когда сначала описывается «модель игры» (феноменологический уровень); затем выбирается концепция равновесия, определяющая, что понимается под устойчивым исходом игры (прогностический уровень); после чего может формулироваться та или иная задача управления – выбора значений управляемых «параметров игры», приводящих к реализации требуемого равновесия (нормативный уровень).

Описание игры заключается в задании следующих параметров:

- множества агентов;
- предпочтений агентов (зависимостей выигрышей от действий): при этом предполагается (и этим отражается целенаправленность поведения), что каждый агент заинтересован в максимизации своего выигрыша;
- множеств допустимых действий агентов;
- информированности агентов (той информации о существенных параметрах, которой они обладают на момент принятия решений о выбираемых действиях);
- порядка функционирования (порядок ходов – последовательность выбора действий).

Перечисленные параметры задают игру, но они недостаточны для того, чтобы предсказать ее исход – решение игры (или равновесие игры). На сегодняшний день в теории игр не существует универсальной концепции равновесия – принимая те или иные предположения о принципах принятия агентами решений, можно получать различные решения. Поэтому основной задачей любого теоретико-игрового исследования является построение концепции равновесия. Так как рефлексивные игры определяются как такое интерактивное взаимодействие агентов, в котором они принимают решения на основе иерархии своих представлений, то существенной является информированность агентов.

В теории игр, философии, психологии, распределенных системах и других областях науки существенны не только *представления* агентов о существенных параметрах, но и их представления о представлениях

других агентов и т.д. Совокупность этих представлений моделируется при помощи *структуры информированности*. Другими словами, в ситуациях интерактивного принятия решений (моделируемых в теории игр) каждый агент перед выбором своего действия должен «предсказать» поведение оппонентов. Для этого у него должны быть определенные представления о видении игры оппонентами. Но оппоненты должны проделать то же самое, поэтому неопределенность относительно той игры, которая будет разыграна, порождает бесконечную иерархию представлений участников игры.

Частным случаем информированности – когда все представления, представления о представлениях и т.д. до бесконечности совпадают – является *общее знание*. Более корректно, термин «общее знание» введен в [2] для обозначения факта, удовлетворяющего следующим требованиям:

- 1) о нем известно всем агентам;
- 2) всем агентам известно 1;
- 3) всем агентам известно 2 и т.д. до бесконечности

Игры, в которых информированность агентов не является общим знанием и агенты принимают решения на основе иерархии своих представлений (структуры информированности), называются **рефлексивными играми** (см. [3, 4]).

С точки зрения теории игр и рефлексивных моделей принятия решений целесообразно разделять стратегическую и информационную рефлексия. *Информационная рефлексия* – процесс и результат размышлений агента о том, каковы значения неопределенных параметров, что об этих значениях знают и думают его оппоненты (другие агенты). При этом собственно «игровая» компонента отсутствует, так как никаких решений агент не принимает. *Стратегическая рефлексия* – процесс и результат размышлений агента о том, какие принципы принятия решений используют его оппоненты (другие агенты) в рамках той информированности, которую он им приписывает в результате информационной рефлексии. Таким образом, информационная рефлексия обычно связана с недостаточной взаимной информированностью, и ее результат используется при принятии решений (в том числе при стратегической рефлексии).

Математические модели структур информированности и соответствующие им концепции информационного равновесия позволяют:

- с точки зрения теории принятия решений – расширить класс моделей коллективного поведения интеллектуальных агентов, осуществляющих совместную деятельность в условиях неполной информированности и отсутствия общего знания;

- с дескриптивной точки зрения – расширить множество ситуаций, которые в рамках модели могут быть «объяснены» как устойчивые исходы взаимодействия агентов; соответственно, в рамках задач информационного управления – расширить область управляемости;
- с нормативной точки зрения – ставить и решать задачи группового информационного управления.

Многочисленные прикладные модели информированности и информационного управления в экономических, социальных и организационных системах, в военном деле и других областях описаны в [4]. Одним из наглядных «учебных» примеров применения структур информированности является получившая распространение в сети Интернет задача [5].

Литература

1. *Myerson R.* Game Theory: Analysis of Conflict. – London: Harvard Univ. Press, 1991.
2. *Lewis D.* Convention: a Philosophical Study. – Cambridge: Harvard University Press, 1969.
3. *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Рефлексия и управление: математические модели // Рефлексивные процессы и управление, № 1-2, Т. 13, 2013 г. – с. 53-73.
4. *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Рефлексия и управление: математические модели. – М.: Издательство физико-математической литературы, 2012. – 412 с.
5. Can you solve the maths question for Singapore schoolkids that went viral? (URL: <http://www.theguardian.com/science/alex-adventures-in-numberland/2015/apr/13/can-you-solve-the-singapore-primary-maths-question-that-went-viral> , дата обращения 24.07.2015).

РЕФЛЕКСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМАТИКИ СЛОЖНОСТИ

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ СЛОЖНОСТИ

В.И.Аршинов (Институт философии РАН, Москва)

Аннотация. Обсуждается проблема конструктивного сопряжения концепта рефлексивно-активных сред и становящейся парадигмы сложности.

Ключевые слова: рефлексивно-активные среды, наблюдатель сложности, квантовый наблюдатель.

REFLEXIVITY IN THE CONTEXT PARADIGM OF COMPLEXITY

V.I.Arshinov

(Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. Discusses the problem of structural coupling concept of the reflective-active media and the emerging paradigm of complexity.

Keywords: reflective-active medium, the observer complexity, quantum observer.

Сложность - междисциплинарный и трансдисциплинарный концепт, сформировавшийся в научном познании, менеджменте, дизайне и практиках создания программных продуктов последних десятилетий. Сложность не поддается строгому однозначному определению. Она существенно контекстуальна. Тем не менее, можно указать на ее основные характеристики. Сложность, являющая себя ее наблюдателю в виде последовательности чисел (кодирующих результаты его наблюдений) - алгоритмически «несжимаема». То-есть у нас нет возможности представить эту последовательность более кратко в виде некоторого закона. Сложность не есть чисто объективная или чисто субъективная характеристика процесса субъект-объектного взаимодействия. Она интерактивна. И в этом качестве обладает свойством эмерджентности, непредсказуемости, неопределенности и уникальности. В этом отношении теория сложности обнаруживает тесную преемственную связь с квантовой механикой, распространенной на макрообласть социальных процессов. При этом существенно, что так называемая новая наука о сложности отрицает редукционизм во всех его разновидностях, претендуя на роль новой парадигмы междисциплинарного познания, постнеклассического этапа его развития (В.С.Степин). Понятие парадигма сложности было введено в обиход выдающимся французским мыслителем Э.Мореном в книге «Метод. Природа Природы» писал: «Сложность, прежде всего, заставляет себя признать как невозможность упрощения; она возникает там, где сложная целостность порождает свои эмерджентности; там, где теряются отличительные и ясные признаки в тождественных сущностях и причинных

связях; там, где элементы беспорядка и неопределенности нарушают течение событий; там, где субъект/наблюдатель улавливает свое собственное лицо в объекте своего наблюдения; там, где антиномии приводят к тому, что в ходе рассуждения мы отступаем от своего предмета.....» [1, с.450]. И далее он констатирует: «Мы находимся только на начальном этапе познания сложности и признания сложности» [1,там же]. Представляется, что дальнейшие этапы этого процесса будут иметь одной из точек своего роста, развиваемый в последние годы В.Е.Лепским субъект-ориентированный подход к управлению и сопряженный с ним концепт рефлексивно-активных сред инновационного развития [2]. Постнеклассическая рефлексивность субъект-ориентированного подхода, будучи сопряженной с парадигмой сложности ведет нас к концепту темпорального наблюдателя сложности [3]. При этом существенно, что концепт наблюдателя сложности в свою очередь находится в исторически преемственной связи с контекстом наблюдателя в квантовой механике. Для сборки наблюдателя сложности концепт квантового наблюдателя имеет особое значение. В этом контексте недавно зародилось новое междисциплинарное направление под названием Quantum Interaction, ставящее своей целью исследование возможностей использования квантово-подобного описания для понимания эмерджентного поведения сложностных автопоэтически организованных систем. Параллель с квантовой механикой не просто аналогия. Дело в том, что между «квантовым» и «сложностным» мирами существует глубокое внутреннее подобие. В обоих случаях мы имеем дело с неопределенностью, неклассическими (не гауссовскими) вероятностными распределениями, разного рода нелокальностями (как пространственной, так и темпоральной), следующих из этих нелокальностей корреляций событий, разделенных пространственно-подобными интервалами, эмерджентностью (квантовые переходы и квантовые измерения). В обоих случаях мы так же сталкиваемся с необходимостью введения наблюдателей и присущих им контекстов, которые на этих наблюдателях операционально (автопоэтически, рекурсивно) замкнуты. Именно: нелокализованных наблюдателей квантовых событий и нелокализованных во времени наблюдателей темпоральной сложности, что и дает нам возможность антиципировать будущее. Тем самым и мир сложности становится миром сложностных событий, развертывающихся в Мире «Черных лебедей» (Талеб), так называемых «редких» событий, которые становятся, однако, все более вероятными. И это, кажущееся нарушение классических законов вероятностного мира, становится более понятным, если принять во внимание тот факт, что глобализирующийся и трансформирующийся мир вступает в эпоху все более осознаваемой, рефлексивной сложности, многие аспекты описания и понимания которого подобны тем, что имеют мест в описании и понимании квантовых явлений. Тем самым, мы встречаемся с проблемой «сборки» Субъекта-наблюдателя сложности в контексте настоящего, здесь и теперь (Now), способного антиципировать будущее и те возможные риски, которые оно в себе несет. И в этом эмерджентном качестве становление

современных синергично взаимосвязанных конвергентных технологий конституирует новый мир квантово-подобной эволюционирующей сложности, трансформирующей человека, его мышление, его внешний и внутренний мир, его коммуникацию с самим собой и Другим, как Иным. Тем самым возникает и новое пространство принятия решений, оценок возможных наблюдаемых и потенциальных рисков.

Литература

1. Морен Э. Метод. Природа Природы. 2-е изд. М.: «Канон+», 2013. –487 с.
2. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с.
http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
3. Аршинов В.И. Наблюдатель сложности как модель искусственного интеллекта / Экономические стратегии. 2(118) 2014, с.104-108

*Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 15-03-00404
«Развитие междисциплинарных подходов и рефлексивных стратегий в современном научном знании»*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА СЛОЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Д.К.Абакаров (Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Брянск)

Аннотация. В данной статье поставлена научная проблема профессионализации аналитики сложных социальных процессов.

Ключевые слова: сложность, социальные процессы, аналитика, профессионализация

PROFESSIONAL ANALYSIS OF COMPLEX SOCIAL PROCESSES: THE PROBLEM BASES

Dmitriy K.Abakarov

(The Bryansk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk)

Abstract. In this article the scientific problem of complex social processes analysis professionalization is defined.

Keywords: complexity, social processes, analytics, professionalization.

В настоящее время качество исследований проблем социального управления не только в России, но фактически и во всех странах находится, по признанию многих авторитетных экспертов, в кризисном состоянии. Источник этого состояния – стремительно возрастающая

сложность современного социального мира при критическом отстаивании способности субъектов управления обеспечивать человекомерный социальный порядок.

Не вдаваясь здесь в детальное рассмотрение феномена сложности, достаточно обратить внимание на явление прогрессирующей дифференциации научных представлений об обществе на множество (сегодня – более 100) направлений с потерей целостного его видения. Наука о человеке также разделена на множество узкопрофильных дисциплин. Практика социального управления, теряя в условиях сложности опору не только на науку, но и прошлый опыт, реализуется в большей степени на основе ситуативного подхода. Как будто и не было блестящих научных прорывов Людвиг фон Берталанфи, Норберта Винера, Германа Хакена, Владимира Лефевра, да и нашего соотечественника А.А.Богданова с его «всеобщей организационной наукой» (тектологией).

В целом человеческий мир все более атомизируется и фрагментируется, утрачивая фундаментальное основание своего жизнеустройства – социальность как универсальный способ единения. В этом контексте по-особому воспринимается название знаменитого эссе Жана Бодрийера, провозгласившего «конец социального», меркнувшего «в тени молчаливого большинства».

Что же делать, чтобы метафора Бодрийера не стала грозной реальностью? Мне представляется, французский автор имел в виду *конец известного нам просто устроенного социального мира, и выход в сложное и неизвестное*. Американец Э.Тоффлер предугадал наступление всеобщего «шока будущего», а наш соотечественник академик Н.Н.Моисеев предупредил о необходимости «расставания с простотой». Так или иначе, ученым и практикам уже не удастся уклониться от вызова со стороны сложности.

В качестве ответа на этот вызов в современной науке и практике социального управления сформировалось такое направление, как аналитика, ставящая перед собою самую амбициозную из всех возможных цель – познание сложной социальной реальности во всей ее полноте. Западная наука не только создала научное направление, названное аналитикой, но и вывела его на прикладной уровень с внедрением в практику управления. Специальность «аналитик» в настоящее время одна из самых высокооплачиваемых и дефицитных в мире профессий. Появившись в области программной инженерии, идея этой специальности проникла и в экономическую науку, вызвав к жизни профессии финансового аналитика, бизнес-аналитика; и в политическую науку (политического аналитика, аналитика-регионоведа). Общей тенденции ускорения динамики социальных

процессов соответствует быстрая дифференциация недавно зародившейся аналитической деятельности на ряд слабо связанных друг с другом предметных областей.

Доходит до абсурда: мелькающие на экране ТВ новоявленные «аналитики», не владеющие даже началами научной методологии, претендуют на всеобъемлющее владение знанием закономерностей развития сложных социальных систем. Полагаю, что такие претензии вряд ли имеют что-либо общее с научным познанием реальности, а принадлежат в основном к практикам сервильной демагогии. Такая псевдоаналитика дискредитирует мощный потенциал аналитической деятельности, в корне подрывая всякое доверие к ней.

Однако и серьезным специалистам не удастся аналитическое решение задач становления нового порядка взамен разрушенному в силу того что анализ не завершается синтезом. Аналитика способствует производству разъединения, то есть продукции сложности, но не способна обеспечить процесс сборки социального субъекта. Возможно, рефлексия есть способ обеспечить «связку» анализа и синтеза в их диалектическом единстве, поскольку обе эти операции производятся мыслящим субъектом.

Исток этой проблемы можно предположить в функциональном значении корневого основания аналитики – понятия «анализ». Общепринятое определение этого понятия – разложение, расчленение предмета (процесса, явления) на составляющие и изучение целого по его частям. Однако подходить с аналитическим скальпелем к сложному социальному телу в надежде познать его сложность означает заблуждаться. Не будем забывать, что сложность – это нередуцируемая целостность. Не потому ли многочисленные попытки конструирования «образа будущей России» так немощны, что аналитике имманентно присущ некий редуccionизм, неспособный синтетически обеспечивать познание многообразия производственной и социальной жизни и, соответственно, управления этой жизнью?

Можно в связи с этим утверждать о несостоятельности аналитики в деле познания и управления сложными общественными системами и процессами? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен. У.Р.Эшби сформулировал закон, позднее названный его именем, утверждающий, что для того, чтобы управление стало возможным, степень сложности (разнообразия) субъекта управления должна быть по крайней мере не ниже сложности объекта управления. Соответственно, это порождает новый серьезный вызов, адресованный субъекту познания и социального конструирования – человеку. Вызов тем более серьезный, что налицо неспособность современных «аналитиков» адекватно

отвечать на ее вызовы. Главная проблема – отсутствие должным образом подготовленных кадров в сфере анализа сложных процессов.

Со многими аспектами сложности (технико-экономическими, производственными) справиться научились. Но с самым главным аспектом – социальной сложностью – никто не представляет, как работать. Дополнительные осложнения – социальный мир нелинеен, неравновесен, нерационален и иррационален. Его проявления плохо поддаются количественному исчислению и требуют опоры на совершенно иные методологические основания.

В аналитику как область деятельности сегодня приходят люди из самых разных профессиональных областей. Представляется, что совокупный мозаичный опыт этих людей может продуцировать эвристичные решения насущных проблем современности. С другой стороны, жизненный, профессиональный и научный опыт этих людей, воспитанных в разных исследовательских традициях, настолько различается, что им трудно находить общий язык.

Размытое, неопределенное предметное поле исследования сложности всякий раз ставит под сомнение вопрос о правомерности отнесения того или иного специалиста к профессиональному сообществу аналитиков, потому что сами критерии зачисления в него становятся «плавающими».

Таким образом, возникает целый ряд вопросов:

Во-первых, вопрос о сложности динамической трансформации современного мира, в первую очередь – социального мира.

Во-вторых, вопрос о необходимости справляться с этой сложностью, что требует наличия профессионально подготовленных для выполнения этой задачи людей.

В-третьих, вопрос о невозможности традиционного изучения «систем», поскольку происходящие в социуме процессы размыывают как системы, так и пытающихся управлять ими «социальных инженеров».

В-четвертых, вопрос о необходимости анализа сложной социальной реальности в целях ее познания и управления ею.

В-пятых, вопрос о профессионализации аналитики, которая изначально родилась как элитарный вид деятельности, является одной из самых перспективных в мире профессий, в настоящее время переживает период активного становления со всеми присущими этому периоду «детскими болезнями».

В-шестых, вопрос о рефлексии как способе обеспечить «связку» анализа и синтеза в их диалектическом единстве.

В-седьмых, вопрос об объединении аналитиков в рамках институциональных образований, в том числе в таких специфических институтах, как «фабрики мысли» («мозговые центры»).

В названии сегодняшнего симпозиума задача поиска «актуальных проблем рефлексивных исследований в контексте постнеклассической научной рациональности и трансдисциплинарного подхода» порядково обозначена как первая. Не думаю, что его организаторы, поставив перед участниками цели высочайшего значения, рассчитывали на их полноценное достижение в итоге симпозиума. Реальнее рассчитывать на то, что удастся разрыхлить верхний слой этой сложнейшей проблемы и привлечь внимание, как научной общественности, так и практиков социального управления к ее решению.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В НАУКЕ И ФЕНОМЕН ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

В.А. Бажанов, А.Г. Краева

(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск)

Аннотация. В тезисах анализируется связь рефлексивности современной науки и становления феномена трансдисциплинарности.

Ключевые слова: рефлексивность, трансдисциплинарность, когнитивные исследования.

REFLEXIVE MECHANISMS IN SCIENCE AND TRANSDISCIPLINARITY PHENOMENON

Abstract. We make an attempt to link of modern science reflexivity and making of transdisciplinarity phenomenon.

Key words: reflexivity, transdisciplinarity, cognitive science.

Целью системы самопознания современной науки выступает изучение закономерностей ее роста, оснований научного знания, а в организационном плане - эффективная и оперативная регуляции действия механизмов ее развития. Даже общий взгляд на источники становления системы самопознания в современной науке показывает, что моменты критики, сомнения имели гораздо более глубокие последствия, чем те, которые можно было бы предвидеть в том случае, если их назначение сводилось бы только к перестройке теоретических программ в рамках прежнего концептуального содержания. Можно утверждать, что этапы эволюции науки, выступающие в качестве сменяющих друг друга типов научной рациональности, характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

Исследование природы и механизмов рефлексивных процессов является стратегически важным как для развития современной науки,

так и для решения широкого круга когнитивных, практических социально-политических и экономических задач современной России, которые предполагают непосредственное использование научных результатов и инновационных технологий. Современная когнитивная парадигма расширяет поле рефлексии над научной деятельностью: учитывается соотнесенность получаемых знаний о мире не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями. Превращение науки в сложное образование, которая имеет тенденцию трансформироваться в такие трансдисциплинарные феномены как технонаука, экология, нейронаука, со всей остротой поднимает проблему эффективной организации, самоорганизации и управления в сфере научного знания, в которой и должны вырабатываться соответствующие механизмы. Поэтому все более важным параметром и императивом развития современной науки, которая в своей сущностной компоненте всё более и более приобретает трансдисциплинарный статус, является заметный рост её саморефлексивности. Новейшие исследования в области нейропсихологии, социальной и культурной нейронауки свидетельствуют о формировании нового трансдисциплинарного локуса научных исследований. Одним из его ведущих принципов является открытость, синтез естественных, гуманитарных и социальных наук, а также искусства, и в некоторой мере сферы духовной деятельности. В практическом плане основные направления исследования рефлексивных процессов в данной области связаны с разработкой принципиально новых технологий систем управления субъектами деятельности и её осмысления - возникновение таких дисциплин как нейроэкономика, нейромаркетинг, нейрополитология, нейролингвистика. Ведущей становится ориентация на исследование, моделирование и организацию познавательной деятельности субъектов с доминированием рефлексивных процессов и ценностных ориентаций, их связи с культурой и др. Речь идет о создании «человекообразных» рефлексивно-активных сред [1] динамического моделирования социальных систем, в основу организации которых положены субъектно-ориентированные принципы, модели и субъектные онтологии организации воспроизводства и развития социальных систем. При этом необходимо должна осуществляться смена доминанты «агрегации знаний» в образовании на доминанту развития рефлексивных способностей, которые способны обеспечить реализацию робастных стратегий и тактик междисциплинарной и трансдисциплинарной интеграции знания, и, в конечном счете,

повышение уровня вовлеченности отечественной науки в основной тренд развития мирового инновационного процесса.

Возникновение новых трансдисциплинарных областей исследований в современной науке фактически привело к едва ли не качественному преобразованию когнитивной динамики. В центре всех этих преобразований находится феномен знания, которое оказывается в эпицентре экономических, политических и культурных приоритетов общества, отвечая идее «хорошего общества». И, что особенно важно, потребление знаний во все большей мере начинает воздействовать на способы и формы его производства, задавая определенные требования к характеристикам нового знания. Это заставляет задуматься о становлении «общества знаний», которое изменяет цели высшего образования и когнитивные способы функционирования всего общества как сложной взаимосвязанной системы, равно как и природу самого труда.

В современной науке сложилась многоуровневая иерархическая система самопознания. Сложность, многослойность и разветвленность современного научного знания с “неизбежностью влечет за собой разнообразие типов и уровней самой рефлексии” [2, с. 27]. Каковы особенности функционирования рефлексивных механизмов в аспекте феномена трансдисциплинарности?

Сомнение в правомерности и надежности исходных, посылок представляет собой первоначальный толчок для вступления теории (исследовательской программы и т. д.) в тот этап развития, который характеризуется рефлексией, способной привести к заметной концептуальной реорганизации своего предмета, к созданию своего рода витка обратной связи между теорией и ее основаниями.

Если исходить из типа аргументации, применяемой в процессе рефлексивных процедур и, отчасти, провозглашаемых целей, то рефлексивность современного научного знания расслаивается на внутритеоретическую, метатеоретическую, междисциплинарную, общенаучную и философско-методологическую рефлексия. Характер аргументации чаще всего и является индикатором того, на каком уровне протекает рефлексия.

Исследование рефлексивных механизмов современной науки представляется необходимым для осмысления таких сложных явлений как трансдисциплинарные области исследования. В свою очередь, новые тенденции, связанные с исследованиями феномена трансдисциплинарности, не могут не предполагать анализ особенностей феномена рефлексии, которые так или иначе генерируются этим феноменом и/или его осмыслением.

На этот феномен философы обратили внимание сравнительно недавно. Однако можно ли его относить именно к науке (неклассической или даже постнеклассической) только XXI века? Или здесь мы имеем тот случай, когда некоторая научная реалья попадает в поле зрения исследователей, так сказать, замечается ими с некоторой задержкой? Не исключено, что вопрос надо ставить даже шире – о возможности своего рода когнитивной революции.

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо прояснить, что понимается под трансдисциплинарностью. Отличается ли трансдисциплинарность от меж- или полидисциплинарности? Междисциплинарность подразумевает кооперацию различных областей научного знания в смысле циркуляции и использования некоторого семейства близких по своему содержанию понятий и представлений. Трансдисциплинарность же «характеризует такие исследования, которые идут *через, сквозь* границы многих дисциплин, что следует из смысла самой приставки «транс»... Трансдисциплинарные исследования характеризуются *переносом когнитивных схем* из одной дисциплинарной области в другую, разработкой и осуществлением *совместных проектов исследования*» [3]. Именно этот перенос когнитивных схем способствует формированию особого рода представлений и абстракций синтетического характера, которые позволяют говорить не об интервалах абстракции отождествления, различимости и т.п. в контексте интервального подхода, соответствующих дисциплинарной организации науки, а о «трансинтервалах», консолидирующих (уже трансдисциплинарные по своему статусу) субъект и объект.

Что же является основанием для формирования феномена трансдисциплинарности? Думается, что таким основанием может и в действительности является *стиль мышления*, который рождается в контексте той или иной дисциплины под воздействием всей системы рефлексивных механизмов на всех уровнях познавательной деятельности, а затем осуществляет экспансию в виде дискурсивных практик в широкое пространство науки и культуры благодаря тем *когнитивным схемам*, которые позволяют синтезировать разнородные исследования в некоторую целостность. Принятие нового стиля научного мышления часто порождает новые типы объектов («сущности») научного исследования и когнитивной активности, новые механизмы объяснения, которые требуют новые типы научных предложений. Научная и когнитивная практика, основанная на новом стиле мышления и дискурсе, предполагает мультидисциплинарность, формирование новых научных и социальных институтов, а, стало быть, вызывают заметные социальные изменения. При этом

трансдисциплинарность в силу своей природы может быть только открытой и подверженной перманентным преобразованиям.

По существу, здесь надо говорить о научной революции уже *трансдисциплинарного* типа (которую условно можно назвать революцией в смысле Хакинга), причем такого рода революции могут не совпадать по времени с научными революциями, которые традиционно связываются с именем Т. Куна.

Изменение стиля мышления фактически означает изменение внутренней логики рассуждения, того, что часто называют дискурсом – процедуры подбора и организации аргументов, оценки их как достаточных оснований для поддержки того или иного тезиса. Разные онтологии предполагают разные процедуры рассуждений. Различные логики (классические, неклассические – альтернативные, а также расширяющие дедуктивные и выразительные средства), сопряженные с различными онтологиями, реализуют принцип приемлемости в науке о природе рассуждений. Примерами парадигм в смысле Куна в науке могут служить концепция Ньютона, породившая механицизм или концепция Дарвина, породившая эволюционизм, в области художественной когнитивной практики – это западно-европейский классицизм XVII-XVIII вв., в некотором смысле воплощающий идеалы философского рационализма и представленный в творчестве Ф. Шиллера, Вольтера, Рафаэля, Л. Альберти, Й. Гайдна, В.А. Моцарта, Л. Бетховена и до сих пор во многом определяющий традиционные художественные каноны академического искусства – если иметь в виду культуру в целом.

Таким образом, актуальность и значимость рефлексивных механизмов на трансдисциплинарном уровне определяется тем, что данный уровень рефлексии позволяет исследовать современную культуру как открытое трансдисциплинарное интеллектуальное пространство, что предполагает анализ содержания, динамики и эволюционной цикличности современной культуры как интегрированной структуры, базирующейся на принципах нелинейности, сложности, самоорганизации, эмерджентности и новаций, природы и механизмов рефлексивных процессов, фундирующих когнитивную активность субъекта познания, рефлексивных параметров когнитивно-инновационного процесса как системного образования в аспекте общекультурной когнитивной эволюции. Анализ рефлексивных механизмов на трансдисциплинарном уровне позволяет сформировать целостное видение процессов формирования представлений о современной научной деятельности как саморазвивающейся рефлексивно-активной среды, главным трендом которого становится организация

субъектности развития, самоорганизация и конструирование механизмов познавательной деятельности и управление ими. Именно здесь, по-видимому, и следует искать ключевые инновации как драйверы развития современной науки.

Литература

1. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. - 280 с.
2. Швырев В.С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки // Вопросы философии. – 1985. – № 6. – С. 25-34.
3. Князева Е.Н. Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках // Вестник ТГПУ, 2011, №10. – С. 193 – 194.

Работа поддерживалась грантом РФФИ (№13-06-00005а).

ЕСТЕСТВЕННОЕ И ИСКУССТВЕННОЕ В НАУЧНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

В.Г. Горохов (Институт философии РАН)

Аннотация. Рассматривается проблема соотношения естественного и искусственного в научном эксперименте. Подчеркивается конструктивная роль математики как инструмента, превращающего эксперимент в средство познания природы.

Ключевые слова: Естественное, искусственное, идеализация.

NATURAL AND ARTIFICIAL IN A SCIENTIFIC EXPERIMENT

V.G.Gorokhov

(Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. Discusses the problem of correlation between natural and artificial in a scientific experiment. Emphasizes the constructive role of mathematics as a tool turns the experiment into a means of cognition of nature.

Keywords: Natural, artificial, idealization.

Система с естественной точки зрения рассматривается как самодвижущийся организм, т.е. объект, развивающийся по своим внутренним законам, не зависящим от человеческой деятельности. В этом случае основным является отношение естественного взаимодействия - воздействия среды на систему и системы на среду. С искусственной точки зрения система рассматривается как конструируемый извне механизм. В этом смысле она может быть заранее целиком создана на основе проекта и лишь потом включена в

определенную естественную среду, где она будет функционировать. В принципе любая система может быть описана и как естественная, и как искусственная.

В историческом плане основания для различения естественного и искусственного менялись. В древних мифах часто трудно вообще отделить естественное от искусственного. Живопись для художников эпохи Возрождения - это не простое копирование природы, а конструирование совершенного изображения: если такового нет в природе, художник составляет его из различных существующих в природе вещей, как, например, изображение совершенного человека. Именно в этом смысле надо понимать высказывание Леонардо – „искусство должно подражать природе“ - не в смысле копирования, а в смысле воссоздания „в искусственных построениях, где существуют свои законы“ (Эстетика ренессанса. Т. I. М.: Искусство, 1981, с. 491).

В Новое время в связи со становлением экспериментального естествознания их соотношение переосмысливается. Для Декарта всякое различие между ними исчезает, поскольку природа трактуется им как машина, что противоположно аристотелевскому представлению, согласно которому природное противопоставлялось созданному человеком, а физика - механике, как искусству, а не науке. По Декарту же, механика является частью физики, изучающей действия природных вещей.

Галилей в отличие Аристотеля рассматривает естественное движение в искусственных условиях, в идеализированном искусственным путем эксперименте. Говоря, например, о плавающих телах, он апеллирует к искусственно приготовленному сосуду, в котором мы видим исследуемые явления естественно происходящими, а, рассуждая о «природе» механических орудий, он рассматривает их естественный компонент, критикуя техников-механиков за то, что они заблуждаются, желая применить машины к действиям, невозможным по самой своей природе. Именно таким перенесением искусственного в естественное и естественного в искусственное были заданы идеалы и нормы экспериментального естествознания, с одной стороны, и инженерной деятельности, - с другой. До Галилея научное исследование по античному образцу мыслилось как получение знаний об объекте, который всегда рассматривался как неизменный. Никому не приходило в голову практически изменять изучаемый реальный объект (в этом случае он мыслился бы как другой объект). Античные и средневековые ученые, напротив, старались усовершенствовать теоретическую модель, чтобы она полностью описывала поведение реального объекта.

Галилеем осуществляется „подгонка“ техническим путем природных объектов под математическую схему. Таким образом, получают

идеально-реальные, природно-математические синкретические объекты, т.е. природные объекты, „внутри“ которых скрыта математическая (геометрическая) схема. Техническим способом приблизить несовершенные („выпирающие“ из совершенной геометрической формы) природные объекты к идеальным, математическим, совершенным являются, например, шлифовка, выбор неподдающегося деформации материала и т.п., позволяющие *искусственно усовершенствовать естественные объекты*, для которых можно пренебречь незначительным отклонением от идеальной формы. „Кто хочет произвести подобный опыт с ... удобным материалом, легко принимающим любую форму, может взять чистого воска и сделать из него шарик или другую плотную фигуру и затем прибавить к воску свинца в таком количестве, чтобы эти фигуры с трудом тонули, т.е. чтобы свинца на одно зернышко менее было бы уже недостаточно для их погружения. Придав тому же воску форму сосуда и наполнив его водою, найдем, что без свинца он не пойдет ко дну, а со свинцом опустится с медленностью; в общем налитая вода не внесет никакого изменения“. (Галилео Галилеи. Избр. труды. - В 2-х т. М.: Наука, 1964; т. 2, с. 56-66)

Эксперимент выступает, с одной стороны, как искусственное (техника), а с другой - как репрезентант естественного (природы). Именно поэтому природный закон может быть доказан подтверждением в «техническом» эксперименте, а знания, полученные искусственным путем, могут быть в свою очередь распространены на природные объекты. Техническая же деятельность должна основываться на знании природных законов, т.е. на естественнонаучном знании.

Материал подготовлен в рамках проекта РФФИ «Трансформация естественнонаучного эксперимента в социальных науках» № 15-06-02634.

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОЖНОСТИ И ПОРЯДКИ РЕФЛЕКСИИ

В.Ю. Кузнецов

(Философский факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва)

Аннотация. Исследования сложности предполагают реализацию междисциплинарных подходов, обеспечиваемых фундаментальной концептуализацией методологических оснований, которые выполняются в постклассической перспективе посредством создания нелинейных гипертекстов для достижения высоких уровней рефлексии.

Ключевые слова: сложность, рефлексия, междисциплинарность, постклассика, гипертекст.

REFLEXIVE LEVELS IN THE STUDY OF COMPLEXITY

Vasily Kuznetsov

(Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow)

Abstract. This project proposes the outline of an interdisciplinary approach to the problem of complexity. The study of complexity requires a fundamentally new conceptual framework and methodological base; this can be achieved in the post-classical perspective by means of non-linear hypertext to achieve higher reflexive levels.

Keywords: complexity, reflexivity, interdisciplinary, post-classical philosophy, hypertext.

Исследования сложности до сих пор остаются большой редкостью. Конечно, теперь уже всем, пожалуй, понятно, что проблемами, например, экологии или человека можно заниматься только комплексно, используя разнообразные методы и подходы. Возможно, трудность здесь заключается даже не в том, что для планирования и воплощения междисциплинарного исследования нужно хорошо разбираться в различных науках, хотя и это совсем не просто, а в том, что подобный проект неизбежно выпадает из любых привычных классификаций и, ускользая от предзаданной определенности, становится поэтому почти не схватываем мыслью. Хорошо еще, если существует какой-то один объект, фокусирующий на себе различные ракурсы рассмотрения, как тот же человек, к примеру. Тогда можно легко придумать новую специальную ячейку типологизации, назвать ее, скажем, антропологией, и все соответствующие исследования относить по ее ведомству. Стратегическая задача тут, по-видимому, будет заключаться в том, чтобы изыскать/сформировать такие способы/средства/технологии высоких порядков рефлексии, которые могли бы предоставить возможности для оперирования разными языками с целью использовать преимущества различных оптик и направить перформативную телесность языка философии на воплощение междисциплинарных стратегий [1].

Если считать, что рефлексией нулевого порядка или ранга [2; 3] обладает нерефлексивная предметная деятельность, то осознание и осмысление этой деятельности будет уже рефлексией первого порядка, а осознание и осмысление этого осознания и осмысления – второго и т.д. Примечательно, что для схватывания самой рефлексии любого фиксированного уровня необходима рефлексия более высокого порядка, причем рефлексия любого уровня остается для самой себя по понятным причинам невидимой – образуется своего рода лестница,

находясь на которой, мы можем видеть только более низкие ступеньки, но не можем видеть ту, на которой стоим. Ясно, что сама по себе рефлексивная возгонка, уходящая в пределе в дурную бесконечность, никаких позитивных результатов принести не может. Однако, без учета многоярусных рефлексивных эффектов и возможности подключения дополнительных слоев рефлексии мы рискуем сами себя концептуально стреножить, зашорить и, тем самым, заведомо неправомерно ограничить. Поэтому задача заключается в том, чтобы последовательно и критично надстраивать рефлексивные этажи, по возможности внимательно отслеживая возникающие эффекты.

Переход от классической философии к философии неклассической и ознаменовался как раз введением еще одного специального рефлексивного этажа, обеспечивающего тематизацию и проблематизацию тех практически неосознаваемых предпосылок, установок и допущений, которые лежат в основании соответствующих концепций и задают в первую очередь осознание мыслителем самого себя. Точнее, вскрывают роль предполагаемого понимания сознания в тех выводах, которые иначе можно было бы счесть беспредпосылочными и/или абсолютными. Ведь для классики нет каких-то иерархий в рефлексии – там это просто не нужно постольку, поскольку сознание полагается непрерывным, доступным саморефлексии в любой своей точке и прозрачным для самого себя. В неклассической ситуации дело обстоит совершенно иначе – нейтральная по видимости среда, универсальное казалось бы средство само обретает массу и плотность, становится принципиально значимым и универсально важным сообщением. Поскольку неклассика уже понимает, что беспредпосылочного (по)знания не бывает, постольку именно анализ его предпосылок и становится ключом к его осмыслению.

И в этом смысле представляется чрезвычайно важным обратить внимание на тот аспект сложности, с помощью которого эта самая сложность, собственно говоря, только и может выражаться и концептуализироваться. То есть, если мы хотим всю эту сложность различных и совершенно разнородных смыслов попытаться как-то сопрячь, как-то связать и как-то осмыслить, нам неизбежно придется воспользоваться не менее сложными средствами, которые надо будет не менее сложным образом увязать друг с другом, позволяя им в том числе и самоорганизовываться. И в этом смысле весьма показательным примером выступает книга Делеза и Гваттари «Тысяча плато» [4], которая – по крайней мере, в своем замысле – должна представлять перед нами как некий нелинейный текст, распадающийся на несколько слоев, в которых переплетаются различные смысловые нити в

некотором полифоническом взаимодействии, где монистичной и централизованной модели стержневого (древесного) корня противопоставляется даже не система фрагментов, подобная мочковатому корешку (и сводящаяся в конечном счете к дуализму), а ризома, любая точка которой может быть присоединена к любой другой, – принцип, воплощенный в самом устройстве сборки этой книги, сочленяющей множество плато разнообразных предметностей, по которым однотипным (хотя и не одинаковым или монотонным) образом разбегаются многочисленные потоки различных процессов (от семиотики до музыки, от зоопсихологии до лингвистики, от литературы до истории, от математики до экономики и т.д., и т.п.). Однако, тем не менее, мы видим, что несмотря на такой достаточно сложный и интересный замысел, эта книга предстает перед нами все равно как обычная книга, то есть как линейно упорядоченный текст, выстраивающий вполне определенную последовательность тем и сюжетов.

Так что, если мы хотим дальше продвинуться в направлении сложно-адекватного выражения и концептуализации сложности соразмерными средствами, то ближайшим возможным шагом на этом пути видится проект создания скорее уже ризоматического текста, представляющего собой своего рода разновидность гипертекста, в который были бы уже встроены ссылки на другие фрагменты этого же текста и указания на многочисленные и разнообразные нелинейные связности различных компонентов между собой. Попытку построения такого рода ризоматического текста в линейном приближении или линейной проекции я представляю под названием «Реконфигуратор» [5].

Тем не менее, проект выполнения следующего возможного шага в том же направлении представляется гораздо более проблематичным. Поскольку предпринять воплощение динамической системы концептов для отображения и выражения динамической сложности мира в статике линейного приближения или линейной проекции печатного текста очевидным образом невозможно. Ведь нелинейные динамические процессы становления (включающие процессы самоописывания) сверхсложных постклассических систем принципиально не могут быть ухвачены линейными и логоцентрическими средствами классики. Поэтому для реализации подобного проекта понадобятся, по-видимому, компьютерные техники и технологии, позволяющие создать гибкую и подвижную среду для построения переменных динамических моделей, воплощающих многомерные смысловые пространства в их движении, развитии и самоорганизации. И тогда, возможно, формат книг, предзаданный нам технологией печатного станка, будет замещен

новым форматом произведений, демонстрирующих смысловую сеть, которая может быть визуализирована, например, в виде объемной карты или лабиринта.

Традиционному классическому пониманию многого как сложного комплекса или совокупности если и не одинакового (тождественного, идентичного или хотя бы однородного, подобного друг другу), то отождествляемого по какому-либо набору предположительно ингерентных признаков и редуцируемого к одному основанию (в целях гармоничного объединения) или монотонно повторяющегося и вечно возвращающегося как то же самое стоило бы противопоставить трактовку множественностей как комплексов различного, уникального и неповторимого, но тем не менее охватываемых и объединяемых (чтобы продолжать рассматривать каждый из них и их совокупность в целом именно как множество), несмотря на все свое несходство – вплоть до противоречия, – и удерживаемых, например, диалектикой (в любых ее вариациях – от Гераклита до Гегеля и от Маркса до Жижека) или дизъюнктивным синтезом Делеза, распределяющим расходящиеся серии в резонирующей коммуникации событий.

Литература

1. *Кузнецов В.Ю.* Взаимосвязь единства мира и единства культуры. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. – 240 с.
2. *Лефевр В.А.* Рефлексия. – М.: «Когито-Центр», 2003. – 496 с.
3. *Щедровицкий Г.П.* Рефлексия // Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 485–495.
4. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
5. *Кузнецов В.Ю.* «Реконфигуратор» 2.0: развертка программы // Гиренок Ф.И., Кузнецов В.Ю., Ермолаев М.С. Максимумы. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 320 с.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ОПЫТ И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ: О ПОДМЕНЕ СЛОВАРЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.Г.Лешкевич (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Аннотация. В статье рассматривают альтернативы рефлексивного опыта. Автор анализирует теорию рефлексивности и ее следствия, рассматривает практики индоктринации, выявляет регулятивное значение идеи детерминация будущим, логику управляющих воздействий.

Ключевые слова. Рефлексивный опыт, теория рефлексивности,

индоктринация.

REFLEXIVE EXPERIENCE AND ITS ALTERNATIVES: THE SUBSTITUTION DICTIONARY OF SOCIAL RELATIONS

T.G. Leshkevich (Southern Federal University, Rostov on Don)

Abstract. The article examining alternatives reflexive experience. The author analyzes the theory of reflexivity and its consequences, examines the practice of indoctrination, identifies regulatory implications of the idea of determination in the future, logic control actions.

Keywords: Reflective experience, the theory of reflexivity, indoctrination.

Существование индивида в координатах нормальности, т.е. в соотношении с собой и средой не всегда сопровождается рефлексией. Часто это просто принятие существующих обстоятельств и выбор того состояния, которое, согласно теореме о минимуме производства энтропии И. Пригожина, обеспечивает минимально возможное сползание к хаосу. Здесь целедостижение совпадает с адаптацией к существующим условиям. Система желает обеспечить свое жизнеспособное функционирование, остаться тождественной самой себе. Ресурсы совершенствования используются с вектором направленности вовнутрь, т.е. обращены к глубинам внутреннего мира. Осуществляя подмену активности внешней и достигаемой активностью интериоризованной, система сберегает и сохраняет себя. «Великая гармония мира» достигается путем гармонизации мира внутреннего, колоссальной внутренней работой. Система делает своеобразный качественный выбор, расширяя мир собственного Я до мегаразмеров. Если цивилизационный порядок жизни оказывается тождественен состоянию дикости и варварства, то инкультуральный поход, т.е. поход в сокровищницы человеческого духа и человеческой культуры, оценивается как спасительный выход из сложившейся ситуации. В сценарии, когда такой побег становится всеобщим и интересубъективным, т.е. к нему прибегают все, человечество случайным образом генерирует новое качество – богатой, содержательно насыщенной человечности. Взаимопонимание обеспечивается проработанным, внутренним духовным потенциалом. Хаос, бушующий во вне, погашается гармонией, генерируемой внутри, порождая островки устойчивых ценностей. Возможно ли такое?

В ситуации тождества мышления и бытия - этот сценарий вряд ли возможен, ибо мышление должно адекватно отражать и вбирать в себя качества внешней действительности. Содержательный строй мыслей, не имея автономии, страдательно зависит и резонирует с энтропией социального. И как следствие депрессия неустроенности и унылой

повседневности, стрессы, негативы экономической деструкции, информационные перегрузки. Однако, теория рефлексивности предполагает и иные возможности, нежели простое тождество. Во-первых, она сомневается в том, что мышление может быть безошибочным. Во-вторых, показывает, что порождающее ошибки мышление в свою очередь наполняет действительность эрцаз-формами и порождает запутанные, уродливые отношения. В-третьих, ошибки мышления облают способностью к саморепликации, они множатся и присваивают себе роль референтов реальности, замещая ее неправильными копиями копий. Сигнал, связанный с регулирующим воздействием и управлением, поглощается непрочностью среды. Равновозможным становится как абсурдное поведение, так и полнейшая апатия и необъяснимая немота. И, наконец, в-четвертых, мыслям «разрешено» скакать и путаться в открытом словесно беспредметном потоке. Недетерминированные фрагменты возмущения приобретают характер «посланий неизвестно откуда» и «неизвестно кому», этакому «странному современному человеку», которого величают то ли «человек кликающий», то ли «человек сети», то ли человек толпы, но никак не человек разумный.

Отбор соответствующих кубиков мировоззренческой мозаики, минуя рефлексивное движение, связанное с оборачиванием на исходные условия и предпосылки в из смыслообразующем контексте, идет с поправкой исключительно на сиюминутную ситуацию. Мировоззрение принципиально релятивизируется, становится «флексибельным», демонстрирует свою контекстуальную зависимость. Напряженность современного состояния схватывается в зафиксированных в языке дилеммах, когда «разум поссорился с логикой», «истина - с законом», когда «следовать - не значить продолжать», малые причины вызывают глобальные по масштабу и силе следствия, а система теряет системную память, начисто забывая свои предшествующие состояния. Отмеченная методологами детерминация будущим, имеющая сильнейшее регулятивное значение, в действованной быть не может, ибо системообразующий образ будущего отсутствует.

Сложную работу «духовного делания» замещают практики индоктринации, означающие прямое приобщение к какой-либо доктрине, погружение в ее семантическое пространство, пребывание в нем, вплоть до полной потери собственной индивидуальности. Индоктринация взамен рефлексии, обреченной путаться в лабиринтах реальности, предлагает доктрину приверженности, запуская тоталитарные механизмы влияния и давления. Для достижения сдвижек в сознании она настроена на эксплуатацию аттрактивной, т.е. привлекательной идеи, обещающей то ли «светлое будущее», то ли

помощь, благосостояние, свободу, сопровождаемые философией корпоративности, полностью подмененным «словарем социальных отношений».

Индоктринация, предполагающая служение навязанной доктрине и самоотождествление с ее основными ценностями и регулятивными идеями, оказывается внушительной альтернативой критической рефлексии. Под вопросом оказывается самостоятельность и самодостаточность философской рефлексии, которая по логике вещей должна быть связана как с личностным «самосозданием», так и с квинтэссенцией эпохи, предвидением как положительных, так и негативных последствий современного цивилизационного развития. При разноликом многообразии типов философии, философская рефлексия выступает объединяющим это разнообразие началом и обладает интегративной силой.

При осмыслении инноваций рефлексивный анализ показывает, что новообразований предполагает целевое изменение в структуре или функционировании системы и с необходимостью связано с внедрением и созданием дополнительной ценности. Этот процесс можно представить, как имеющий внутреннюю логику, указывающую на генезис инновации, ее развитие, адаптацию, диффузию или распространение. Традиционно считается, система движется к новой равновесности через неустойчивость. При этом происходит связывание роста степеней свободы (хаоса). В теории неоинституционализма показано, что само институционалирование может идти, как по пути навязывания утверждаемых институций по логике их трансляции вниз, так и с учетом сложившихся приоритетов внизу, (т.е. от низового эмпирического уровня). Рациональный срез рефлексивного опыта заставляет сделать вывод, что управление от имени целесообразности должно дополняться математическим аппаратом, выявляющим конкретные параметры процесса, указывающим граничные условия и меру интенсивности управляющих воздействий. Однако упорядочивание структур выступает как взаимодействие, которое ни может иметь своего окончательного завершения. Вызов, стимул, ответ – известная формула, которая активно внедряется в процессы формообразования. Она должна быть дополнена акцентом на фактор отбора и его конструктивный потенциал, когда отбирать и претворять в жизнь должно нечто функционально и содержательно жизнеспособное. Проявлением «слабого звена» будет спровоцирован спонтанный поиск более устойчивых состояний. С точки зрения внутренней логики управленческого процесса одно из важных мест принадлежит актору – т.е. субъекту, принимающему решение, тому «мозговому центру», который возглавляет интеллектуальный поиск и берет на себя

ответственность за его завершение в той или иной форме. В его действиях можно усмотреть своеобразный тип причинения, который вбирает в себя мотивацию и внутренние установки, объединенные с системой ценностей. «Вложения усилий» зависит от иерархии потребностей и от руководящей идеи, на осмысление которой и направлена вся мощь философской рефлексии.

О СОЦИАЛЬНЫХ РИСКАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ NBIC-ТЕХНОЛОГИЙ

И.Е. Москалев

*(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва)*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика антропо-социальных проекций NBIC-технологий с точки зрения открывающихся возможностей для развития человека и общества, а также оценки социальных рисков, обусловленных высокой сложностью NBIC-конвергенции принципиальными ограничениями для управления.

Ключевые слова: NBIC-технологии, социальные риски, антропосоциальные проекции, социальные изменения.

ABOUT SOCIAL RISKS AND POSSIBILITIES OF DEVELOPMENT OF NBIC-TECHNOLOGIES

I.E. Moskalev

(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Abstract. The article discusses the problems of anthropo-social projection NBIC-technologies in terms of the opportunities for human and social development, as well as the assessment of social risks, caused by the high complexity of NBIC-convergence and principled limits to control.

Keywords: (NBIC-technologies, social risks, anthroposocial projections, social changes).

В контексте философско-методологического анализа конвергентных технологий особую значимость представляет исследование их антропо-социальных проекций с целью выявления новых возможностей для развития человека и общества, а также оценки социальных рисков [Асеева И.А., Буданов В.Г.]. Используя средовой подход, а именно, концепт «рефлексивно-активных» инновационных сред [Лепский В.Е.], предлагаю рассмотреть, прежде всего, те социально-организационные

изменения, которые сопряжены с наблюдаемым сегодня технологическим прогрессом.

Как точно отметил американский философ Р. Коллинз, знание не рождается в отдельных головах, а является социальным феноменом, и сама по себе структура организации социальной системы во многом определяет это знание. Человеку всегда было свойственно переносить свои функции в техническую сферу, а уже затем, через соответствующую, например, механистическую парадигму интерпретировать свое собственное поведение и выстраивать определенные социальные отношения. В результате такого подхода вначале XX века возник тейлоризм, как модель построения и управления достаточно сложными и технологичными социальными организациями (такими, как конвейер), что, в свою очередь, позволило рассмотреть труд отдельного человека с точки зрения его возможной оптимизации для решения задач массового поточного производства и свести деятельность работника к набору простых операций, выполняемых по жестким правилам. Эту эпоху сегодня обозначают термином Индустрия 1.0. В дальнейшем, с появлением кибернетики и информационных технологий социальные организации начинают проектировать и выстраивать в соответствии с логикой автоматизированных систем управления. Сборочные автоматы избавили человека от рутины, но превратили его в оператора-контролера, обслуживающего роботизированное производство – Индустрия 2.0. Следующий шаг был связан с развитием информационных сетевых технологий и появлением глобальной сети Интернет как пространства глобальных коммуникаций – Индустрия 3.0.

Сегодня, на пороге четвертой индустриальной революции с ее интеллектуальными инфраструктурами и интерфейсами [Чеклецов В.В.] новые образы сложности мы заимствуем из таких сфер как нанотехнологии, исследования биологических структур, информационные сети и проецируем их на социальные организации. Например, участники IT-стартапа, работая по методологии Agile, очень точно схватывают эти новые организационные метафоры и моделируют в себе (в своей социальной организации) подобного рода структуры. Таким образом, в современной IT-индустрии можно наблюдать применение технологий формирования творческих групп и команд, в которых ценится эффект синергии и формируются те условия, благодаря которым эта группа и команда эффективно работает. Ярким примером может служить Valve Corporation (американская компания – мировой лидер в сфере разработки компьютерных игр) – перевернувшая классические представления научного менеджмента об

административно-командных методах управления и впитавшая в себя принципы самоорганизации.

В наше время рефлексия этих технологий, осуществляющаяся в некоторых корпоративных социально-инновационных, «рефлексивно-активных» средах, позволяет достаточно функционально и технологично подходить к решению таких задач как построение организаций по образу и подобию адаптивной био-структуры или сети. Сегодня можно также услышать о живой организации (К. Мейер и С. Дэвис), фрактальной организации (А.И. Кочеткова) и даже квантовой организации. Эти метафоры оказываются весьма полезны в самых разнообразных социальных средах – от разработчиков программного обеспечения до воинских спецподразделений (И.Е. Москалев, А.М. Кистень).

Поскольку с развитием NBIC-технологий связано мощное высвобождение потенциала человека, то возникает вопрос о возможных глобальных последствиях его применения. К каким решениям будут готовы будущие поколения, выросшие в другой, информационно-технологичной среде? Каких людей формирует среда WEB 2.0, 3.0 и выше? Насколько иными будут их ценности, жизненные принципы, особенности поведения? Готово ли, в конце концов, человечество к новому технологическому укладу? Ведь уже сегодня наряду с социально-позитивными движениями в форме сетевых краудсорсинговых и краудфандинговых проектов существуют и различные формы современного варварства – от хакерских атак до экстремистских движений, активно использующих информационно-сетевые ресурсы. Социальные сообщества, плохо поддаются внешнему управлению, но способны спонтанно и достаточно сильно воздействовать на устоявшиеся социальные структуры. Все это свидетельствует о хрупкости нашего общества как усложняющейся системы. Можно согласиться с В.Е. Лепским в том, что «учитывая тенденции нарастания технологических угроз в XXI веке можно утверждать, что человечество не готово к разработке технологий шестого уклада и их широкому использованию. Если сегодня не поставить и не начать серьезно решать проблемы социогуманитарного обеспечения инновационного развития, то могут возникнуть необратимые асоциальные процессы» [Лепский В.Е.]. В этом смысле особую актуальность представляет предложение В.И. Аршинова о необходимости преодоления сугубо технократического рассмотрения конвергентных технологий и рассмотрения возможностей и угроз их развития через призму социогуманитарных технологий [Аршинов В.И.].

Человек и социум – это автопоэтическая система, воспроизводящая себя как целостность, что согласно авторам концепции «автопоэзиса» У.Матуране и Ф.Вареле, является главным отличительным свойством всего живого. Однако сегодня подобными характеристиками обладают так называемые кибер-физические системы (Интернет вещей, Умные Технологические Среда, технологии BigDataMining), в которых действуют механизмы антропо-социальной самоорганизации: саморефлексия, операциональная замкнутость. Сложность современных информационно-технических систем Индустрии 4.0 в определенном смысле начинает превосходить сложность человеческого мозга, деятельность которого обеспечивается функционированием большого числа непрерывно-взаимодействующих между собой элементов (10^{12} нервных клеток, имеющих порядка 10^{15} соединений), что сопоставимо с количественными показателями BigData, с их петабайтными объемами информации (Peta= 10^{15}). Поэтому, если по закону Р. Эшби субъект управления должен быть более сложен, чем его объект управления, то сегодня мы сталкиваемся с другой ситуацией, когда объект управления начинает превосходить своего создателя. А из этого следует риск потери управления и контроля над ситуацией.

Наблюдаемый парадокс сложности объекта управления (в частности, процесса NBIC-конвергенции) создает мощный вызов методам управления, сформировавшимся в условиях прежних научных парадигм, технологических укладов и индустрий.

Литература

1. *Асеева И.А., Буданов В.Г.* Философские и биоэтические аспекты развития новых конвергентных технологий как фактора трансформации среды обитания человека // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 3. С. 130-138.
2. *Лепский В.Е.* Исходные посылки становления социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве. Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2014. – 201 с. <http://www.reflexion.ru/Library/Book-2014a.pdf>
3. *Чеклецов В.В.* Динамические эмерджентные интерфейсы сложных социотехнических систем // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. № 1. С. 70-84.
4. *Аршинов В.И.* Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии материалы «круглого стола» // Вопросы философии 2015. http://vphil.ru/index.php?id=644&option=com_content&task=view
5. *Москалев И.Е.* Конвергентные технологии как фактор антропосоциальных изменений // Современное научно-техническое развитие и его

последствия: Проблемы адаптации социальных систем Сборник научных трудов. Сер. "Теория и история социологии" РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В., Москалев И.Е.. Москва, 2013. С. 189.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект №15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий».

ОПТИМУМ РЕФЛЕКСИВНОСТИ ПРИ РЕШЕНИИ СЛОЖНЫХ ПРОБЛЕМ

В.К. Солондаев, Ю.В. Четвертаков

(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, клиническая больница №3, г. Ярославль)

Аннотация. Показано, что уровень рефлексивности связан с отклонением психического состояния родителей ребенка-пациента от фона по закону оптимума. Выявленная связь интерпретируется как эмпирическое подтверждение дестабилизации субъекта в процессе рефлексии.

Ключевые слова: психическое состояние, рефлексия, решение сложных проблем, отношения врач-пациент.

REFLEXIVITY OPTIMUM IN THE SOLVING OF COMPLEX PROBLEMS

V.K. Solondaev, Y.V. Chetvertakov

(P.G. Demidov YSU, clinical hospital No. 3, Yaroslavl)

Abstract. In research established the optimum correlation between background-actual divergence of the mental state and reflexivity of the child-patient parents. This correlation represent empirical confirmation of the persons destabilization in reflection process.

Keywords: mental state, reflexion, complex problem solving, doctor-patient relationship.

В 2011 году нами было сформулировано теоретическое обоснование возможности отрицательного воздействия рефлексии на рефлексирующего субъекта [1]. Предложенное обоснование строилось в соответствии с аксиоматикой теории В.А. Лефевра [2]. На момент публикации статьи мы не располагали эмпирическим подтверждением негативных эффектов рефлексии. Позднее такие данные были получены. Их обсуждение – основная цель данной публикации.

Вначале необходимо кратко раскрыть логику эмпирического исследования негативных аспектов рефлексии. Рефлексия как процесс, несомненно, соотносима с субъектом и рефлексируемым содержанием. Поэтому возможность эмпирического обобщения эффектов разных субъектов, находящихся в различных, как минимум субъективно,

ситуациях вызывает существенные затруднения. В нашем исследовании эти затруднения преодолевались следующим образом. Испытуемым задавалось психологическое содержание ситуаций (обращение родителей за медицинской помощью для ребенка), в которой находится оцениваемый персонаж, без конкретизации деталей. Использовались описания четырех различных в психологическом плане ситуаций («позитивной», «негативной» и двух «амбивалентных»). Устойчивость «прочтения» описаний была подтверждена ранее проведенными нами исследованиями. Испытуемые оценивали психическое состояние «главного героя» (родитель) по методике «рельеф психического состояния» [3]. Далее оценивался уровень рефлексивности испытуемых по методике А.В. Карпова и В.В. Пономаревой [4]. Понимая неоднозначную связь рефлексивности как свойства и рефлексии как процесса, мы считаем, что сравнительно высокий уровень рефлексивности предполагает относительно высокую вероятность рефлексии конкретной ситуации и, при соответствующей статистической обработке, может служить эмпирическим индикатором ситуативной рефлексии. Эмпирическим индикатором негативного эффекта рефлексии – нарушения границ рефлексирующего субъекта (подробнее об этом см. [1]) стал сдвиг психического состояния в ситуации по отношению к фоновому состоянию субъекта.

Выборку составили 82 женщины, имеющих детей в возрасте от 7 до 12 лет. Уравнивание по полу детей, возрасту матерей не проводилось. На момент обследования все испытуемые оценивали своих детей как практически здоровых. Оценки испытуемыми ситуаций, описания которых предъявлялись в исследовании, позволяют говорить об устойчиво неадекватном понимании ситуаций с точки зрения медицины. Понимание ситуаций содержательно соответствует среднегрупповым оценкам состояния в них. Поскольку родительская позиция при обращении за медицинской помощью для ребенка априори должна отличаться от позиции медиков, у нас нет основания считать результаты экологически невалидными. А необходимость согласования позиций родителей (различных по целям и средствам достижения целей) позволяет отнести ситуации к сложным проблемам (complex problem) по нескольким широко применяемым критериям сложности.

Связь сдвига компонентов психического состояния по отношению к фоновому состоянию и уровня рефлексивности оценивалась в свободном статистическом программном пакете R по критерию Краскела-Уоллеса. Для всех компонентов состояния, выделяемых автором методики [3] установлены статистически значимые связи:

1. Сдвиг компонента психического состояния «психические процессы» связан с уровнем рефлексивности (Kruskal-Wallis chi-squared = 10.0, df = 3, p-value = 0.02)

2. Сдвиг компонента психического состояния «физиологические реакции» связан с уровнем рефлексивности (Kruskal-Wallis chi-squared = 9.0 df = 3, p-value = 0.02)

3. Сдвиг компонента психического состояния «переживания» связан с уровнем рефлексивности (Kruskal-Wallis chi-squared = 15.3, df = 3, p-value = 0.002)

4. Сдвиг компонента психического состояния «поведение» связан с уровнем рефлексивности (Kruskal-Wallis chi-squared = 22.0, df = 3, p-value = 6.4e-05)

Принципиально важным моментом является то, что максимальные сдвиги психического состояния по отношению к фону, свидетельствующие о переживании нарушения границ субъекта, во всех четырех ситуациях мы наблюдаем в двух группах – с минимальным и максимальным по выборке уровнем рефлексивности. А сдвиг психического состояния у испытуемых второго и третьего квартилей (средний уровень рефлексивности) минимален во всех ситуациях. Это позволяет говорить об U-образной зависимости сдвига психического состояния от рефлексивности.

До настоящего времени мы располагали лишь литературными данными, косвенно подтверждающими возможность негативных эффектов рефлексии «от обратного» - как отсутствие позитивного влияния высокой рефлексивности на продуктивность. Эмпирическое исследование негативных эффектов по понятным причинам затруднено. Их специальное создание неэтично, а фиксация спонтанно возникающих феноменов технически труднореализуема. Разработанная процедура предполагает проективную оценку (от лица другого, но на основе собственного опыта), что позволило исследовать негативные в ценностном смысле феномены – сдвиг психического состояния по отношению к привычному (фоновому) состоянию. Полученные результаты можно считать первым эмпирическим подтверждением отрицательных эффектов рефлексии, до настоящего времени обоснованных лишь теоретически.

Полученное обоснование, конечно, не является ни полным, ни исчерпывающим. Необходима дальнейшая проверка устойчивости установленной формы связи. Проверка с помощью разработанной методической схемы возможна как на различных выборках, так и на различном предметном содержании. Не менее значим вопрос критериев прогноза оптимума рефлексивности в различных группах и на различном предметном содержании. С точки зрения использования

рефлексивных подходов к поиску решения сложных проблем это - один из самых важных вопросов. Пока мы можем лишь предположить связь параметров искомого оптимума с характеристиками фонового психического состояния.

В заключение необходимо особо выделить важный для интерпретации эмпирической установленной связи момент. Поиск негативных эффектов рефлексии отнюдь не означает ее отрицательной ценностной оценки. Напротив, именно действенность рефлексии, подтвержденная многими данными возможность оказывать значительное психологическое воздействие, достигать позитивных результатов заставляет нас искать «побочные эффекты». Используя медицинскую метафору, можно сказать, что действенное лекарство именно в силу своей действенности имеет побочные эффекты. А тщательное изучение побочных эффектов позволяет с большей вероятностью избегать их, точно дозируя лекарство. Гипотетически предполагаемая пока возможность точно «дозировать» рефлексию субъекта, решающего сложные проблемы позволит избежать затруднений при использовании рефлексивных подходов, психологически их усовершенствовать, расширить круг возможного применения.

Литература

1. Солондаев В. К. Дестабилизация субъекта в процессе рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. 2011. № 1-2. Т. 11. С. 34-45.
2. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 218 с.
3. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 152 с.
4. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. № 5. Т. 24. С. 45-57.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-06-10641

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СЛОЖНОСТИ: ОТ МЕХАНИКИ К СИНЕРГЕТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ

В.П.Шалаев

(Поволжский технологический университет, Йошкар-Ола)

Аннотация. В статье исследуется проблема научной методологии управления в современной науке и практике. В качестве наиболее актуализированных вызовов управлению рассматриваются факторы глобализации, роста сложности, гиперсложности, и динамизма

современных общественных процессов. Сложность и гиперсложность, рассматриваются как решающие в понимании новых условий управленческой науки и практики. Констатируется назревшая необходимость перехода от доминирующей механической методологии к новой методологии познания и управления сложной и гиперсложной реальностью. В качестве одной из наиболее адекватных современным условиям парадигм управленческой науки обосновывается синергетический подход в обществознании.

Ключевые слова: сложность, гиперсложность, управление, синергетическое управление сложностью.

THE PERSON AND SOCIETY BEFORE COMPLEXITY CALLS: FROM MECHANICS TO SYNERGETICS

V.P.Shalaev

(Volga region state technological university, Ioshkar Ola)

Abstract. In article the problem of scientific methodology of management in a modern science and practice is investigated. As the most actual calls (difficulties) of management factors of globalisation, growth of complexity, hypercomplexity, and dynamism of modern public processes are considered. Complexity and hypercomplexity, are considered as solving in understanding of new conditions of an administrative science and practice. The ripened necessity of transition from dominating mechanical methodology to new methodology of knowledge and management of a difficult and hyperdifficult reality is ascertained. As one of the paradigms of an administrative science most adequate to modern conditions it is proved синергетический the approach in social science.

Keywords: management, complexity, hypercomplexity, bifurkation, synergetics, synergetics management of complexity.

Проблема управления все больше становится главной областью вложения интеллектуальных сил и энергии наций. Тому есть объективные причины. Современное общество и с точки зрения элементной базы, и с точки зрения процессов, в нем протекающих, все более можно назвать устремленным к сложности и даже гиперсложности. Т.е. не просто к сложности, но к сложности второго порядка, когда управление протекающими процессами все в меньшей степени оказывается возможным осуществлять на основе традиционных методов и приемов, в основе которых механические модели социальной реальности (например, опираясь на модель часового механизма).

Используя механическую модель, управление долгое время исходило из принципа механического детерминизма. Именно для моделирования социальной реальности и управления ею, субъекты

управления исходили из объекта управления как своеобразного механизма с внутренне однозначными причинно-следственными связями. Такого рода подход исходил из убежденности, что, зная начальное состояние и параметры функционирования и развития систем, можно без труда моделировать их последующее состояние, в том числе после осуществленного на них внешнего управляющего воздействия. Пока социальные системы были достаточно просты, такой подход оправдывал себя, хотя в основной своей сути он изначально не учитывал сложности управляемой социальной реальности, специфика которой в способности к самоорганизации, самодостраиванию, саморазвитии, самоуправлению, т.е. в наличии внутренних управляющих центров, достаточно автономных от среды [9].

Модель механического управления оправдывала себя, прежде всего, на ранних стадиях развития человеческого общества, в условиях общинных форм развития, и форм доминирования общественного над личным, центральным показателем которых был низкий уровень личных свобод людей, низкий уровень развития личности в обществе, слабая проявленность индивидуальности. Эти черты доминировали и в другие исторические эпохи развития человеческого общества (а значит и личности) – в эпоху господства рабовладельческих, феодальных отношений, если воспользоваться терминологией К.Маркса [5]. Тем самым подход этот объективен и обусловлен самим ходом социального развития человечества.

Но рост уровня проявленности личности, многообразия ее потребностей и интересов, ее индивидуальности, рост сложности связей и отношений людей в обществе (и с точки зрения количества этих связей и отношений, и с точки зрения их многообразия по формам), связанный с ростом сложности хозяйственно-экономической, политико-правовой, духовно-культурной, технико-технологической жизни общества, начиная с эпохи Возрождения и Нового времени. Все это принципиально изменило социальные объекты управления в системе «Человек – Человек» и сопряженные с ними многообразные комплексные объекты в системах «Человек – Техника», «Человек – Природа». Яркими примерами сложившихся гиперсистем являются сложные технические системы и технологические цепочки в энергетике, электронике, военном деле, но также и в области сугубо человеческих сферах – в системе мировоззренческих, информационных, рекламных процессов, в области потребления материальных и духовных благ, в области префигурации межпоколенных отношения [15]. Здесь, также, имеет место и тема столкновения цивилизаций, в их борьбе за лучшее место

под солнцем, через борьбу за новые природные и человеческие ресурсы, в том числе [8] и др. Отличительная особенность этих процессов – гиперсложность и гипертрофированность в развитии одних сфер за счет других и в то же время все возрастающая взаимозависимость этих сфер, лежащих в их основе связей и отношений друг с другом, не по принципу механической связи, а по принципу гиперсвязи, когда какое либо малое и незначительное событие или влияние может привести к катастрофическим последствиям для всей гиперсистемы, чувствительность которой к этим воздействиям растет пропорционально сложности ее внутренних и внешних связей, или гиперсвязей.

Что же такое гиперсвязь? Гиперсвязь – это всеобщая связь всех элементов и процессов сложной системы, образующая собой сверхсложную систему взаимозависимостей, когда функционирование системы необязательно зависит от санкционированного системой изменения своих параметров. Но в гораздо большей степени зависит от малых, несанкционированных субъектом управления, не учитываемых им факторов, в том числе, на первый взгляд, сверхмалых по своему потенциалу, но способных в гиперсложной среде осуществить настоящую революцию, взрыв. Путем индуктивных связей, способных повлиять на генеральную направленность развития этой системы и сами фундаментальные основы ее существования. В этом статусе могут оказаться и положительно, и отрицательно ориентированные, с точки зрения фундаментальных целей, системы, факторы. Тем важнее для человека научиться их описывать, делать проявленными, просчитываемыми и управляемыми [9;10;11;12; 13].

Цель распознавания и управления такими сверхмалыми социальными факторами вдвойне фундаментальна, ведь один из таких неконтролируемых «социальных микровирусов» способен разрушать не только целые сектора экономики и государства, но и стереть с лица планеты человечество и все живое, но может быть и планету в целом, если не упускать из виду того значительного разрушительного потенциала, которым оказался оснащен человек к началу XXI столетия. Только это может гарантировать различным обществам и человечеству целом хотя бы отдалять или смягчать те разрушительные последствия, что испытывает сегодня, например, сложная информационная сеть мира, под влиянием, например, ИНТЕРНЕТ. Поразительно, но ИНТЕРНЕТ, как вершина научно-технической мысли есть и высший показатель того, что нас может ждать, если речь будет идти уже не о потоках информации, но непосредственным образом взаимосвязанных с ними сверхсложных

практических процессах (например, в области энергетики, в том числе атомной, химической промышленности, водоснабжении, автомобильной промышленности и самолетостроении, в области атомного, бактериологического и химического оружия и др.).

Без сомнения, гиперсложному обществу должна соответствовать специальная система управления, способная эту гиперсложность и связанные с ней нарастающие риски жизни человека контролировать, не допуская экспоненциального роста катастроф. Чрезвычайно перспективным направлением обретения этой новой системы управления сложностью, адекватный методологический инструментарий теоретического описания и конкретные подходы управления гиперсложными социальными объектами, по нашему мнению, способна синергетика, как наука о сложных системах. Вобрав в себя философское целеполагание, стремление системного описания бытия, синергетика с позиций актуализированного общенаучного знания (представленного языком и образами тектологии А.Богданова [2], общей теории систем Л. Фон Берталанфи [1], теории универсального эволюционизма Н.Н.Моисеева [6], кибернетики Н.Винера и др.) [9], оказалась способна сформулировать ряд фундаментальных целей и методологически растящих горизонты и глубину научного понимания мира, человека и общества образов. Это позволяет говорить о синергетике как о комплиментарном нашему времени научном феномене [9]. Ярким воплощением социальной составляющей синергетики стала социальная синергетика, первые шаги которой в российском социально-гуманитарном знании были представлены трудами С.П.Курдюмова, Е.И.Князевой [4], а также, например, А.Венгерова, который в постсоветское время сформулировал вопрос об акупунктурном управлении сложностью [3]. На западе, различными аспектами этой темы активно занимались, например, И.Пригожиным, И.Стенгерс [7].

Вместе с тем, если и ставить вопрос о решении проблемы гиперсложности, то ставить его надо, прежде всего, в направлении изменения самого человека. Но вопрос изменения человека, изменения его отношений с окружающим миром и природным и социальным, по определению являющихся сложными, пока остается открытым. Вхождение синергетики и синергетического мировидения в теорию и практику человеческой жизни, в том числе в систему управления, нам представляется в качестве своеобразной нравственной и интеллектуальной революции, способной на новом уровне открыть человеку мир и свое место в нем. В этом смысле, это переход к новому типу рациональности, где не человек в центре

мира, но человек в нем, как его малая часть. Готов ли человек к этой революции? Вопрос открытый.

Имея своей изначальной целью «переоткрытие» ряда важнейших специфических свойств реальности (сложности, фрактальности, порядка и хаоса, переоткрытие времени, роли случайного, малой флуктуации, бифуркационности, открытости и других актуализированных свойств реальности), синергетика невольно стала участником рефлексии современного научного и философского знания, вошла в область их проблематики. Она поставила вопросы места и роли, возможностей и судьбы человека в открытом им сложном мире, через призму проблем современности, по долгу научного познания, а не с точки зрения конкуренции с философией [9;10;11;12;13]. Она коснулась философского знания (в том числе и прикладного) и, его проблематики, но коснулась объективно, в сущности как давно назревшая потребность этого знания в интересах его собственного развития, путем обогащения со стороны наук, а не в целях его уничтожения. Синергетика и общество идут на встречу друг другу. И эта встреча есть показатель актуализации и востребованности синергетики «здесь и сейчас» и в научном, и в практическом отношении, и в понимании и в решении назревших фундаментальных противоречий человеческого рода, даже вопреки нарастающей энтропии [14].

Литература

1. *Берталанфи Л.фон.* Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем.-М.: Прогресс,1969.-С.23-82.
2. *Богданов А.А.* Тектология (всеобщая организационная наука). В 2-х кн.- М.: Экономика, 1989.
3. *Венгеров А.Б.* Синергетика и политика //Общественные науки и современность.-1993.-№4.-С.55-69.
4. *Князева Е..Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным // Вопросы философии.-1992.-N12.- С.3-20.
5. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859гг.//Маркс К., Энгельс Ф.Соч.-Изд.2-е.-Т.46.Ч.1.
6. *Моисеев Н.Н.* Пути к созиданию.- М.: Республика.- 1992.-256с.
7. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса.-М.:Прогресс,1986.-432с.
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций?//Полис.-1994.-№1.-С.33-49.
9. *Шалаев В.П.* Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. – 184с.
10. *Шалаев В.П.* Синергетика социального управления: учебное пособие.- Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005.-260с.

11. *Шалаев В.П.* Синергетика в пространстве философских проблем современности. Монография. - Йошкар-Ола: ПГТУ, 2009.- 360с.
12. *Шалаев В.П.* Социальный смысл системно-синергетической парадигмы: научное издание - Йошкар-Ола: МарГТУ, 1997.-176с.
13. *Шалаев В.П.* Человек и общество в глобализированном мире: вызовы, метаморфозы, перспективы.- Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015.-288с.
14. *Шалаев В.П.* Конфликтология и синергетика перед вызовами современности: на путях методологического диалога и адекватного управления // Конфликтология.-2009.-N2.-С.7-19.
15. *Шалаева С.Л.* Мир детства и мир взрослых перед вызовами глобализации // Регионология.-2009.-N2.-С.258-263.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ ИННОВАЦИОННЫХ СРЕД (РЕФЛЕКСИЯ ОПЫТА, РЕАЛИЙ И БУДУЩЕГО)

АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

В.Е. Лепский (Институт философии РАН)

Аннотация. Представлен философско-методологический анализ моделей инновационного развития, проведена оценка отдельных стратегических документов и проектов, определяющих современное состояние и перспективы инновационного развития России.

Ключевые слова: инновационное развитие, стратегия, методология, философия науки и техники, научная рациональность, саморазвивающиеся инновационные среды, целостность.

THE ANALYSIS OF MODELS INNOVATIVE DEVELOPMENT IN RUSSIA

V.E.Lepskiy (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. The philosophical and methodological analysis of models of innovative development is presented, the assessment of separate strategic documents and the projects defining a state of the art and prospects of innovative development of Russia is lead.

Keywords: innovative development, methodology, philosophy of a science and technics, the scientific rationality, spontaneous innovative environments, integrity.

Введение. Более десяти лет руководство страны обращается с призывами к широким слоям представителей общества, бизнеса и государства перейти на инновационный путь развития, выделяя при этом солидные финансовые средства на такое развитие. Выбора у страны нет. Без инновационного развития – путь в пропасть. Только на его основе Россия может обеспечить экономический рост, конкурентоспособность, безопасность, достойное качество жизни населения, стать одним из мировых лидеров.

Однако инновационное развитие топчется на месте, а успехи заметны лишь на бумаге. Значит призывов недостаточно и дело не в деньгах, а в чем-то другом. Одна из важнейших причин неадекватность концептуального обеспечения организации инновационного развития, которая проявляется в ориентации на инерционный и догоняющий сценарии, в доминировании коммерческого подхода, в развале науки и образования, во многих других неадекватных развитию деяниях.

В докладе предпринята попытка провести философско-методологический анализ базовых моделей инновационного развития и на его основе провести оценку отдельных стратегических документов и проектов, определяющих современное состояние инновационного развития России, а также рассмотреть перспективные направления совершенствования механизмов инновационного развития.

Научная рациональность и модели инновационного развития. В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В.С.Степину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в моделях инновационного развития. Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Эти периоды правомерно рассматривать как революции, которые могут приводить к изменению типа научной рациональности. Три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой одного из трех типов научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это – *классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональности* [1].

Таблица 1.

Базовые аспекты философско-методологического анализа моделей инновационного развития

Тип научной Рациональности	Базовая парадигма управления инновационным развитием	Базовые объекты управления и виды активности субъектов	Базовые научные подходы	Доминирующие этики сборки субъектов инновационного развития	Модели инновационного развития
Классическая	«Субъект – Объект»	Сложные системы Деятельностная активность	Деятельностный Монодисциплинарный	Этики целей	Функциональные Линейные
Неклассическая	«Субъект – Субъект»	Активные системы Коммуникативная активность	Субъектно-деятельностный Междисциплинарный	Коммуникативные этики	Нелинейные
Постнеклассическая	«Субъект – Метасубъект» «Саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды»	Саморазвивающиеся среды Рефлексивная активность	Субъектно-ориентированный Трансдисциплинарный	Этики стратегических субъектов	Саморазвивающиеся инновационные среды

В Таблице 1 с позиций трех типов научной рациональности выделены основные модели инновационного развития и характерные для них парадигмы, научные подходы и механизмы.

Заданные базовые аспекты рассмотрения, на наш взгляд, позволяют отразить наиболее существенные особенности моделей инновационного развития.

Функциональные модели инновационного развития. Функциональный подход базируется на методах функциональной и структурно-функциональной аналогии. Он получил широкое распространение при проектировании различных типов систем, в том числе и инновационного развития. Функциональный подход адекватен специфике классической научной рациональности, парадигме “субъект – объект” и деятельностному подходу.

Функциональные модели инновационного развития обладают богатым разнообразием реализации в различных странах мирового сообщества (например, “евроатлантическая”, “азиатская”, “альтернативная”). Тем не менее, можно выделить основные функциональные блоки, в той или иной степени, присутствующие в различных типах моделях: креативный, трансфера технологий, финансирования, производства, подготовки кадров.

На основе функционального подхода были заданы ключевые функции национальной инновационной системы /НИС/, которые и нашли в значительной степени свое отражение в базовых российских концептуальных документах [2]. Почему функциональный подход получил широкое распространение и оказался вполне эффективным в ряде стран, а в России, создаваемая на его основе НИС топчется на месте? Потому, что по своей сути функциональный подход является нормативным и не учитывает специфику сложившейся в России ситуации. Специфика ситуации в контексте инновационного развития может быть охарактеризована следующими особенностями: бессубъектность развития; деиндустриализация; развал науки и образования; развал системы управления наукой и технологиями и Институтов генеральных конструкторов; отсутствие доверия в треугольнике «государство – бизнес – общество» и др.

Для создания эффективной НИС в России необходимы другие модели инновационного развития, учитывающие специфику сложившейся ситуации.

Линейные модели инновационного развития. Согласно линейной модели инноваций фундаментальная идея воплощается в прикладных исследованиях. Последние служат основой инноваций, в результате реализации которых возникают передовые технологии: чем больше

фундаментальных исследований, тем больше и прикладных, тем больше инноваций и “внедряемых” передовых технологий.

Эта модель, во многом реализовавшаяся в рамках государственного управления во времена военной фазы развития науки и техники (как в США, так и в СССР), последние 30-40 лет не является доминирующей в гражданской экономике промышленно развитых стран. Принципиальный ее недостаток – ограниченные связи и недоиспользование активности участников инновационных процессов, отсутствие качественных решений проблемы конвергенции технологий [3].

Нелинейные модели инновационного развития. Это “модели множественных источников инноваций”, инновации могут возникать в любой части инновационной системы. Хотя научные исследования остаются важной движущей силой инноваций, они не являются единственной силой. В этой связи необходимо пересмотреть традиционную роль научно-исследовательских организаций.

Новые знания создаются не только в государственных исследовательских организациях или в исследовательских подразделениях компаний, но и во всей экономической системе. Важным вкладом в инновационный процесс служит новый повседневный опыт и деятельность инженеров, торговых агентов, прочих наемных работников, равно как и потребителей.

Более того, инновационный процесс не ограничивается только сферой технологии, но и включает институциональные, организационные и управленческие инновации.

Эта модель предусматривает тесную взаимозависимость всех элементов и ориентацию инноваций на спрос. Инновационные процессы и системы развиваются под влиянием национальных особенностей экономического и социально-политического развития страны; динамичные инновационные системы постоянно адаптируются и трансформируются в соответствии с появлением новых возможностей. Все большее внимание уделяется *формам и интенсивности* взаимодействия между главными элементами (или акторами) НИС. Модель множественных источников инноваций ориентирована на механизм развития с максимальным учетом разнообразия этих элементов через создание условий для их творческого взаимодействия.

Нелинейные модели адекватны неклассической научной рациональности: парадигме «субъект – субъект», субъектно-деятельностному подходу, учету коммуникативной активности, сетевому подходу и коммуникативной этике для сборки субъектов инновационного развития.

Саморазвивающиеся инновационные среды. Методология саморазвивающихся инновационных сред адекватно положениям постнеклассической научной рациональности [4].

Для понимания специфики обеспечения целостности саморазвивающихся инновационных сред важно рассмотрение понятия *стратегический субъект*. Будем называть *стратегическим субъектом* – субъекта, включенного в какого-либо метасубъекта (семья, группа, организация, страна и др.), идентифицирующего себя с этим метасубъектом и регулирующего свою активность (деятельностную, коммуникативную, рефлексивную) с учетом ее влияния на метасубъекта.

В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается *этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред*, ориентированная и на проблему сохранения целостности субъектов и их сборку [5].

Методологические основы организации саморазвивающихся инновационных сред представлены в монографии “Рефлексивно-активные среды инновационного развития” [4].

Интернальные и экстернальные модели инновационного развития. В философии науки выделяется два направления ее развития: интернальное и экстернальное. Которые соответствуют различным источникам инициации развития (внутринаучным и внешним). Аналогичный подход может быть применим и к анализу инновационного развития. Мы предлагаем выделять интернальные и экстернальные модели инновационного развития.

Для интернальных моделей инновационного развития инициатором и творцом новаций и их воплощения в практику выступает единый субъект (инноватор).

Можно выделить два вида экстернальных моделей инновационного развития:

- *заказные*, в которых Заказчик в своих интересах формулирует заказ на новацию или инновацию, а создатель (новатор или инноватор) принимает на себя обязательства и выполняет заказ, в случае заказа на новацию Заказчик сам доводит ее до инновации;
- *рыночные (бизнес-проекты)*, в которых творец новаций создает идеи или лабораторные образцы, а некто посредник предлагает услуги по доведению новации до конкурентоспособной рыночной продукции.

Следует отметить, что заказные модели могут быть и рыночными (например, технологии двойного назначения).

Анализ отдельных стратегий и проектов инновационного развития в России. На основе выделенных типов моделей инновационного развития проведем анализ отдельных проектов и стратегий инновационного развития в России:

- Стратегия инновационного развития 2020;
- грантовая поддержка научных исследований;
- проект “Сколково”;
- Институт Генеральных конструкторов ВПК СССР.

Обобщенные данные приведены в Таблице 2.

Таблица 2.

Обобщенные данные анализ отдельных стратегий и проектов инновационного развития в России

Стратегии и проекты инновационного развития	Классическая научная рациональность		Неклассическая научная рациональность	Постнеклассическая научная рациональность	Инициаторы развития		
	Функциональная модель	Линейная модель	Нелинейная модель	Модель саморазвивающихся сред	Интернальные модели	Экстернальные модели	
						Заказные	Рыночные
Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года	+		++		++		+++
Проект “Сколково”	+		++		++		+++
Грантовая поддержка научных исследований			+		++		
Институт Генеральных конструкторов ВПК СССР	+++	+++	++	+	+	+++	+

Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Целью Стратегии является перевод к 2020 году экономики России на инновационный путь развития [6]. Она созвучна известному призыву к удвоению ВВП. На инновационный путь развития можно перевести в интересах развития своей страны, ее экономики, обороноспособности, повышения благосостояния граждан, а можно перевести с ведущей ориентацией на рыночную экономику, которая может способствовать интересам зарубежных экономик и национальных стратегий других стран. Где критерии, где адекватные механизмы? Ответы на эти вопросы в Стратегии отсутствуют.

Стратегию можно охарактеризовать как рыночную, с доминирующей ориентацией на коммерциализацию инноваций. Фактически это

укрупненный до масштабов страны вариант стратегии фонда “Сколково”.

В Стратегии описано развитие многочисленных инструментов способствующих поддержке инноваций, но отсутствуют механизмы обеспечения целостности инновационного развития. В Стратегии утверждается, что главным инструментом обеспечения координации станет механизм обмена информацией о перспективных инновационных проектах между государственными органами и организациями, финансирующими стадию исследований и разработок, и созданными государством институтами. Это иллюзии, которые были развеяны не сбывшимися надеждами на высокую эффективность технопарков, кластеров, технологических платформ. Механизм обмена информацией не будет работать в условиях отсутствия Института Заказчиков развития и установления доверия между государством, бизнесом и обществом. В Стратегии упоминается важнейшая проблема формирования инновационных сред, однако ее решение сводится к монитарному подходу, организации финансовых структур и не соответствует современной научной трактовке этой проблемы. Единственным Заказчиком инновационного развития в Стратегии выступает рынок.

В целом следует отметить, что Стратегия не содержит убедительных аргументов для становления России на путь инновационного развития в интересах сохранения ее суверенитета и процветания.

Проект “Сколково”. Проект “Сколково”, претендуя быть стратегическим институтом развития, не ориентирован на учет важнейшей современной мировой тенденции смещения акцентов конкуренции из материальной сферы в нематериальную: соревнование идей, проектов и схем развития, социальных и организационных технологий, методов воздействия на сознание, наращивания человеческого капитала и т.д. Стоит обратить внимание, что реализация проекта такого масштаба должна сопровождаться адекватной мировоззренческой составляющей, ориентированной на обеспечение проектной идентификации общества.

Этот проект ориентирован на коммерциализацию инноваций, с широким участием международных компаний, в конечные продукты которых в основном и пойдут инновации. А деградирующая российская экономика оказывается не готовой к их освоению. О чем свидетельствует развал авиастроения, автомобилестроения и многих других отраслей народного хозяйства.

Основные направления критики проекта “Сколково”:

– Приоритетные направления инновационного развития должны быть неразрывно связаны со стратегическими ориентирами российского развития.

– Стратегических партнеров по развитию высоких технологий надо в первую очередь искать среди тех, кто встает на путь развития и действительно заинтересован в сотрудничестве, а не среди тех, кто заинтересован в организации «откачки» отечественных идей, а также в одностороннем использовании нашей страны как рынка сбыта своих продуктов.

– Ориентация исключительно на технические инновации, игнорируя социальные инновации, без которых не удастся перевести страну на инновационный курс развития.

– Недооценка мирового опыта создания подобного рода проектов.

– Недостаточное внимание к мнению отечественных специалистов по инновационному развитию и общества в целом.

– Недооценка человеческого фактора в создании сред инновационного развития, иллюзии, что деньги и условия работы решают все.

– Игнорирование средового подхода к инновационному развитию, попытка создать инновационный рай в отдельной лакуне.

– Недостаточная прозрачность для общества финансовых потоков, как основания делать выводы о потенциальном нецелевом использовании бюджетных ресурсов.

Возможно, критика не всегда и не в полном объеме справедлива, но она имеет место и ее игнорирование это отказ от потенциального развития [7].

Грантовая поддержка с ориентацией на приоритетные направления развития. Грантовая поддержка научных исследований и особенно фундаментальных, безусловно, важна для выживания науки. Она стимулирует внутренние (интернальные) механизмы развития. Вместе с тем в ней отсутствует экстернальные механизмы развития, отсутствует Институт заказчиков инновационного развития, отсутствуют заинтересованные потребители полученных знаний. Можно привести разнообразные примеры Заказчиков научных исследований в СССР, которые в интересах конкретных разработок стимулировали, направляли и координировали научные исследования: Государственный комитет по науке и технике, Секция прикладных проблем АН СССР, Научно-исследовательские институты и др.

Институт Генеральных конструкторов ВПК СССР. С развалом СССР был развален Институт Генеральных конструкторов ВПК, который обеспечил передовые мировые позиции стране в целом ряде

стратегических направлений научно-технического развития (космос, вооружение, атомная энергетика и др.). Этот Институт не вписывался в неолиберальную идеологию, и его культура была заменена рыночной ориентацией. Возникшие в последние годы внешние угрозы национальной безопасности России заставили вспомнить о культуре Института Генеральных конструкторов, которые начинают возрождаться в системе ОПК страны.

Типовая модель Института Генеральных конструкторов в ВПК СССР базировалась на ряде базовых черт отечественной культуры того времени.

Основными системообразующими и мотивирующими факторами выступали:

1). Социально значимый проект. Цель быть первыми, сделать лучше всех, цель от которой зависит судьба страны, а значит и твоих ближних. Эту цель принимали как высоко значимую для себя многие сотрудники предприятий, собственно через это и осуществлялась проектная идентификация всех сотрудников в целом и их высокая мотивация. Указанная цель была вызовом для креативных специалистов, наполняла смыслом их жизнь.

2) Образ генерального конструктора (группы главных конструкторов) как эталон субъекта, самозабвенно преданного делу и способного повести за собой коллектив предприятия. На этом также основывалась идентификация сотрудников с предприятием, а через него и со страной в целом.

Наряду с этими определяющими факторами грамотно создавались обеспечивающие системы:

– планирования и контроля (персональная ответственность на всех уровнях, строжайшая приемка изделий с государственными испытаниями, моральное и материальное стимулирование успешных разработок и др.);

– непрерывного обучения и повышения квалификации (базовые кафедры в ведущих высших учебных заведениях, плановое обучение “на рабочих местах” и др.);

– персонального и коллективного информационного обеспечения ведущих специалистов (и без Интернета они были очень высокого качества);

– научно-методического обеспечения разработок (подключение на договорной основе ведущих институтов страны, включая институты АН СССР, создание совместных научных подразделений с институтами АН СССР и ведущими вузами, создание научных координирующих структур при Президиуме АН СССР, ведомственных и межведомственных, организация регулярных Всесоюзных научных

конференций, семинаров, совещаний в интересах разработок, активная работа научно-технических обществ и др.)

Достаточно высокая рефлексивность системы обеспечивалась не за счет распределенной рефлексии, а за счет высоких способностей Генерального и главных конструкторов, а также создания при них креативных штабов, в разных формах – теоретические отделы, доверенные лица (с подразделениями) по различным направлениям, структуры внешних экспертов и т.п. Профессиональные интересы Генеральных и главных конструкторов далеко выходили за круг технических вопросов. Как правило, в тесном контакте с руководителями были ведущие в стране специалисты по человеческому фактору. В круг обязанностей этих специалистов входил широкий спектр социогуманитарных проблем, они же возглавляли ведущие в стране лаборатории, для которых не существовали межотраслевые барьеры.

Это были образцы сред инновационного развития со своими преимуществами и недостатками; они были адекватны для тех условий страны. До сих пор многие разработки отечественного ВПК остаются лучшими в мире, а новые, выдерживающие мировую конкуренцию, пока создать не удастся. Образцы институтов Генеральных конструкторов “один к одному” перенести в реалии современной России невозможно, однако проанализировать и учесть позитивные стороны опыта, было бы крайне полезно для перевода страны на инновационный курс развития и создания современных сред инновационного развития.

Заключение. Выделенные на основе философско-методологического анализа базовые модели инновационного развития позволили сформировать проекции для оценки отдельных стратегических документов и проектов, определяющих современное состояние инновационного развития России.

Обобщенная оценка рассмотренных подходов может быть сформулирована как доминирующая ориентация на “рыночное инновационное развитие”, на коммерциализацию инноваций, с широким участием международных компаний, в конечные продукты которых в основном и пойдут инновации. А деградирующая российская экономика оказывается не готовой к их освоению. О чем свидетельствует развал авиастроения, автомобилестроения и многих других отраслей народного хозяйства. Основная причина, на наш взгляд, связана с сильным влиянием неолиберальной идеологии на формирование стратегий инновационного развития, несмотря на отсутствие поддержки этой идеологии большей частью российского общества.

Перспективными механизмами инновационного подъема страны могли бы стать комбинации моделей. При этом большое внимание должно быть уделено Институтам Генеральных конструкторов, обеспечившие в свое время лидерские мировые позиции страны в ряде направлений разработки высокотехнологичной продукции.

Литература

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744с.
2. Национальные инновационные системы в России и ЕС. М.: ЦИПРАН РАН, 2006. С.65.
3. *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр 2009. 208с.
<http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2009s.pdf>
4. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 280 с.
5. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН. 2010. – 271 с.
6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г., NQ 2227-р, Москва.
7. *Лепский В.Е., Наумов С.А.* Проект “Сколково”: социогуманитарные аспекты развития // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VIII Международного симпозиума 18-19 октября 2011 г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского. М.: Когито-Центр, 2011. С. 157-160.
<http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic2011.pdf>

ИННОВАЦИОННАЯ ЭТИКА

В.Э. Войцехович

(Тверской государственной университет, г. Тверь)

Аннотация. В инновационном процессе происходит столкновение нового и старого, порядка и хаоса, науки и бизнеса. Возникает специфическая инновационная этика, являющаяся разновидностью профессиональной этики (биоэтики, судебной этики и т.п.). Инновационная этика – частный случай категорического императива И. Канта, функционирующего в профессиональном сообществе учёных, бизнесменов, чиновников, юристов.

Ключевые слова: инновация, этика, категорический императив

INNOVATION ETHICS

V. E. Voytsekhovich (Tver state University, Tver, Russia)

Abstract. In the innovation process is a collision of old and new, order and chaos, science and business. There is a specific innovation ethics. It is a kind of

professional ethics (bioethics, lawyer ethics, etc.). Innovative ethics is a special case of the categorical imperative of Kant, functioning in the professional community of scientists, businessmen, government officials, lawyers.

Keywords: innovation, ethics, categorical imperative

Инновационный процесс (в широком смысле, схематически, социально-психической точки зрения) – это продолжительный процесс взаимодействия многих субъектов, при котором происходят 1) открытие *нового знания*, которое производят учёный (изобретатель), 2) создание *новой технологии* с целью производства нового предмета или услуги, чем занят обычно изобретатель, конструктор, 3) создание *новой техники* (дело инженера), 4) изучение рынка (маркетолог), 5) производство *нового товара* (бизнесмен), 6) его реализация на рынке (продавец) 7) получение прибыли, превращение процесса в рентабельный, накопление капитала, его вложение в открытие новой идеи и т.д. В инновационном процессе участвуют учёные, изобретатели, инженеры, чиновники, банкиры, бизнесмены, инвесторы, маркетологи, экономисты, юристы, специалисты по логистике и т.п. Но главными «актёрами» в драме людей, окружённых круговертью идей, вещей, денег, страстей, являются *новатор* (учёный, изобретатель - открыватели идей, вносящих новый порядок) и *бизнесмен* (банкир, инвестор – носители денег как социальной энергии, выражающей хаос).

На философском уровне это синергетическое взаимодействие *порядка и хаоса* на фоне систем, сетей, сред. Ведущую, активную роль играет новатор, а вторичную, более пассивную роль – бизнесмен. Все участники драмы – разумные субъекты (люди и их группы – «собранные» субъекты). *Главным противоречием инновационного процесса* (с философской точки зрения) является борьба между движением и покоем, новым и старым, между *инновацией*, изменяющей социум, и *этикой*, сохраняющей нравственные запреты в обществе. Отсюда необходимость новой теории - инновационной этики (ИЭ). На конкретно-практическом уровне это совокупность специфических этических вопросов, возникающих в инновационной деятельности. ИЭ есть разновидность профессиональной этики – этики сообщества учёных, изобретателей, чиновников, предпринимателей, банкиров, экономистов, юристов. Но как и любая частная этика ИЭ является конкретизацией категорического императива И.Канта и золотого правила нравственности (его частного случая, работающего в данном сообществе).

Каково место ИЭ среди учений, систем, уровней этической мысли, других профессиональных этик?

Поле этики (учения, понятия, образы, принципы, системы ...) можно упорядочить (классифицировать) по степени общности знания – от Высшего к низшему, от наиболее общего к частному.

1) Высший уровень этического знания – понятие-образ **«Абсолютное Добро»**. Такие великие мыслители как Сократ, И. Кант, Г. Гегель, В.С. Соловьёв признают это понятие (в том или ином варианте) и считают, что Высшее Добро как проявление Абсолюта существует. В то же время представители философского эмпиризма, материализма, атеизма, скептицизма, негативизма, релятивизма отвергают его. Здесь ИЭ может проявляться лишь косвенно: *открытие новых идей и их реализация в практике может (и должна – по Канту) способствовать движению человека и общества к Абсолюту*, т.е. помочь духовному совершенствованию, восхождению к Высшему.

2) **Категорический императив И. Канта**. В ИЭ он означает: *поступай так, чтобы твоя инновация имела общий смысл, была частным выражением всеобщего закона*, способствовала духовному развитию общества любых разумных существ. Поэтому не всякая инновация этична. Некоторые безнравственны и способствуют уничтожению рода человеческого.

3) **Общечеловеческая этика**: *инновация должна способствовать нравственному совершенствованию homosapiens* – духовному (развитию свободы, творчества, любви, добра, красоты ...), психическому (эмоциональному, интеллектуальному, волевому ...) и даже телесному. Предлагаемый вариант из 4-х основных этических систем (утилитаризм, гедонизм, перфекционизм, альтруизм) выделяет утилитаризм и перфекционизм.

4) **Национальная этика**: *инновация должна усиливать жизнеспособность народа, нации, развивать их высшие (духовно-нравственные) свойства*, т.е., например, *реализовать категорический императив и золотое правило нравственности* относительно нации как разумного существа (поступай так, как хочешь, чтобы поступали и с тобой). Национальная этика тесно связана с конкретной религией – как мировой (буддизм, христианство, ислам), так и более узкой, локальной, национальной (иудаизм, шаманизм, бон, индуизм, огнепоклонничество и тысячи других).

5) **Профессиональная этика** (медицинская, биоэтика, педагогическая, научная, судебная, политическая, предпринимательская ...): *инновация должна способствовать реализации золотого правила нравственности* в данном профессиональном сообществе. Сюда же относится ИЭ как этика инновационного (в основном научно-предпринимательского) сообщества.

По мере снижения уровня общности этического знания (от 1 до 5-го) происходит переход от единого (для всех) и единственного понимания

Добра (уровень 1) ко всё более многообразным смыслам, так что на уровне наций и профессий (4-й и 5-й уровни) существуют уже тысячи различных этик. Нравственность становится ещё более многообразной при дальнейшем «спуске» - переходе к этикету, к традициям и т.п.

Как и в любой профессиональной этике в ИЭ возникают специфические вопросы, противоречия, возникающие в практике инновационной деятельности, которые несут на себе как глобальный, так и национальный аспекты (особенно это видно в России). Все нравственные вопросы ИЭ погружены и зависят от общечеловеческой этики (требования блага, добра, совести, порядочности, осуждение лжи, обмана, полуправды, замалчивания ...) и культурно-исторических традиций социума. Это нравственные проблемы в отношениях «учёный - бизнесмен», или «теоретик - практик», «наука - власть», а также «творец (изобретатель) – начальник (управленец, распорядитель)». В более глубоком, философском смысле это понятийные пары «цель - энергия», «идея - вещь», «порядок - хаос» и т.п.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ.
«Философско-методологические основания и специфика
социогуманитарного проектирования инновационных инфраструктур на
Евразийском пространстве». Проект № 14-23-01013.*

РЕФЛЕКСИВНО-ПРОАКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Р.М.Гайнутдинов (Институт развития образования, г. Ярославль)

Аннотация. В статье обосновывается значимость и место рефлексивности в формировании проактивного характера управления и развитии современной организации.

Ключевые слова: рефлексия; проактивное управление; инновационное развитие; полисубъект.

REFLEXIVE-PROACTIVE CONTROL AS THE CONDITION OF INNOVATIVE DEVELOPMENT THE MODERN ORGANIZATION

R. Gainudinov (Institute of development of education, Yaroslavl)

Abstract. The article explains the importance and the place of reflexivity in the formation of proactive management and development of the modern organization.

Keywords: reflection; proactive management; innovative development; presubject.

Понятие рефлексии своими корнями уходит во времена древнегреческих философских школ, начиная с Сократа, который рассматривал ее как самопознание. Платон раскрывает рефлексию как познание, которое не имеет никакого другого предмета, кроме самого себя. Это явление традиционно рассматривалось во многих философских концепциях как одна из главных функций мыслительной деятельности, позволяющая «слиться» с объектом чувственного восприятия и приблизиться к истине.

Начиная с Декарта, рефлексии придается статус основного методологического принципа философии. Д.Локк считал, что «идеи рефлексии – есть действия ума в отношении его других идей» [4; с.177].

Кант считал, что благодаря рефлексии производится образование понятий. Гегель представлял рефлексию как движущую силу развития духа.

Рефлексия – понятие родное для философии было интегрировано в психологию, в первую очередь через понятие интроспекции, самонаблюдения, а позднее также в социологию. Самонаблюдение «не только возможно, но и необходимо. Наблюдение за собой в принципе не менее возможно, чем наблюдение за другими людьми...» [5; с.66].

Мы будем опираться на понимание рефлексии в прикладном аспекте, как «техники осознания своих мыслей, состояний и оснований действий, внутреннего мира других людей, а также событий, происходящих с участием рефлектирующего» [2; с.144].

Именно рефлексия позволяет человеку реагировать на ситуацию проактивно, т.е. с учетом собственного прошлого, настоящего и будущего, а не реактивно, импульсивно. И именно благодаря возможности «рефлексивной паузы» в поведенческие реакции личности подключаются дополнительные когнитивные, волевые и мотивационные составляющие, позволяющие справляться с новыми проблемами и задачами. Мы реактивно живем по сценариям, навязанным нам нашей семьей, коллегами, начальниками и давлением обстоятельств, - по сценариям, пришедшим из прошлого, из обучения и воспитания, из сегодняшней ситуации. Проактивность начинается с паузы, во время которой человек мысленно выстраивает цель и порядок своих будущих действий. Подход «изнутри-наружу» означает, что начинать надо с самого себя – со своих парадигм, своего характера и своих мотивов. Особенно важно это в ситуациях кооперативной, совместной деятельности, когда внутренняя картина позволяет спланировать и скоординировать совместные усилия на основе общих ценностей и ресурсов. Именно проактивный характер управленческой деятельности говорит о профессионализме руководителя, в отличие от тех менеджеров, которые лишь следуют за текущей ситуацией. «Для

эффективной организации любой работы руководитель прежде всего должен понять ситуацию, в которой он действует, оценить свои возможности и возможности других; представить все это в более широком контексте». [2; с.54] Рефлексивные процессы в управленческой деятельности специфичны потому и настолько, почему и насколько сама управленческая деятельность специфична по отношению к исполнительской.

Анализ этапов управленческой деятельности позволяет предположить, что, чем ближе рефлексия к ее началу, тем больше возможность ее построить, или скорректировать с учетом целей, ресурсов и ситуации. Наиболее значимо это для типа так называемых сервисных организаций, к которой относятся (возможно, к сожалению) в частности учреждения образования детей.

«Развитая рефлексивность есть необходимое условие обеспечения высокой меры организованности и сложности поведения, должной меры контроля за ним. ...именно для управленческой деятельности... как нигде важна способность ...к реализации рефлексивных механизмов, составляющих вообще один из основных атрибутов управления» [3. с. 270-271]. Слободчиков В.И. выделяет 5 уровней рефлексии:

1. Нулевой;
2. Полагающий;
3. Сравнивающий;
4. Синтезирующий;
5. Трансцендирующий.

Первый уровень – «нерефлекторное единство человека с его бытием». Полагающая рефлексия позволяет, по мнению авторов, пока еще бессознательно произвести самое первое разделение личности от его повседневной деятельности. Сравнивающий уровень позволяет личности осознать себя в реальном мире и свое отождествление в нем. Уже на этом уровне у руководителя появляется возможность осознанного освобождения от неверных установок, моделей поведения, пересмотра управленческих стратегий. Синтезирующая рефлексия позволяет выявить несовпадения и противоположность Я (субъект) как управляющей подсистемы и не-Я (объект) как элемента системы в целом, также подверженной влиянию управляемой подсистемы. Также происходит осознание и принятие роли управляемой системы как субъекта управления.

Можно предположить, что оптимальным уровнем развития рефлексивности руководителя является 3 и 4 уровень. 1 и 2 недостаточны вследствие фактического отсутствия при этом осознания эмоционально - волевых реакций человеком. 5 уровень требует от

личности навыков медитирования и может привести к постепенному замещению реальной деятельности ее чувственно-мыслительным переживанием, что недопустимо в реальном процессе управления.

Рефлексия, как интегративный психический процесс сопровождает в той или иной форме, через тот или иной механизм все управленческие функции. Рефлексивные процессы занимают ведущее положение при реализации любой из них. По своей природе и задачам рефлексия представляет собой «процесс организации процессов», т.е. это психическое явление более высокого порядка сложности, нежели все иные психические процессы. Рефлексия на уровне организации принимает вид системной внутренней и внешней обратной связи. Как известно, понятие обратной связи введено в научный обиход «отцом» кибернетики Н.Винером.

Сильная организационная культура способствует развитию компании только в случае, если в ней, кроме всего прочего, заложены элементы и механизмы инновационного развития. Важнейшими элементами, обеспечивающими инновационность организации мы считаем:

- Управленческую команду во главе с её лидером и заявленной управленческой волей;
- Ключевые элементы системы развития: коллективные и групповые формы объединений сотрудников (профессиональные объединения, проектные группы, советы, комиссии, сетевые сообщества, объединения сотрудников по интересам...), инициативные сотрудники;
- Ценностно-смысловое основание развития – инновационная направленность организационной культуры; наличие стратегии развития организации; идеи и проекты;
- Механизмы – внутрифирменная система обучения и развития персонала; система мотивации и стимулирования;
- Система анализа и контроля (обратной связи), включающая внутренний мониторинг, процедуры организационной и индивидуальной самооценки, самодиагностики, самоанализа.

Управленческие решения и мероприятия, исходящие из управленческой рефлексии имеют обычно двойной смысл. С одной стороны, это – решение непосредственных, специфических задач, на которые собственно и направлено каждое из мероприятий. С другой стороны, это – и решение своеобразной «сверхзадачи» – активизации личностного потенциала вовлекаемых в мероприятие сотрудников, повышение через это меры их субъектности. «Управленческая рефлексия как стержень рефлексивного управления - это тот механизм, который позволяет структурировать и координировать совместную

деятельность, выводя коллективного субъекта на уровень интегрированного полисубъекта» (1; 138).

Литература

1. *Гайнутдинов Р.М.* Социально-психологические закономерности организационной культуры как фактора управления учреждением дополнительного образования / Дисс. на соискание уч. степени канд.пс. наук, 2001
2. *Дудченко В.С.* Инновационные технологии / М.: Союз.1996.- 155 с.
3. *Карпов А.В.* Психология принятия управленческих решений / Под ред. В.Д.Шадрикова. М.: Юристъ.1998.- 440 с.
4. *Локк Джон.* Соч. в 3-х томах / М.: Наука. 1985. т. 1.- 356 с.
5. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание / М., 1957 — 328 с.

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНЖЕНЕРА XXI ВЕКА: РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПРАКТИКЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Е.А. Евстифеева, А.А. Тягунов, С.И. Филиппченкова, С.В. Рассадин
(Тверской государственный университет)*

Аннотация. Представлены ключевые компоненты личностного потенциала инженера, которые измеряются в контексте интеграции пространства образования на трех этапах высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура), что позволяет увидеть пробелы в концепции непрерывного высшего образования для технических и инженерных профессий. В теоретическом плане исследование служит обоснованию расширения гуманитарной парадигмы в профессиональном инженерном образовании, дополнению содержания концепта «личностный потенциал», а также выявлению особенностей констелляции доминантных личностных качеств инженера.

Ключевые слова: личностный потенциал инженера, непрерывное высшее образование, рефлексивное обеспечение, психолого-педагогическая модель, образовательные практики.

PERSONAL POTENTIAL ENGINEERING OF THE XXI CENTURY: REFLEXIVE CONTROL IN THE PRACTICE OF HIGHER EDUCATION

Evstifeeva E.A., Tjagunov A.A., Filippchenkova S.I., Rassadin S.V.

Abstract. Presents the key components of the personal potential of the engineer, which are measured in the context of the integration of space education in the three phases of higher education (undergraduate, graduate, postgraduate) that allows you to see the gaps in the concept of continuing higher education for technical and engineering professions. In theory, the study justifies the expansion of humanitarian paradigm in professional engineering education, supplementing

the content of the concept of "personal capacity", as well as the identification of the dominant features of the constellation of personality traits engineer.

Keywords: personal potential engineer, continuous higher education, reflexive support, psycho-pedagogical model, educational practices.

Актуальность исследования личностного потенциала инженера XXI века и возможностей управления им в современных российских образовательных практиках посредством междисциплинарных исследований, рефлексивных технологий обусловлена блоком теоретических и практических факторов. Первый – сюжеты обоснования, удостоверения теоретического знания в виде эталонной модели инженера, отвечающего современным социально-экономическим требованиям с высоким уровнем сформированности творческого инженерного мышления, презентующей профессиональную социализацию, набор профессиональных умений, личностных ресурсов, ценностных приоритетов, и релевантной оптимуму принятия решений, минимизирующих риск и неопределенность; выработка рефлексивной позиции в отношении вопросов трансляции достоверности (как имеющегося, наличного инженерного знания) к становящемуся, проективному знанию. Второй блок – проблема переноса, имплантации образовательного опыта управления личностным потенциалом инженера XXI века на интервал инновационных процессов в будущих нелинейных профессиональных и социальных ситуациях.

Важнейшая российская проблема развития науки, образования и промышленности в современной России – дефицит молодых инженерных и исследовательских кадров в секторе производства, науки и высшего образования, способных к эффективной деятельности в условиях риска и неопределённости. Налицо быстрое старение кадров, изменение его качественного состава, отток молодых квалифицированных специалистов из указанных областей в другие сферы социальной деятельности. Это обстоятельство не позволяет системно воспроизводить и закреплять инженерные кадры, обладающих комплексом компетенций, направленных на их профессиональную деятельность в ситуации принятия решений и способности осуществлять сугубо инженерные, исследовательские, социально-значимые функции в режиме «общества знания». Формирование современного инженерного мышления, личностных качеств, исследовательских навыков, профессиональной инженерной культуры, социально-значимых компетенций и критического самосознания, социальной ответственности за продукт своей

инженерной деятельности становится приоритетной задачей для развития науки и образования в России.

Инженер XXI века – ключевая социальная фигура в рефлексивном образе будущей России. Она соизмеряется с наличной магистралью инновационного развития России в обозримое время. В сфере производства – это подъем реального сектора на базе локомотивных отраслей хозяйства – атомная промышленность, авиакосмический, информационный, машиностроительный комплекс, энергетика, биоинженерия и нанотехнологии – инновационных разработок (сверхпроводящие, трансформационные, оптические материалы, кристаллургия, микротехника, био-, гео-, экотехнологии); оптимизация механизмов рефинансирования предприятий; активизация внутреннего рынка; обуздание утечки капиталов и интеллектуальных ресурсов, жесткий контроль экспорта минерального сырья, металлов; гармонизация налоговой политики; видоизменение инвестиционной культуры.

Профессиональный инженерный труд сегодня сопровождается быстрой трансформацией социальных и технологических практик. Это требует, в свою очередь, ускоренной профессиональной адаптируемости к новым видам знания, к конвергенции естественного и искусственного в картине инженерного мира, к актуализации и расширению личностного потенциала инженера XXI века. Узкоспециализированная подготовка инженера сегодня уязвима как для глобального проекта «общества, основанного на знаниях», так и для двух комплементарных целей отечественного образования: во-первых, ориентации процесса обучения на предельно широкое развитие самого человека, во-вторых, развития у человека широких возможностей когнитивного поиска и методологического кругозора. Достижение указанных целей видится вероятным при воспроизводстве в процессе обучения определённых образовательно-культурных инвариантов, обеспечивающих четкий мировоззренческий каркас для последовательного и упорядоченного процесса быстрого и качественного усвоения (через критическое осмысление) самых разных культурных инноваций. Данное воспроизводство задаётся инструментарием прежде всего гуманитарных дисциплин, создающих фундаментальную основу (матрицу) для восприятия любых социокультурных и профессиональных моделей.

В отечественной науке исследование личностного потенциала современного инженера, возможностей управления его развитием, анализ его структуры и составляющих средствами междисциплинарного подхода в контексте рефлексивного управления в образовательной среде ещё не рассматривались. Изучение личностного

потенциала инженера как генерализованной (личностная, субъектная, когнитивная) возможности самоизменения в профессиональной и социальной среде оказывается возможным только на стыке наук, прежде всего средствами комплексного анализа. Основная задача разрабатываемого нами проекта состоит в последовательном изучении условий развития личностного потенциала инженера XXI века в горизонте современной образовательной среды на различных уровнях высшего образования (прикладной и академический бакалавриат, магистратура, аспирантура) с комплементарным определением возможных механизмов управления данным процессом с помощью современных образовательных технологий. Агрегирование комплексного набора компетенций будущих российских инженеров, профессиональная деятельность которых экстраполируется на ситуацию перманентного принятия решений в условиях риска и неопределенности, направлено на разработку рефлексивно-педагогической модели профессиональной социализации инженеров, конвергирующей личностные, профессиональные и социально-значимые компетенции в ситуации принятия решения.

Личностный потенциал инженера видится нам как генерализованная (личностная, субъектная, когнитивная) возможность самоизменения в профессиональной и социальной среде. Он преломляется в прикладном аспекте, с помощью инструментов и практики высшего профессионального инженерного образования, в фокусе изучения таких личностных и субъектных характеристик как автономия, ответственность, рациональность, рефлексивность, волевые и лидерские качества. В XXI веке личностный потенциал инженера в полной мере раскрывается в социальных и профессиональных ситуациях принятия решений в условиях риска и неопределенности. В связи с этим возрастает интерес к проблеме разработки моделей принятия решения, в том числе рефлексивно-педагогических, позволяющих преодолеть рост узкой специализации и прикладной прагматизм инженерного мышления. Как известно, акт принятия решений включает три основные этапа: поиск информации, поиск и нахождение альтернатив (в том числе изобретение альтернатив) и выбор наилучшей из группы альтернатив. Этот сложный, трудоемкий и творческий процесс «восходит» к высокому профессиональному уровню и требует анализа профессиональной социализации в образовательной среде, когнитивных и личностных способностей и поведенческих паттернов инженера в актах принятия решений.

Процесс принятия решений нами теоретически идентифицируется в неклассической модели принятия решений. Формирующаяся сегодня неклассическая теория принятия решения, интегрирующая

классическую модель принятия решений и комплементарную ей психологическую теорию принятия решений, сопряженную с инженерным мышлением в XXI веке, – ориентирована на решение задач, которые принято называть открытыми. Здесь глубинная неопределённость требует от субъекта креативного подхода к разворачивающейся ситуации, когда ни возможные альтернативы, ни тем более их последствия заранее оказываются неизвестными, поэтому поиск вариантов решения в таких ситуациях представляет собой творческий процесс, что требует наличия таких когнитивных субъектных и личностных качеств, как автономия, ответственность, рациональность, рефлексивность, волевые и лидерские качества. Обучение современного инженера навыкам принятия решений в условиях риска и неопределенности инициирует развитие этих качеств и позволит достичь баланса гуманитарного и технического знания в образовательных практиках.

Широко обсуждается сегодня в сфере гуманитарного знания и науки возникший в начале XXI века антропогенный кризис, нарушение закона техно-гуманитарного баланса, суть которого в гармонизации технически ориентированного инженерного интеллекта и гуманитарного мышления, ориентированного на антропологические и социальные ценности. Это актуализирует и проблематизирует гармонию/конвергенцию личностных и профессионально важных качеств инженера, что позволит предотвратить превосходство инженерного интеллекта над гуманитарным. Нарушение такого баланса в менталитете инженера представляет угрозу безопасности жизнедеятельности, экологии, что влечет многомерные конфликты искусственного и естественного, которые могут стать стержнем глобальных проблем к середине XXI века.

Методологическим основанием проводимого исследования выступает теория рефлексивного управления и рефлексивный подход. Рефлексивность нами понимается как переосмысление наличных социокультурных условий и экзистенциальных переживаний своего сознания, обращение к внутреннему опыту. Рефлексия – процесс критического осмысления текущей деятельности, умение выделять, анализировать и трансформировать свои действия и поступки с наличной ситуацией. Как механизм саморазвития личности рефлексия обеспечивает мобилизацию личностно-интеллектуальных ресурсов в проблемных и рискованных социальных и профессиональных ситуациях. Рефлексивные технологии позволяют интенсифицировать процессы критического самосознания и развивать способность к самоменеджменту, контролю над когнициями, формировать конструктивные психологические аттитюды.

Предлагаемое нами практико-проектное видение по развитию личностного потенциала инженера XXI века является ступенью, соответствующей представлениям об управлении на «уровне кибернетики второго порядка», и опорной точкой в переходе к построению моделей управления в контексте постнеклассической науки, парадигмы «субъект-полисубъектная среда», «человекообразные саморазвивающиеся системы» [1].

Литература

1. Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении в контексте развития научной рациональности // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов IX Международного симпозиума 17-18 октября 2013 г., Москва / Отв. ред. В.Е. Лепский – М.: «Когито-Центр», 2013. – С. 43-56

СУБЪЕКТНОСТЬ, ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ СРЕДЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Г.Г. Малинецкий

(Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН)

Аннотация. С позиций синергетики и теории рефлексивного управления рассматривается формирование инновационно-активных сред на Евразийском пространстве. Выявляются принципиальные отличия инфраструктур, целей создания и алгоритмов организации инновационных сред, необходимых для реализации Евразийского проекта, от того, что делалось и делается в новой России в последние десятилетия.

Ключевые слова: мир России, Евразийский проект, инновационно-активные среды, синергетический эффект, рефлексивное управление, геополитика, геоэкономика, геокультура, самоорганизация, цивилизационный подход, постиндустриальное общество, инновационные императивы.

SUBJECTENESS, TARGETING AND INNOVATIVE MEDIA IN EURASIA CONTEXT

G.G. Malinetskii

(RAS Keldysh Institute of Applied Mathematics, Moscow)

Abstract. We consider forming of innovative – active media on Eurasian area from point of view of synergetics and the theory of reflexive control. The principal difference between aims, infrastructures and algorithms of creating innovation media needed for Eurasian project and them in contemporary Russia revealed.

Keywords: Russian world, Eurasian project, innovation-active media, synergetic effect, reflexive control, geoculture, self-organization, civilization approach, post-industrial society, innovation imperative.

*Сначала ты выбираешь Путь, а
потом Путь выбирает тебя.*

Мудрость мастеров дзен

В настоящее время одной из важнейших сфер соперничества и сотрудничества является инновационное пространство, а также пространство смыслов, ценностей, проектов будущего. К сожалению, Россия и все постсоветские государства стремительно откатываются назад. Располагая более 30% всех минеральных ресурсов мира, наша страна производит не более 2,9% валового глобального продукта и менее 0,3% мирового объёма высокотехнологичной продукции. Российская Федерация не прогнозирует своего будущего, не проектирует его и, соответственно, не вкладывает необходимых усилий в реализацию собственного проекта. Инновационная политика, предложенная специалистами из Высшей школы экономики (ВШЭ) в рамках либерально-олигархической модели полностью провалилась. Проекты «Роснано», иннограда «Сколково», программы Минобра: «5–100–20», а также попытки создать другие прообразы национальной инновационной системы показали, что дело не в финансах, воровстве, административном ресурсе или некомпетентности «эффективных менеджеров», а в ошибочной стратегии [1].

Попытка предложить альтернативу в системном, методологическом и философском плане была предпринята В.Е. Лепским в теории рефлексивно-активных сред, рассматривающей инновационную активность с позиций «субъект-среда» [2]. Эта теория охватывает широкий класс сред – от Кремниевой долины до инновационной политики, которая была реализована в советском космическом проекте под руководством Совета главных конструкторов. Однако представляется необходимым сделать следующий шаг – конкретизировать эти идеи в нынешних мировых, евразийских и российских реалиях и на этой основе построить инновационную стратегию мира России и предложить алгоритмы взаимодействия с другими инновационными средами – китайскими, европейскими, американскими, индийскими и иными.

Успешное инновационное развитие требует эффективных, гармоничных отношений в треугольнике субъект – проект – среда. «Среда» при этом понимается в смысле наиболее близком к тому, который вкладывается в это понятие в системном программировании, то есть как конструктор, пользуясь которым можно собирать различные инструменты, для решения поставленных задач. Сформулируем выводы из анализа и моделирования инновационных систем в виде ряда тезисов, ограничиваясь минимальной аргументацией.

Критерием успешности инновационного развития на Евразийском пространстве в ближайшие десятилетия не может и не должна быть прибыль и погоня за инновационной рентой. Таким критерием должно стать продвижение в реализации большого евразийского проекта в реализации мечты, сама способность создавать новое на мировом уровне. Этим критериям в полной мере отвечали советский атомный и космический проекты, начатая Дж. Кеннеди программа «Аполлон», большой робототехнический проект Японии и др. Эти проекты меняли мир и создавали новую реальность, а не «средством немного заработать», как нас пытаются уже 20 лет убедить «рыночные фундаменталисты».

Не следует всерьез воспринимать догму о неизбежности и, тем более, благотворности глобализации, а также «затачивать» научную, образовательную, технологическую сферу и экономику под потребности технологических лидеров современного мира. Инновационную сферу надо выстраивать, ориентируясь не на вчерашний или сегодняшний день, а на будущее, на 30-40-летнюю перспективу. Существует ряд серьезных теорий и всё более ясных признаков, свидетельствующих о закате глобализации, о распаде мир-системы на ряд миров-цивилизаций [3,4]. (Вероятно, С. Хантингтон опоздал, и будущее XXI века за историческими субъектами, население которых будет превышать 400 млн человек, а валовый внутренний продукт \$20 трлн). Сильная инновационная сфера приобретает геополитическое и геокультурное измерение, становится своеобразным билетом в будущее. Для России это был бы очень значимый фактор интеграции на постсоветском пространстве. В ближайшие десятилетия, чтобы остаться в истории, наша страна должна развиваться под лозунгом «Россия делает сама».

В основе инновационной инфраструктуры должны лежать не здания, фонды или денежные потоки, а целеполагание, вырабатываемые элитой совместно с научно-техническим корпусом страны, и способность общества эффективно использовать результаты решения научно-технических задач.

Мы имеем дело с очевидной диалектикой – субъекту для выполнения своей функции управления обществом нужен проект (отсутствие проекта ведет к бессубъектности, от которой один шаг до революции). Чтобы предложить этот проект и далее обеспечивать его реализацию нужна среда. Выращивание среды требует и субъекта и проекта. И здесь важнейшими процессами для взаимодействия субъекта, проекта и среды, является социальная и профессиональная рефлексия и самоорганизация. Те, кто долго успокаивают общество мифами и сказками сами начинают в них верить... Инновационное пространство

слишком велико для того, чтобы опираться только на организацию (которая работает, когда уже ясны ограничения, понятно, что и как делать и пространство не так велико), поэтому стоит создавать инструменты для самоорганизации. Наглядный пример – для реализации российской нанотехнологической инициативы была создана большая организация «Роснано», в период расцвета имевшая 700 сотрудников. Израильскую инициативу реализовала организация, имевшая 3 (трех) сотрудников и множество инструментов для поддержки самоорганизации. В отличие от Израиля России практически не видно на мировой нанотехнологической карте.

России и постсоветским странам нанесло тяжелое поражение в сфере образования, которое ставит под угрозу саму возможность формирования инновационной среды на постсоветском пространстве. Необходимо срочно повышать качество образования и отбора лучших. Будущее страны определяется способностью выявлять наиболее способных и талантливых людей, давать им превосходное образование и вы двигать их на позиции, соответствующие их способностям и квалификации.

К сожалению, российское образование давно находится под внешним управлением. Руководство Минобра реализует рекомендации американских советников, блокирующих творческую, инновационную активность, культивирующие вторичность «Готовить надо не разработчиков технологий, а специалистов, которые могут адаптировать заимствованные технологии», – утверждает министр образования РФ Д.В. Ливанов. Некритичное использование западных образовательных технологий, отсутствие позитивных стратегических ориентиров привело к образовательной катастрофе на постсоветском пространстве. В частности, единые выпускные экзамены, проводимые на Украине, в Казахстане, в Молдове и Киргизии, показывают, что более половины выпускников не осваивают программу средней школы. Мы имеем дело с феноменом имитационного или колониального образования, ориентированного на видимость, а не сущность. При сохранении нынешних тенденций через одно-два поколения будет некому обслуживать даже нынешнюю техносферу.

Здесь необходима новая команда руководителей образования России, которая была бы ориентирована не на «разрушение советского», а на «созидание российского». Очень полезно было бы восприятие китайского опыта и взаимодействие с инновационной средой этой страны. Китай оказался прекрасным учеником СССР, который смог усвоить уроки, развить и превзойти достижения учителя. Без этого всё постсоветское пространство окажется «сырьём», «ресурсом» для реализации других цивилизационных проектов.

Следует не разрушать существующие инновационные среды и не сужать пространство возможностей, а, напротив, создавать новые среды и расширить инновационное пространство.

«Эффективные менеджеры», взявшиеся за развитие инноваций в России, решили создать инновационную инфраструктуру в стране «без науки, без экспертизы, без экономики». Эта политика, естественно, кончилась провалом, но в ходе её реализации были разрушены Российская академия наук (РАН), Российская академия медицинских наук (РАМН), и Российская академия сельскохозяйственных наук (РАСХН). Вместо систем, перед которыми субъекты инновационного развития могли ставить задачи, возникло множество не связанных друг с другом, деградирующих и предоставленных себе институтов. Одной из первоочередных важнейших задач России становится сборка академического научного пространства и этой инновационной среды. В инновационной сфере России также нужен «императив Гиппократата» – «Не навреди!» [5].

Перед участниками Евразийского проекта в настоящее время открывается окно возможностей. Необходимым условием для их использования является наличие субъектов инновационного развития и активных, суверенных инновационных сред, активно взаимодействующих с промышленностью, оборонным комплексом и контуром государственного управления. Эту работу надо сделать до наступления глобального кризиса. Пока можно успеть. Осталось взяться за дело. Начать и кончить.

Литература

1. *Малинецкий Г.Г.* Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии – путь России в будущее. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 224с. – (Синергетика: от прошлого к будущему, №58. (Будущая Россия №17).
2. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255с.
3. *Деягин М.* Преодоление либеральной чумы. Почему и как мы победим! (Коллекция Изборского клуба). – М.: Изборский клуб. Книжный мир, 2015. – 512с.
4. *Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф.* История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012 – 288с. (Синергетика: от прошлого к будущему. №50. (Будущая Россия).
5. *Иванов В., Малинецкий Г.* Мировая наука и будущее России // Изборский клуб. Русские стратегии, 2013, №8, с.32-64.

*Настоящая работа была поддержана грантами РГНФ
(проекты 14-23-01013 и 15-03-00404).*

ТЕХНОПАРКИ КАК ОСОБЫЕ ВИДЫ ИННОВАЦИОННЫХ СРЕД

А.А. Мальцева (Научно-методический центр по инновационной деятельности высшей школы им. Е.А. Лурье Тверского государственного университета, г. Тверь)

Аннотация. Представлен авторский взгляд на технопарки с позиций постнеклассической рациональности. В работе показывается, что современные технопарки обладают всеми свойствами, присущими инновационным средам. Это создает научно-теоретический базис для прикладных исследований, направленных на разработку рекомендаций по совершенствованию менеджмента подобных структур как на микро, так и на мезоуровне.

Ключевые слова: инновационная среда, технопарк, управление, близость, инновационная инфраструктура

TECHNOLOGY PARKS AS THE SPECIAL TYPES OF INNOVATIVE ENVIRONMENT

Abstract. In the article there is the author's view on the technology parks from the standpoint of post-nonclassical rationality. The author shows that the modern technology parks has all the characteristics that innovative environments are inherent. This creates the scientific and theoretical basis for applied research aimed at the development of recommendations to improve the management of such structures as on the micro-level and on the meso-level.

Keywords: innovative environment, technology park, management, proximity, innovative infrastructure.

Актуальность темы исследования обусловлена особой значимостью объектов инновационной инфраструктуры для целей инновационного развития регионов в условиях поиска новых эффективных источников экономического роста на этапе его стагнации, вызванной, в том числе, влиянием финансово-экономического кризиса и внешнеполитической напряженности.

В работах автора изложены ключевые аспекты управления технопарками [1, 2, 3], демонстрирующие недостаточную результативность использования классических постулатов менеджмента применительно к объектам исследования, что обусловлено, в том числе, особой содержательной и структурной организацией технопарков, их сущностными характеристиками и целями функционирования.

Использование методологии управления интеллектуальным капиталом как базовой для целей эффективного развития технопарков, изложенной в ряде статей [4, 5], является весьма целесообразным и создает наиболее приемлемые условия для формирования в

технопарках центров развития инновационного бизнеса (характеристика мезоуровня) и их рентабельной работы как бизнеса (характеристика микроуровня).

Развитие методологии управления технопарками определило новый вектор научно-теоретического осмысления их сущности и внутренней структуры, которая, по сути, представляет собой не простую совокупность стейкхолдеров (управляющая компания; инновационные компании – резиденты; якорные резиденты; сервисные компании; университеты; экспертное сообщество; инвестиционное сообщество), а особую реальность, создающую эффективные посылы к развитию инновационной деятельности на их территории, что и демонстрирует существенную близость рассматриваемой методологии к концепции инновационных сред.

Научные основы развития представлений об инновационных средах нашли свое отражение в работах отечественных и зарубежных ученых, среди них особо выделяются работы Лепского В.Е., которым в соответствии с ключевыми постулатами постнеклассической рациональности разработаны междисциплинарные основания становления «средовой парадигмы», обоснован субъектно-ориентированный подход к организации сред инновационного развития, предложены методологические основы для организации рефлексивно-активных сред инновационного развития [6].

В классическом понимании инновационная среда определяется как сложившаяся определенная социально-экономическая, организационно-правовая и политическая среда, обеспечивающая или тормозящая развитие инновационной деятельности [7].

В работах Samagni R. детализируются сущностные представления об инновационной среде, которая, по мнению автора, представляет собой «совокупность сетевых сложных неформальных социальных отношений на ограниченном географическом пространстве, часто определяющих внешний имидж и особые специфические внутренние представления и чувства «принадлежности», которые стимулируют инновационность территории через синергетичность и процессы коллективного обучения» [8].

Голова И.М. характеризует инновационную среду как окружение участника инновационного процесса, оказывающее косвенное либо прямое влияние на условия инновационной деятельности и ее результат [9].

Научно-философское осмысление предмета исследования в работах Лепского В.Е. добавляет отдельные сущностные характеристики инновационной среды, которая, по мнению автора, включает в себя наряду с различными типами субъектов совокупность ценностей

мирового культурного развития и может рассматриваться как саморазвивающаяся система [6].

Обобщая приведенные точки зрения, отмечается, что инновационная среда по сути является совокупностью (в случае ее высокого развития - системой) субъектов, их взаимоотношений и условий инновационной деятельности. Она характеризуется наличием присущих исключительно ей принципов, норм, ценностей и других атрибутов, выделяющих ее как общность из внешней среды. При этом автор не разделяет мнение Camagni R. о возможности формирования и эффективного функционирования инновационной среды исключительно на ограниченном географическом пространстве, что обусловлено высокой информатизацией и виртуализацией современного мира, позволяющей в ряде случаев абстрагироваться от территориального размещения субъекта и сформировать их совокупность (систему) без прямой привязки к месту их фактического нахождения.

Трансформируя приведенные выше тезисы на проблему исследования технопарков, отмечается наличие у них указанных существенных характеристик. Так, технопарк, представляя собой интегрированный элемент инновационной инфраструктуры, выполняет миссию по созданию условий для инновационной деятельности и ее развития на определенной территории. Центральным звеном технопарка является управляющая компания, которая формирует резидентную структуру, приглашает к сотрудничеству аутсорсинговые сервисные компании, способствующие созданию системы наиболее качественных и востребованных сервисов для инновационных компаний, обеспечивает взаимодействие с экспертным и инвестиционным сообществом. Все это демонстрирует наличие в технопарке широкого круга субъектов и их взаимоотношений, что и создает особые условия эффективности совместной инновационной деятельности и соответствует существенным характеристикам инновационной среды.

Исследования показывают, что зачастую результативность инновационной деятельности, имеющей креативную основу (ресурс креативной индивидуальности, творящей свои миры [6]), напрямую зависит от влияния окружения инноватора. Именно возможность находиться в обществе «себе подобных» в ряде случаев привлекает инновационные компании в технопарк. Так, проведенный автором анализ данных Международной Ассоциации научных парков показал, что только 26% технопарков и аналогичных организаций в мире предоставляют резидентам помещения в аренду по ставке ниже рыночной, а в 32% таких структур арендная плата для резидентов выше, чем в среднем за их пределами [10]. Это обосновывает тезис о

наличии в эффективно функционирующих технопарках не только и не столько формальных условий для инновационной деятельности, но и особого «общества», среды, которая и создает предпосылки для развития собственной инновационной деятельности.

Территориальная близость субъектов технопарковой деятельности коррелирует с тезисом Camagni R. об ограниченном географическом пространстве функционирования инновационной среды, который, при этом, в полной мере не находит своего подтверждения ввиду наличия эффективно функционирующих виртуальных технопарков, организующих субъекты инновационной деятельности посредством инновационной среды, реализованной в интернет-пространстве.

В связи с этим целесообразно рассмотреть применительно к предмету и объекту исследования концепцию близости Boschma R., который выделяет познавательную, географическую, организационную, социальную и институциональную близость субъектов [12]. Ученый утверждает, что сама по себе географическая близость не ускоряет передачу знаний и инноваций, а лишь опосредованно влияет на данный процесс, что демонстрирует приоритетное значение познавательной, организационной, социальной близости для успешной деятельности в инновационной сфере.

Опираясь на исследования автора, представляется необходимым уточнить сущностные характеристики инновационной среды, предусмотрев обязательное условие формирования не просто совокупности субъектов с развитыми взаимосвязями, но и изначальное наличие как минимум познавательной близости между ними.

Субъекты инновационной деятельности в рационально организованном технопарке характеризуются познавательной близостью, представляя собой индивидуумов (компании), которые находятся на определенном (близком) уровне развития (seed, start up), относятся к одной и той же сфере деятельности (отрасли специализации технопарка), имеют близкие цели (развитие научно-технического продукта и вывод его на рынок), испытывают потребность в информации о возможностях реализации проекта, историях успеха и пр.

Управляющая компания, формируя резидентную структуру, устанавливая взаимосвязи с другими важными участниками инновационного процесса в технопарке (сервисные компании, эксперты, инвесторы), в большинстве случаев использует критерий познавательной близости, отбирая для создания внутренней структуры технопарка близкие на когнитивном и эмпирическом уровне субъекты. При их дальнейшем эффективном взаимодействии в рамках технопарка уровень их познавательной близости объективно становится выше.

Принадлежность к числу резидентов технопарка или к числу аффилированных лиц или организаций (экспертное, инвестиционное сообщество), обеспечивает наличие организационной близости между субъектами, которая не только позволяет оперативно и целенаправленно продуцировать связи между ними, но и усиливает их системой мониторинга, контроля и иерархии, что в том числе относится к функциям управляющей компании.

Социальная близость в технопарке может сложиться (или целенаправленно сформироваться) как следствие организационной и географической близости в результате установления весьма тесных формальных и (или) неформальных взаимоотношений между субъектами инновационной деятельности. Организация цепочек инновационного цикла с привлечением нескольких резидентов, формирование собственной особой корпоративной культуры технопарка способствует возникновению социальной близости, которая будет существенно способствовать повышению результативности деятельности структуры в целом и отдельных ее субъектов, при этом не является целевой установкой технопарка как открытой системы.

Таким образом, используя научно-теоретическое обобщение, автором продемонстрировано присутствие ключевых сущностных характеристик инновационной среды в концептуальных основах деятельности технопарка, что при этом в конкретных случаях может быть и в полной мере не реализовано.

Именно изначальная стратегическая задача формирования технопарка как инновационной среды может обеспечить дальнейшее эффективное управление инновационными процессами на его основе.

В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» – создание условий для их развития [6]. Для целей формирования принципиально новой управленческой парадигмы применительно к объектам инновационной инфраструктуры наиболее целесообразен именно данный подход, включающий различные механизмы социальных воздействий таких, как управление, организация, модерирование, медиация, поддержка, стимулирование и др. [6].

Это обуславливает использование в процессе разработки и практической реализации стратегии развития технопарка основополагающих принципов и структурных моделей формирования инновационных сред, которые наиболее полно представлены в работах Лепского В.Е. [6]. Автором предложена обобщенная многоуровневая структура модели сред инновационного развития, представленная иерархией уровней (мировоззренческий, концептуально-методический,

технологический, реализационный), что позволяет утверждать необходимость инициирования проекта технопарка изначально именно на мировоззренческом уровне.

Действительно, опыт показывает, что отдельные достаточно масштабные региональные проекты по созданию технопарков или аналогичных структур потерпели неудачу вследствие приоритетных акцентов именно на концептуально-методический и технологический уровни. Отсутствие проработанных базовых ценностей технопарка как центра инновационного развития способствует возникновению так называемых деформаций, которые трансформируют ключевую его идею – комплексную поддержку инновационной деятельности начинающих компаний – в принципиально отличную деятельность (организация технопарка как арендно ориентированного бизнес-центра, получение бюджетного софинансирования крупных региональных инвестиционных проектов и др.).

Формирование технопарков целесообразно исключительно в рамках территорий с высоким уровнем инновационной восприимчивости и особым менталитетом общества, которое в рамках взаимодействия с инновационной средой технопарка может обеспечивать как гармоничное развитие структуры в целом, так и отдельных ее субъектов. При этом субъекты экономики, становясь субъектами технопарка, сами оказывают существенное влияние на развитие инновационной среды на его платформе, поэтому достигнутый ими инновационный мировоззренческий уровень, по сути, определяет вектор дальнейшего развития всего технопарка.

Таким образом, формированию эффективного технопарка как инновационной среды должен предшествовать этап предварительной подготовки и диагностики внешней среды, в которой находятся его потенциальные стейкхолдеры.

Принцип преодоления доминирования нормативно-деятельностного подхода над субъектным, также глубоко раскрытый в работах Лепского В.Е. [6], и утверждает необходимость преодоления бессубъектности управления, что особенно важно для технопарковой деятельности – формирование и развитие технопарков должно осуществляться в регионах исключительно в целях конкретных инновационно ориентированных субъектов экономики территорий.

Создание и развитие самих технопарков как структур поддержки инноваций не является необходимым и достаточным условием для эффективного функционирования в их границах инновационных сред, которые создаются исключительно на принципах саморазвития всеми участниками технопарка. При этом толчком к формированию и последующему саморазвитию таких систем может стать инициатива

региональных органов власти или иных заинтересованных лиц, которые, используя передовую научную методологию, способны осуществить концентрацию познавательных близких субъектов на выделенной территории или в виртуальном пространстве и организовать их первичное взаимодействие.

Статья выполнена в рамках проекта «Методология управления интеллектуальным капиталом технопарковых структур и научных структур с закрепленным государственным статусом» по государственному заданию Министерства образования и науки Российской Федерации Тверскому государственному университету

Литература

1. *Мальцева А.А.* Концептуальные основы организации и функционирования управляющих компаний технопарков. Курск: Юго-Зап. Гос. ун-т, 2011. – 226 с.
3. *Мальцева А.А., Дроздов В.И.* Финансовый анализ и управление технопарковыми структурами. Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 259 с.
4. *Мальцева А.А.* Управление технопарковой структурой на микроуровне: эффективные подходы и решения. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. – 244 с.
5. *Мальцева А.А.* Управление интеллектуальным капиталом технопарковой структуры как фактор эффективного менеджмента // Финансовый журнал НИФИ. - 2015. – № 1. - С. 60-71.
6. *Мальцева А.А.* Роль интеллектуального капитала технопарков в обеспечении их эффективного функционирования // Проблемы теории и практики управления. – 2015. - № 4. – С.54-62
7. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf.
8. *Трофимов В.М.* К вопросу о понятиях «инновационная среда» и «инновационный климат» в современной экономической науке // Известия Иркутской государственной экономической академии: электрон науч. журнал. БГУЭП, 2011. - № 6. - С. 4-12.
9. *Camagni R.* Introduction: from the local «milieu» to innovation through cooperation networks // In: Camagni R. Innovation Networks: spatial perspectives. – London: Bedhaven Press, 1991. – P.1–9. Цит. по: Варламов М. Г. Инновационная среда и элементы ее классификации / М.Г. Варламов // Вестн. КТУ. – 2013. – Т. 16, № 7. С. 303-305.
10. *Голова И.М.* Инновационный климат региона как условие социально-экономического развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / И.М. Голова. — Екатеринбург, 2008. — 45 с.
11. *Мальцева А.А., Чевычелов В.А.* Мировые тенденции развития технопарковых структур: выборочный анализ Проблемный анализ и

государственно-управленческое проектирование. – М.: Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – 2012. -№ 2. - том 5. – С. 29-42.

12. *Boschma R.* Proximity and Innovation: A critical Assessment // *Regional Studies*. – 2005. – № 39(1). – P. 61–74.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИНФРАСТРУКТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ОСНОВЕ СРЕДОВОГО СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

А.А. Мельников (Филиал ФГБОУ ВПО «УдГУ» в городе Воткинске)

Аннотация. В данной статье обосновывается необходимость применения средового социогуманитарного проектирования для совершенствования инновационных инфраструктур на Евразийском пространстве.

Ключевые слова: инновации, средовой подход, сетевые структуры, модерирование сообществ, метасубъект.

REFLEXIVE IMPROVING INNOVATION INFRASTRUCTURES IN EURASIA ON THE BASIS OF SOCIO-ENVIRONMENTAL DESIGN

A.A. Melnikov

(FGBOU VPO enterprises «Udmurt state university» in Votkinsk)

Abstract. This article substantiates the necessity of the application of socio-environmental design for improving innovation infrastructures in Eurasia.

Keywords: innovation, environmental approach, network structure, moderating communities, metasubject.

В настоящее время в методологии инновационного развития отчётливо проявляются тенденции повышения роли нелинейной модели инноваций, в которой наблюдаются множественные источники инноваций и которые неразрывно связаны с доминантой средового подхода к инновационному развитию [1, с.94]. Совершенно новым подходом по совершенствованию инновационных инфраструктур на Евразийском пространстве могла бы выступать субъектно-ориентированная парадигма организации сред инновационного развития.

На Евразийском пространстве действует множество глобальных и региональных акторов и различных субъектов инновационной деятельности. При этом существует объективная проблема интеграции и согласования различных интересов и целевых установок данных

акторов и субъектов. Средовое социогуманитарное проектирование позволяет создать Метасубъект, который будет обладать стратегичностью, постоянно рефлексировать своё состояние, заниматься стратегическим целеполаганием, проектированием будущего, организацией пространства развития, координацией работы всех звеньев системы, решать конфликты и противоречия, а также осознавать и организовывать эффективную защиту своих стратегических интересов в регионе, а также противостоять другим акторам на Евразийском пространстве.

Рассмотрим более подробно алгоритм, как именно Метасубъект способен запустить механизмы совершенствования инновационных инфраструктур на Евразийском пространстве:

1. Разработка новой этической системы и Кодекса этики, которая предполагает отказ от примитивной схемы максимизации прибыли «от всего и вся» к максимальному учёту долгосрочных целей и приоритетов, основанных на совместной ответственности, механизмах солидарности и новых моделях нематериальной мотивации, когда слава и общественное признание трудовых, научных и боевых подвигов и заслуг – высшее благо и высшая форма самореализации, в отличие от нынешнего банального накопления денег, вывоза их за границу и хранение на счетах в зарубежных банках.
2. Инициирование создания на Евразийском пространстве сетевых структур на основе новой этической системы и Кодекса этики (союзы, альянсы, лиги, ассоциации, некоммерческие партнёрства), объединяющих субъектов инновационной деятельности (корпоративные университеты, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансферта технологий, инновационные супермаркеты и др.) и создающих Среду инновационного развития (СИР), в которой будет учёт интересов всех участников. Произойдёт образование информационных и кооперационных связей, быстрое накопление опыта и самых передовых знаний в различных сферах, отраслях и регионах Евразийского пространства, что создаст существенный синергетический эффект и позволит повысить эффективность принятия управленческих решений. Данные сетевые структуры должны быть построены на самоорганизации субъектов инновационных процессов, обладать высокой адаптивностью, стратегичностью, рефлексивной культурой. Именно они способны создать условия для диффузии знаний и прорывных технологий.
3. Модерированию сетевых структур на Евразийском пространстве следует придать решающее значение. Исследование данной проблематики и особая роль рефлексивных процессов в

самоорганизации и поддержке сообществ была рассмотрена в работе [2].

4. Сформированная и модерируемая на Евразийском пространстве Среда инновационного развития (СИР) позволит перейти к рефлексивному мышлению. Причём не только междисциплинарному, но и в дальнейшем трансдисциплинарному формату мышления. Это позволит проводить не только экономическую, технологическую, но и социогуманитарную экспертизу и перейти от краудсорсинга к рефлексивному диалогу, а также созданию в данной Среде распределённых экспертных и аналитических систем, СЦ на основе 5-ти членного цикла В.И. Варшавского «Красная Звезда» с эпициклом супервизинга, которые будут показывать всем участникам Среды достоверную, адекватную и актуальную информацию об РИД, НИОКР, прогнозах, сценариях и трендах будущего и др. и являться основой принятия управленческих решений. Данная Среда способна сформировать Суперсистему на основе интегрального (соборного) интеллекта, что позволит выработать Образ желаемого будущего в деталях, грамотно управлять всеми видами рисков, эффективно сценарировать и проектировать будущее всех инновационных процессов на Евразийском пространстве.
5. Создание на Евразийском пространстве в Среде инновационного развития (СИР) международного инновационного университета, который будет обучать инновационному предпринимательству, стратегическим компетенциям XXI века (интуитивное управление распределением потока вероятностей, капитализация психических ресурсов, управление жизненным циклом модели поведения, управление стоимостью гудвила, сборка и разборка социальных субъектов, матрично-эгрегориальное управление, семантическое управление, рефлексивное управление в полисубъектных средах и др.), транслировать ценности на Евразийском пространстве и будет являться социогуманитарным гравитоном, который постоянно притягивает евразийскую молодёжь и формирует её сознание, образ мышления, ценности, идеалы, убеждения.
6. Встраивание в Среде инновационного развития (СИР) на Евразийском пространстве механизмов рекрутирования из различных звеньев системы реальной инновационной элиты субъектного типа с универсальным синтетическим мышлением на конкурентной основе, исходя из персональных электронных рейтингов, которые должны присваиваются всем участникам Среды. Рейтинги позволяют учитывать все выполненные полезные дела для данной Среды, заслуги, портфолио участников и являются нематериальной мотивацией, а также служат основой для коллективного принятия

всех управленческих решений путём электронного голосования в информационно-аналитической платформе Среды. Принятие всех решений осуществляется на основе электронного голосования, в котором учитываются все персональные рейтинги участников инновационных процессов. При этом голос, рекомендация, указание или приказ участника с более высоким рейтингом являются более значимыми при принятии всех управленческих решений, чем участника с более низким рейтингом, что позволяет реализовать настоящую «электронную демократию».

7. Обеспечение постоянного притока ресурсов (финансы, кадры, технологии и др.) в Среду инновационного развития для её развития и увеличения потенциала. Обеспечивается созданием Специальной Евразийской Метакорпорации, которая будет осуществлять координацию и поддержку всех участников инновационных процессов, местом встречи инноваторов и венчурных инвесторов, научной, бизнес и государственной элиты стран ЕАЭС, коммуникационной и экспертной площадкой, вести летопись инновационной жизни и историй успеха инноваторов, увеличивать конкурентоспособность всех стран участниц ЕАЭС.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с.
http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
2. *Лепский В.Е., Рапуто А.Г.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернет. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 96 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Философско-методологические основания и специфика социогуманитарного проектирования инновационных инфраструктур на Евразийском пространстве» проект № 14-23-01013

СУБЪЕКТНЫЕ ОНТОЛОГИИ КАК РЕФЛЕКСИВНО-АКТИВНЫЕ СРЕДЫ РАЗВИТИЯ

В.И. Мусеев (Институт философии РАН, Москва)

Аннотация. Дается краткое описание моделей субъектных онтологий как рефлексивно-активных сред развития. В основе данных моделей лежат мгновенно сменяющие друг друга онто-поля – системы скоординированных онто-регионов (например, внешнего и внутреннего миров). На онто-полях как мгновенных системах отсчёта определяются субъект-объектные

инварианты. На этой основе могут быть определены концепты развития, выделены разные виды рефлексии.

Ключевые слова: субъектная онтология, рефлексия, эмпатия, развитие, инвариантность.

SUBJECTIVE ONOLOGIES AS REFLEXIVE-ACTIVE ENVIRONMENTS OF DEVELOPMENT

V.I. Moiseev

(Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. A brief description of the models of subjective ontologies as reflective and active environments of development is presented. At the heart of these models, immediately successive onto-fields are done, as coordinated systems of onto-regions (e.g., external and internal worlds). On onto-fields, as instant reference systems, the subject-object invariants are defined. On this basis, theory of development allocated to different types of reflection can be defined.

Keywords: subjective ontology, reflection, empathy, development, invariance.

В ряде работ автора [1,2] развиваются модели так называемых «субъектных онтологий» - тип онтологических моделей, в которых реальность моделируется в виде регионов внешнего и внутренних миров, рядоположенных в рамках единого онтологического поля. Подобные модели имеют переклички с рефлексивной логикой В.А.Лефевра [3] или интегральными моделями AQAL американского философа К.Уилбера [4]. Также имеются пересечения с идеями «формальной феноменологии» В.Л.Васюкова [5] и рефлексивно-активными средами развития В.Е.Лепского [6]. В моделях субъектных онтологий ставится задача развития более структурного подхода в стиле своего рода «строгой феноменологии».

В общем случае в каждый момент времени реальность моделируется как система онто-регионов в рамках онто-поля. Простейшая структура на регионах – булева, но в общем случае могут рассматриваться всё более сложные случаи структуризации как самих регионов, так и отношений между ними. Динамика выражается как смена во времени разных онто-полей с разной структурой онто-регионов.

Каждое мгновенное онто-поле рассматривается как аналог мгновенной системы отсчёта, в рамках которой могут формировать свои мгновенные представления те или иные инвариантные структуры.

Для выражения инвариантных структур в моделях субъектных онтологий используются средства *Проективно Модальной Онтологии* (ПМО) – формальной аксиоматической системы, оперирующей понятиями источника синтеза (модуса), его аспектов (мод), условий их проявления (моделей) и операторов сопоставления модусам

соответствующих мод (проекторы) и обратных операторов (сюръекторы) [1].

Средствами ПМО можно выразить инварианты как модусы, их мгновенные проявления в онто-полях как моды, тем самым формулируя наиболее общее представление инвариантных конструкций в структуре субъектных онтологий – так называемую *модус-инвариантность*. Обычная инвариантность, основанная на изоморфизмах (*изо-инвариантность*), может быть представлена как частный случай модус-инвариантности.

Таким образом, мгновенные онто-поля со структурами онто-регионов и «висящими» над ними инвариантами – такова минимальная структура моделей субъектных онтологий как «строгой феноменологии». Далее возможны разного рода обогащения и приложения описанной минимальной конструкции. В частности, в рамках моделей субъектных онтологий можно более строго выражать разного рода рефлексивные процессы и процессы развития, представляя субъектные онтологии как своеобразную рефлексивно-активную среду развития [6].

Процесс развития в описанных конструкциях может быть выражен в общем случае как процесс роста инвариантности, т.е. образования более мощного модуса, который охватывает в качестве своих мод большее число образований в мгновенных онто-полях. Следует также отметить, что модус-инвариантность выступает в данном случае как обобщённая (субъект-объектная) инвариантность, способная одинаково хорошо выражать инвариантные структуры как в области регионов внутренних миров, так и в области внешнего мира. Например, в виде роста модус-инвариантности можно выразить развитие представлений о внешнем объекте у ребёнка или формирование степени интеграции «я» субъекта.

Далее в моделях субъектных онтологий можно выражать разного рода рефлексивные (и обратные - эмпатические) преобразования, которые можно трактовать как своеобразные операторы на структуре онто-полей. Например, можно выделять несколько видов рефлексии и эмпатии.

Экранная рефлексия – вид преобразования из одного онто-поля Π_1 в другое поле Π_2 , при котором достигается гомоморфное отображение Π_1 в некоторый регион внутреннего мира в поле Π_2 .

Для определения следующего вида рефлексии необходимо дать ряд предварительных пояснений.

В общем случае в структуре субъектных онтологий можно определить такой вид инварианта, как «источниковое эго» - такой вид «я» субъекта, который переживается как источник разного рода его «эманаций» - переживаний, действий, объектов собственности и т.д. В

этом случае *источниковая рефлексия* – это переход от некоего X к его специфическому отношению $R(E, X)$ с источником это E , например, от мысли X к отношению «я мыслю X ».

Третий возможный вид рефлексии может быть назван *анимационной рефлексией*: она выражается в переводе я-переживаний в не-я-данность, т.е. обнаруживает в качестве сферы не-я (другого) то, что ранее переживалось как область я (моего).

В общем случае эти виды рефлексии могут более-менее сложно взаимодействовать между собой, формируя разветвлённые рефлексивно-эмпатические определения и процессы в среде субъектных онтологий.

В целом следует отметить, что модели субъектных онтологий могут рассматриваться как наиболее общая сфера «жизненного мира», в которой рядоположены между собою все определённости – как внешнего, так и внутренних миров. Средствами ПМО и других структурных средств возможно формирование теории субъектных онтологий как достаточно строгой методологии («строгой феноменологии»).

Литература

1. *Моисеев В.И.* Логика открытого синтеза: в 2-х тт. Т.1. Структура. Природа. Душа. Кн.1-2. – СПб.: ИД «Мирь», 2010.
2. *Моисеев В.И.* Человек и общество: образы синтеза. В 2-х тт. т.1-2. – М.: ИД «Навигатор», 2012.
3. *Лефевр В.А.* Алгебра совести / Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2003.
4. *Уилбер К.* Краткая история всего. – М.: АСТ: Астрель, 2006.
5. *Васюков В.Л.* Формальная феноменология. – М.: Наука, 1999.
6. *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00825 «Постнеклассическая интегральная философия: образы социального протокола»; проект № 13-03-00222 «Концепт гуманитарной медицины: фундаментальное и прикладное».

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА КАК РЕФЛЕКСИВНО- АКТИВНОЙ СРЕДЫ РАЗВИТИЯ

Е.А.Никитина (МИРЭА, Москва)

Аннотация. Жизненный мир человека рассматривается как базовая рефлексивно-активная среда развития, в которой формируется субъектность; исследуется трансформация структуры субъектности в условиях

становления интеллектуальной информационно-технологической среды человеческого существования).

Ключевые слова: жизненный мир, информационные технологии, субъект.

INFORMATION TECHNOLOGY AND THE TRANSFORMATION OF HUMAN LIFE WORLD AS THE REFLECTIVE-ACTIVE ENVIRONMENT DEVELOPMENT

E.A.Nikitina (MIREA, Moscow)

Abstract. Human life-world is considered as the base of the reflective-active environment, in which subjectivity is formed; it shows the transformation of the structure of subjectivity in the formation of intellectual information technology environment of human existence.

Keywords: life-world, information technology, subject.

«Жизненный мир» человека – философское, историческое, культурное понятие, в котором фиксируются инварианты бытия человека, бытия «Я» каждого из нас. Это мир повседневной целеполагающей деятельности человека, мир смыслов и решений, к которому принадлежим мы все, мир, в котором происходит социализация человека [1] и который, в сущности, является базовой рефлексивно-активной средой развития [1, 2]. О значимости жизненного мира как смыслового фундамента науки размышлял Э.Гуссерль в своем труде «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», опубликованном в 1945 г., обращая внимание на разрыв, существующий между универсальным миром идеализированных интересубъективных объектов науки и жизненным миром человека. Опытнo-математическое естествознание, созданное в Новое время, отдалилось, по мнению Гуссерля, от проблем человеческого существования, выделив из всей целостной жизни физико-математическое, научное измерение.

Современные наука и технологии, ориентированные на потребности человека, уже не мыслятся как нечто внешнее и чуждое по отношению к жизненному миру человека, они становятся, по сути, его неотъемлемой частью. Технологии определяют способы предметно-практической деятельности человека, инструментально опосредуют восприятие мира, влияют на формирование идентичности современного человека. Жизненный мир формируется как активная техносреда повседневного человеческого существования, в которой важную роль играют информационно-коммуникационные технологии. Так, в соответствии с прогнозами, к 2020 г. к Интернету будет подключено от 30 до 50 млрд. объектов. При этом, такие тенденции развития Интернета, как Интернет вещей (Internet of Things), промышленный Интернет

(Industrial Internet), Интернет сервисов (Internet of Services) Интернет медиаконтента (Internet of Media), Интернет всего (Internet of Everything) свидетельствуют о существенной трансформации информационно-технологической составляющей жизненного мира человека. Формируется рефлексивно-активная информационная техносреда человеческого существования. Действительно, реализация новой функциональности Интернета возможна при условии обеспечения совместимости гетерогенных систем и разнородных ресурсов, т.е. при условии достижения семантической совместимости – возможности компьютерных систем обмениваться смыслами передаваемых сообщений с однозначным их пониманием вне зависимости от форм представления [3]. Создание интеллектуальной, активной, адаптивной окружающей техносреды, объединяющей гетерогенные системы и разнородные ресурсы, безусловно, радикально изменит жизненный мир человека: изменятся и уже меняются привычные представления о реальности, субъекте, смысле жизни, границах свободы, привычные способы ориентации человека в мире и ценности; возникают новые риски человеческого существования [3, 4].

Происходящие изменения затрагивают глубинные основания формирования субъектности, ведь жизненный мир человека является, в сущности, конструктивной средой, содержащей необходимые структуры, институты, типизации, в которых закреплены знание и информация, передающиеся индивиду в процессе его социализации. Жизненный мир – непосредственный фактор субъектогенеза, когногенеза. Субъект познания является открытой системой, взаимодействующей со средой; в индивидуальном «Я» и индивидуальных формах человеческой деятельности и мышления субъективируется, сохраняется, воспроизводится всеобщее, коллективное, совокупное человеческое знание и культура, а также опыт человеческой деятельности. Одновременно развитие культуры и социума поддерживается целеполагающей, преобразующей деятельностью субъекта-индивида. Существует глубинное единство индивидуального, коллективного (микросоциального) и социального (макросоциального) субъектов, единство индивидуальных, коллективных и социальных когнитивных структур [4].

Устойчивыми, эпистемологически значимыми структурами социальной реальности, формирующими субъектность, являются социальные институты, стереотипы поведения, деятельности, нормы и т.п., которые осознанно/неосознанно осваиваются индивидуальным субъектом, становятся его личностными когнитивными установками и одновременно значимым фактором функционирования социума, влияют на содержание и форму знания. Часть структур усваивается

индивидом без осознания, без рефлексии и таким же способом функционирует в виде сложившихся у индивида когнитивных функциональных систем и установок, которые могут реализоваться в деятельности индивида автоматически, под влиянием привычных «запросов» среды и потребностей человека.

Рост применения интеллектуальных компьютерных систем в различных видах человеческой деятельности, автоматизация интеллектуальной деятельности человека, постепенно приводят к изменению структуры познания и структуры субъектности: формируется смешанный, человеко-машинный познавательный инструментальный и комплексный тип рациональности. В повседневной и профессиональной информационно-технологической среде жизнедеятельности человека стало привычным сочетание мышления человека и машинных вычислений, биологической памяти человека и внешней памяти на информационных носителях, коммуникации «лицом к лицу» и коммуникации, опосредованной информационными технологиями, телесного опыта в реальной жизненной среде и среде виртуальной, человеческого и машинного зрения и т.п. Разнообразные компьютерные системы, имеющие функции памяти, навигации, принятия решений и т.п., систематически используемые человеком для поиска, обработки и хранения информации, для управления, фактически становятся частью когнитивной системы человека, превращаются во внешний компонент внутреннего мышления человека. Более того, функции коллективного и социального субъектов начинают выполнять различные виды информационных систем, интеллектуальных систем управления и обработки информации.

Таким образом, жизненный мир человека как базовая рефлексивно-активная среда развития трансформируется под влиянием новой формирующейся интеллектуальной информационной техносреды человеческого существования. Проблема сборки субъектов [5] в данных условиях приобретает вид проблемы конструирования субъектов.

Литература

1. Лекторский В.А., Кудж С.А., Никитина Е.А. Эпистемология, наука, жизненный мир человека. Вестник МГТУ МИРЭА. 2014. № 2 (3). С. 1-12.
2. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с.
http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
3. Никитина Е.А. Конвергентные технологии и трансформация структуры познания // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 5 (8). С.157-166. [Электронный ресурс].
URL:http://www.muiv.ru/vestnik/pdf/pp/ot_2014_5_157-166.pdf

4. *Никитина Е.А.* Проблема субъекта в современной эпистемологии // Перспективы науки и образования. 2015. № 2 (14). С.16-24. [Электронный ресурс].
[URL:https://pnojournalfiles.wordpress.com/2015/01/pdf_150202.pdf](https://pnojournalfiles.wordpress.com/2015/01/pdf_150202.pdf)
5. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН. 2010.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПАРКА ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*О.Н. Павлова (Барановичский государственный университета, г.
Барановичи, Республика Беларусь)*

*В.П.Старжинский (Белорусский национальный технический
университет, г. Минск, Республика Беларусь)*

Аннотация. Рассматривается специфика системного метода для объяснения (описания) функционирующих систем и проектирования - созидания систем. Выделяется целевой и объектный уровень проектирования. Применяется системная методология для анализа способов проектирования инновационной инфраструктуры Парка высоких технологий (ПВТ) как одного из базовых звеньев национальной инновационной системы (НИС).

Ключевые слова: Системная методология, проектирование структур, инфраструктура, инновационное развитие, национальная инновационная система.

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS OF THE INFRASTRUCTURE OF THE PARK OF HIGH TECHNOLOGIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Pavlova O. N.

Baranovich state University, Baranovich, Belarus

V. P. Starzhinsky.

Belarusian national technical University, Minsk

Abstract. Specifics systemic method for the explanation (description) of systems and design - build systems. Allocated target object and the level design. Applies a systematic methodology for the analysis of the development of innovation infrastructure of high technology Park (HTP) as a basic element of the national innovation system (NIS).

Keywords: System methodology, design of structures, infrastructure, innovation, national innovation system.

Для решения конструктивных задач проектирования и созидания (построения) систем в первую очередь следует учитывать состав элементов, структуру, а также выполнение системой и ее элементами определенных функций. Отличительное свойство элемента - это его необходимое прямое участие в создании системы. Без хотя бы одного элемента, система не может существовать. Элементы - это относительно неделимые части целого, объекты или операции, которые имеют минимальную структуру для выполнения соответствующих функций.

Структура - это закономерные устойчивые связи между элементами системы, отражающие пространственную и временную определенность элементов и характер их взаимодействия. Функция характеризует поведение системы в определенной среде. Как правило, функции проявляются в форме действий и воспроизводят возможности системы.

Системный метод может применяться для объяснения (описания) функционирующих систем и проектирования - созидания систем. У каждого из этих подходов – свои цели, объекты и алгоритмы решения. При описательном подходе внешние проявления системы (ее целесообразные свойства, а также функции как способы достижения цели) объясняются через ее внутреннее устройство - состав и структуру. При проектировании системы процесс идет в следующей последовательности: проблемная ситуация - цель - функция - состав и структура - внешние условия. В конструктивной системе цель задаётся человеком, и она определена для выполнения полезной функции. Выявление цели – результат понимания потребности. Возникновение потребности, осознание цели и формулирование функции – процессы, происходящие «внутри» субъекта. Выделяют также объектно – ресурсный внешний план деятельности – методы и средства, помогающие реализовать представленную цель. Вместе с тем, несмотря на отличия, описательный и конструктивный подходы системного метода тесно связаны и взаимно дополняют друг друга. Системный метод применяется по отношению к естественным системам (объектам) и искусственным. Искусственная или конструктивная система имеет четыре фундаментальных признака: функциональность, целостность (структуру), организацию, системное качество.

Применим системную методологию к проектированию инновационной инфраструктуры Парка высоких технологий (ПВТ) как одного из базовых звеньев национальной инновационной системы (НИС). Дословно термин «инфраструктура» означает подсистему в ее структурной определенности, которая выступает в качестве основания, ресурсной поддержки функционирования основной системы – НИС,

представленной на разных уровнях ее организации. Функция инновационной инфраструктуры как системы вспомогательного уровня заключается в поддержке бизнес-процессов на всех этапах инновационного цикла развития, обеспечивая оптимальные условия для осуществления деятельности субъектов инновационного производства. Системная методология при исследовании процессов проектирования инновационной инфраструктуры и заключается в рассмотрении инновационного развития как взаимосвязи элементов, выполняющей в единстве совокупность определенных функций и реализующих ресурсную поддержку инноваций.

Инновационная инфраструктура Парка высоких технологий (ПВТ) включает в себя, по меньшей мере, следующие подсистемы: 1) производственно-технологическую; 2) информационную; 3) организационно-управленческую; 4) финансово-экономическую; 5) сбытовую; 6) научно-образовательную (кадровую); 7) сервисную; 8) экспертизы инновационных программ; 9) сертификации; 10) страхования; 11) сетевого взаимодействия; 12) нормативно-правовую; 13) социальную; 14) интеллектуальную и другие. Все эти подсистемы направлены на поддержку цикла «от идеи к внедрению (коммерциализации)», то есть осуществления инновационной деятельности.

Основу инновационной инфраструктуры ПВТ составляет подсистема генерации знаний, которая представляет собой совокупность наукоемких, высокотехнологичных и инновационных компаний государственного и частного секторов, выполняющих анализ, проектирование и программное обеспечение информационных систем, фундаментальные и прикладные исследования, экспериментальные разработки в области естественных и технических наук и реализация результатов таких исследований и разработок.

Подсистема государственной поддержки создания и роста высокотехнологичных предприятий реализуются, в частности, через обеспечение специального правового, налогового, таможенного режима резидентам ПВТ.

Подсистема управления и регулирования включает:

- наблюдательный совет, осуществляющий общую координацию работы ПВТ, а также управление и контроль за деятельностью ПВТ
- администрацию ПВТ, которая обеспечивает организацию работ по созданию, функционированию и управлению парком как единым комплексом, и координирует работу по экспертизе инновационных проектов.

Подсистема информационной инфраструктуры обеспечивает взаимодействие между всеми участниками проекта в режиме реального

времени, обеспечивает экономической, научно-технической, правовой, технологической информацией, результатов НИОКР с использованием информационных ресурсов, технологий и систем, информационно-телекоммуникационных сетей, баз данных и знаний, центров доступа, Интернет-ресурсов.

Образовательная подсистема осуществляет передачу знаний и воспитание инновационного общества, повышение квалификации и развитие навыков управления инновационного бизнеса, обмен опытом и включает в себя учебные и образовательные центры, филиалы вузов и университетов, технопарки, научные парки, бизнес инкубаторы и т.д.

Подсистема продвижения на рынок (сбытовая) обеспечивает создание инновационной среды, снижения издержек по разработке и продвижению высокотехнологичной продукции, используя коммуникативные, логистические методы и маркетинговые приемы.

Консалтинговая подсистема производит анализ, обоснование перспектив развития и использования научно-технических, организационно-экономических и других инноваций. Реализуется через организацию помощи в областях управления, экономики, финансов, инвестиций, планирования, оптимизации ведения бизнеса.

Подсистема аутсорсинга содействует реализации инновационных проектов для снижения издержек и повышения качества IT-товаров.

Социальная и сервисная подсистемы обеспечивают условия повышения уровня и качества жизни работников и гостей резидентов ПВТ.

Территориально-структурная подсистема оказывает размещение на своей территории субъектов инновационной инфраструктуры, помещений административного, научно-исследовательского назначения, объектов коллективного пользования, а также объектов социальной инфраструктуры (жилой комплекс, объекты торговли, сервиса и досуга).

Ядром всей инновационной сферы является IT- предприятие. Его технологический уровень, конкурентоспособность продукции (и по функциональному совершенству и по цене), эффективность производства, позиции на рынке, стабильное финансовое положение определяют устойчивый и возрастающий спрос на знания, на новые технологии, продукты, методы и системы управления.

Взаимодействие между элементами подсистем, рассматриваемое как проектирование инновационного процесса, образует:

- материальный поток, при котором элементы переходят из одной подсистемы в другую;
- информационный поток, при котором структура одной подсистемы отображается в структуре другой;

- энергетический поток, при котором функция одной системы изменяется под влиянием функционального поведения другой.
- поток управления, когда меняются связи между системой и ее окружением.

Системный подход для проектирования, внедрения и отладки инновационной инфраструктуры помогает выявлять узкие места и перенастраивать некоторые свойства инновационной инфраструктуры, дополнять недостающими элементами для обеспечения оптимального функционирования.

СУБЪЕКТНО-СРЕДОВОЙ КОНТИНУУМ В РАЗВИТИИ

Д.В. Реут

(МГТУ им. Н.Э. Баумана, МГГУ им. М.А. Шолохова, г.Москва)

Аннотация. Предложена модель субъектно-средового континуума. Она может быть использована в качестве пространства и конструктора при проектировании субъекта экологии и гигиены культуры, а также – субъекта развития.

Ключевые слова: метадисциплинарность, культура, цивилизация, экология культуры, гигиена культуры.

SUBJECT/ENVIRONMENT CONTINUUM IN PROGRESS

D.V.Reut (Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow)

Abstract. The model of a subject/environmental continuum is suggested. It can be used as space and “the meccano” at design of the subject of ecology of culture and the subject of hygiene of culture, and also – at design of the subject of development.

Keywords: trans-disciplinarity, culture, civilization, ecology of culture, hygiene of culture.

1. Как показывают материалы десяти международных симпозиумов «Рефлексивные процессы и управление» и многочисленные сопутствующие публикации, «сборка субъектов развития» странового масштаба, заявленная в качестве предмета своей разработки группой (сегодня можно сказать – школой) В.Е. Лепского, потребовала аккумуляции в своем «инструментальном ящике» для последующего креативного употребления не только научного, но также социально-инженерного и методологического инструментария.

2. Мы полагаем, что полезной единицей используемого инструментария могла бы стать концепция крупномасштабных систем

[1] и следующая из нее концепция субъектно-средового континуума. Попытаемся это показать.

3. Модель глобальной системы составлена из взаимосвязанных экономических, социальных, прокреационно-демографических [1] и экологических подсистем.

4. В работе [2] заявлена модель глобального социума как «совокупность связей и отношений между людьми, непосредственно участвующих или имеющих отношение к совместной жизни и деятельности» [3, с. 144]. Указанные феномены являют динамику, иногда настолько разнообразную, что можно говорить о распределении социальных тел по слабо связанным между собой темпомирам [4]. Вызываемые различными причинами (от рефлексии до целенаправленного развития социальных технологий) флуктуации темпов функционирования социальных тел способны перестраивать их темпоральные иерархии, идентифицируемые А.Дж. Тойнби как сменяющие друг друга либо сосуществующие цивилизации.

5. Нам представляется конструктивным соотносить сохранение накопленных достижений социума и развитие его в изменяющихся условиях с проблемами экологии и проблемами гигиены. В соответствии с общепринятыми представлениями мы трактуем *экологию* как дисциплину, посвященную «взаимодействиям живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой». Человек является единственным из всех живых существ, применительно к которому можно рассматривать среду обитания как среду культурную [5].

6. Тогда под *экологией культуры* мы понимаем дисциплину, посвященную взаимодействиям людей и человеческих сообществ с людьми, человеческими сообществами и культурной средой.

7. Мы предлагаем развивать и дополнять экологический посыл превентивными мерами в направлении, которое мы условно называем «гигиеническим». В дополнение к положениям работы [3] мы полагаем, что в социальное тело входят не только связи и отношения между людьми, но и каждый конкретный человек как фокус рассматриваемых отношений. Варьирующаяся степень связности в пространстве глобальной человеческой общности в тех или иных социальных контекстах позволяет выявлять соответствующие этим контекстам более или менее стационарные социальные тела.

8. Каждый в принципе может идентифицировать себя как элемент некоторой совокупности таких тел, вложенных друг в друга и/или пересекающихся одно с другим. Множественность и нестационарность упомянутых вложений и пересечений вызывает «чуму XXI века» – кризис идентичности. К тому же эта совокупность не обладает дискретностью матрешки, в которой всегда можно вычлени-

очевидное ядро и очевидные оболочки. Обсуждаемую совокупность скорее можно сопоставить с луковицей, у которой ядро в процедуре «раздевания» так и не обнаруживается. Ведь до сих пор ни Философу, ни Социологу, ни Психологу не удается исчерпывающе ответить на вопрос – что есть «я» и каковы его границы? А между тем именно это умозрительное «я» центрирует описываемое многослойное социальное «луковичное облако» – субъектно-средовой континуум.

9. Человеческие сообщества (те или иные «облачные» структуры) – в зависимости от направления взгляда исследователя – могут быть причисляемы либо к акторам, которым исследователь, идентифицируясь с каким-либо сообществом, приписывает некоторые цели и возможности в отношении среды, либо к пассивной среде, с которой акторы что-то делают в своих целях и в силу своих возможностей. Предложенная модель субъектно-средового континуума может быть использована в качестве пространства и конструктора при проектировании не только субъекта экологии и гигиены культуры, но и субъекта развития и/или включающего их полисубъектного окружения.

10. Мы предлагаем подвергать уточнению *тип отношений* актора или субъекта развития (как «облачной» структуры того или иного объема и уровня) с остальными слоями этой же структуры (как средой). При взгляде «наружу» и акцентировании неодушевленного аспекта наружных слоев «облачной» структуры обсуждаемые отношения имеют *экологический* характер. При взгляде с внешних обводов «облачной» структуры социума «внутрь» и/или признании живого начала социума в целом эти отношения приобретают качественно иной характер, который мы в данной работе называем *гигиеническим*.

Литература

1. Реут Д.В. Крупномасштабные системы: управление, методология, контроллинг. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013. 182 с.
2. Реут Д.В. Институт рефлексии коллективного субъекта, содержащего дрейфующие иерархии: от объяснительной теории к практике в контексте постнеклассической научной рациональности // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов 9 международного симпозиума 17 – 18 октября 2013 г., Москва / отв. Ред. В.А. Лепский – М.: «Когито-центр», 2013. С. 304 – 306.
3. Тихонов А.В. Социология управления. М.: «КАНОН+», 2007. 472 с.
4. Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
5. Каган М. Философия культуры. СПб., 1996. 415 с.
6. Медицинская энциклопедия
http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/8341/

РЕФЛЕКСИЯ В КОЛЛЕКТИВНОЙ МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Б.В. Сазонов (Институт системного анализа РАН)

Аннотация. Показана специфика рефлексии в процессах коллективной мыследеятельности.

Ключевые слова: рефлексивный выход, разрывы в деятельности, рефлексивная организация воспроизводства систем деятельности.

REFLECTION IN COLLECTIVE THINKING ACTIVITY

B. V. Sazonov

(Institute of system analysis Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. Shows the specificity of the reflection in the processes of collective thinking activity

Keywords: Reflective lifting, breaks in activities, reflexive organization of the reproduction of systems of activity.

Сегодня «Рефлексия» является топическим понятием обыденного сознания¹, потерявшим предметность, или иначе, рассыпанным среди множества дисциплин и интеллектуально обустроенных областей деятельности, каждая из которых выстраивает свою конструкцию, в простейшем случае не идя дальше топических представлений. И лишь историки философии способны выстроить более или менее систематическую линию (ряд линий) таких дисциплин, в которых данное понятие не только присутствует в качестве элемента парадигмы/языка, но и выделяется и формируется (рефлектируется!) в качестве ключевого для всей конструкции.² История рефлексии в таком случае сливается с историей интеллектуальных областей деятельности и как некоторое общее понятие связано в той же мере в какой связаны они. Я вижу свою задачу в том, чтобы показать то новое в понятии рефлексии, что привносит Московский методологический кружок (ММК), разрабатывая, в рамках деятельностного подхода, интеллектуальную технологию Коллективной мыследеятельности (КМД, аббревиатура, расшифровываемая также как связь Коммуникации, Мышления и Деятельности).

В принципе, построение собственного понятия рефлексии (собственной рефлексивной технологии) шло в ММК как автономный – по отношению к идеям и практикам других авторов – процесс,

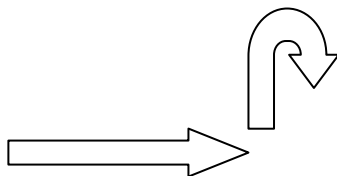
---

¹ Говоря о понятии, я имею в виду наличие в его структуре организационно-деятельностной составляющей.

² С этой точки зрения рефлексия это не мышление о мышлении, как часто говорят, а рефлексия над рефлексией.

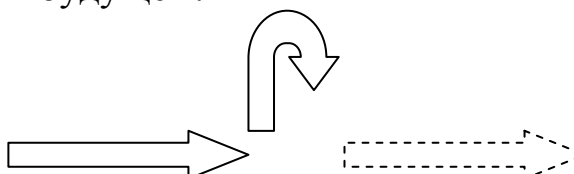
вытекающий из логики развития собственного варианта деятельностного подхода. Если и имели место аналитико-критическое отношение к внешним конструкциям рефлексии и их ассимиляция в какой-то форме, то они делались по ходу собственного движения. Но сегодня, в свете завершения работы Круга, мы можем не воспроизводить его историю и, в частности, историю обращения к понятию рефлексии,¹ а систематизировать те проблемы, какие обнаруживаются во внешних разработках данного понятия и какие заставили, в конечном счете, отказаться от заимствований и конструировать нечто новое.

Начнем с топических представлений рефлексии, считая, что они реально определили начальную рефлексивную практику ММК. (Хотя в ранних теоретических работах Круга воспроизводится на этот счет марксистско-гегелевская фразеология.) В качестве такой топики примем *схему «рефлексивного выхода»*:

Рис.1

Схема предельно абстрактная и означает процесс выхода вверх над некоторой сущностью (ее процессом) того, что имеет отношение к этой сущности. Чтобы отметить, что данный шаг делается с целью изменения этой сущности, расширим нашу схему, обозначив ее возможные продолжения в будущем:

Рис.2²

Это изображение позволяет ввести понятие *разрыва* между процессами (для упрощения скажем, процессами деятельности), рассматривая их в качестве составляющих единого процесса, разорванного и одновременно связанного посредством рефлексии.

Далее эту простую онтологическую *схему рефлексии* можно «опредмечивать», придавая то или иное содержание ее элементам в

¹ Работы В.А. Лefевра, которые, однако, наметили другую траекторию методологического движения, нежели та, о которой говорю я.

² Эту схему можно было бы разворачивать и далее, рисуя «Янус-стрелку», одна сторона которой аналитически и оценочно смотрит в прерванное прошлое, тогда как другая выстраивает перспективы.

контексте того или иного предметного научного исследования.¹ Однако нас, в методологическом подходе, интересуют типы и способы ее возможных предметных употреблений, а также те явные и латентные проблемы, которые возникают в результате новой интеллектуальной процедуры (не только проблемы, решаемые с помощью рефлексии, а и проблемы самой рефлексии).

Выясняется, что данная онтологема, понятая как *схема акта рефлексии*, обладает неограниченными возможностями *интерпретации*, практически, на любом деятельностном материале.² В любой деятельности (взятой ли феноменально или сквозь призму категориальных определений как физическую, психическую, ментальную, социальную и так далее) можно обнаружить подобные акты рефлексии: процессы и их остановки/разрывы – более или менее радикальные, требующие более или менее радикальных инструментов рефлексивного анализа и построения новых, снимающих разрывы процессов деятельности. (Прерванный и продолженный телефонный разговор, обращение к собственному тексту с целью его редакции, разбор трудной жизненной ситуации – все это можно понять через призму акта рефлексии.)

Широкое распространение такого подхода оказалось возможным за счет смыслового, а не понятийного употребления таких онтологических схем – приписывания чему-то в деятельности значений элементов схемы при непроработанности самих этих значений. (Опора на смыслы вместо работы со значениями.)

Главная же слабость сведения рефлексии к отдельным рефлексивным актам или даже их последовательности та, что они, подобно многим кейсам, не обладают обобщающей эвристической силой. (В работах Г.П. Щедровицкого, В.М. Розина и А. Москаевой детально показано, что разрывы в счете с помощью камешков в конечном счете преодолевается благодаря появлению ряда натуральных чисел. Но из этой работы не следует, каким образом можно в дальнейшем преодолевать разрывы подобного рода – только если он вообще имеет типологические особенности. Отметим, кстати, что и этот «кейс», претендующий на объяснение происхождения ряда натуральных чисел, понятийно не развит: разрыв в процессе счета и пересчета баранов записан за пастухом, тогда как его рефлексивное осмысление и

---

¹ Значительное место формированию подобных онтологем и их научно-предметной «реализации» уделено во многих работах Г.П. Щедровицкого.

² К сожалению, мы не можем здесь обсудить различные функции употребления схемы акта рефлексии. Назову лишь различие объяснительно-теоретической реконструкции законченного акта рефлексии и организационно-практическую установку на ее применение в связи с намечаемым разрывом в деятельности.

преодоление предполагает фигуру «прикладного» математика, внешней по отношению к разрыву. Но тогда возникает вопрос, можно ли говорить о рефлексии, если разрыв в процессе деятельности (ре)конструирует и снимает не его участник? Или, кого можно считать участниками процесса рефлексии и нужно ли говорить об их структуре? Или, как и в чьих глазах должна выглядеть модель исходного процесса, чтобы понять ее в качестве исходной точки рефлексии?)

Более продуктивным выглядит направление, в котором рефлексия не сводится к отдельным разовым уникальным, по сути дела, актам, а рассматривается в качестве *элемента в структуре воспроизводства систем деятельности*. Притом не случайного, а ключевого, что позволяет говорить о *рефлексивной организации воспроизводства систем деятельности*. Понятие воспроизводства и его схемы являются фундаментальными для деятельностного подхода. В частности, на них вводится различие естественного и искусственного механизмов воспроизводства деятельности, где искусственное предполагает осознание проблем, связанных с воспроизводством и налаживание специальных инструментов управления данным процессом. Эти искусственные механизмы управления процессами воспроизводства деятельности резко ускоряют динамику изменения воспроизводимых систем деятельности – динамику, сопутствующую и естественным механизмам воспроизводства. В предельном варианте управляемая динамика выступает как развитие систем деятельности. В этом контексте рефлексия оказывается одним из существенных механизмов развития: она отслеживает и даже упреждает появление проблем/разрывов в наличных процессах деятельности, понуждает к их рефлексивному осознанию и выработке новых средств деятельности, которые позволяют строить новые процессы, находящиеся в отношении развития к предшествующим.

Будучи элементом в воспроизводимой системе деятельности, рефлексия, начиная от спроса на нее как элемента развития и заканчивая характером связи с другими элементами, во многом определяется этой системой. (Это притом, что сама воспроизводимая система является искусственным, то есть конструируемым и реконструируемым образованием, чье оестествление лишь одна из фаз существования.) По-разному могут быть организованы, методологически проработаны процессы рефлексии. Могут различаться теоретическое, претендующее на нормативность описание рефлексии в рамках воспроизводимой системы и рефлексивная практика.

Таким образом, единство рефлексивного подхода остается на уровне функционального определения места рефлексии в развиваемых

системах деятельности (хотя и делаются попытки создать впечатление предметного единства, когда говорят о некоем рефлексивном мышлении – в научных, проектных, политических и иных системах деятельности).

ММК-методология (ММК-мл) является инструментом рефлексивной организации воспроизводства систем деятельности. Ее специфика в том, что она изначально выступает не столько как предметная дисциплина, сколько как *технология* развития систем деятельности, в которой рефлексия является одним из ведущих механизмов. Специфика ММК-мл также в том, что развитие систем деятельности она организует как коллективный процесс заинтересованных фигур/сторон, которые становятся субъектами управления развитием. Поэтому ее не устраивает распространенное теоретико-нормативное описание рефлексии как бессубъектного процесса – «рефлексирующего мышления», наслаивающегося над нижележащем слоем деятельности. Когда же в этом случае дело доходит до практического осуществления процесса рефлексии, то он организуется в виде индивидуального действия, совокупности индивидуальных действий, если в этот процесс вовлечен ряд лиц. (При этом даже достигнутый силовым образом компромисс не спасает от последующих «межличностных» конфликтов, на появлении которых паразитирует конфликтология.) Что касается организации процесса рефлексии в версии ММК-мл, то необходимая субъектность его участников (право и основание для участия в управлении воспроизведением некоторой системы деятельности) не дана как изначальный факт, а формируется за счет «выявления» специфической позиционности каждого (отличной от функционального места в деятельности и предполагающей самоопределение), «реконструкции» системы деятельности, в которой эта позиция значима, и вписывания полученной системы в общее пространство коллективной рефлексии. Начальная система деятельности (вопрос, всегда ли начало системно) раскладывается, таким образом, на совокупность многих субъектных систем и собирается вновь, как развивающая первую, но другая. Принципиально важным в этой картине является то, что выращиваемые и позиционно самоопределяющиеся субъекты могут принадлежать к разным дисциплинарным сообществам, принося с собой их проблемы, подходы и решения. Пространство деятельности, таким образом, оказывается междисциплинарным и открытым по этому параметру.

ИСКУССТВЕННО-ЕСТЕСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ

Б.В. Сазонов, П.В. Баранов (Институт системного анализа РАН)

Аннотация. Показана специфика развития социальных систем как Искусственно-Естественных систем

Ключевые слова: Категории естественного и искусственного, деятельностные механизмы развития социальных систем.

ARTIFICIAL-NATURAL SYSTEMS IN ACTIVE APPROACH

B.V. Sazonov, P.V. Baranov

(Institute of system analysis Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. Shows the specificity of development of social systems as artificial-Natural systems

Keywords: natural and artificial, activity mechanisms of development of social systems

Категории *Естественное* и *Искусственное* применительно к социальной действительности, социальным системам (И-Е-системы) появляются в противопоставление научному натуралистическому подходу, в котором Природа понимается как независимый от познающего человека (субъекта) и полученных знаний Объект, а научные дисциплины как аспекты или срезы с этого объекта. Борьба с натурализмом имеет свою историю и принимает разные формы, что позволило философии обозначить три периода развития науки – классический, только что названный нами, постклассический и неопостклассический, где каждый последующий отводит все большую роль субъектному фактору в научном познании.¹

Московский методологический кружок (ММК) начинал свою работу в начале 50-х годов прошлого века фактически с натуралистических позиций, разрабатывая содержательно-генетическую логику как теорию мыслительной деятельности. Переход на деятельностные позиции в начале 60-х годов был напрямую связан с принятием представления об искусственных системах. В одной из первых трактовок понятие искусственного, в противовес естественному, задавалось следующими схемами:

---

¹ В данном случае мы имеем ввиду фундаментальную работу В.С. Степина [1]

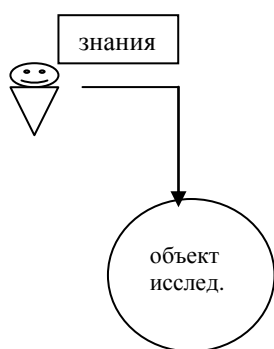

Рис.1

Схема классического научного исследования иллюстрировалась на примере исследования спутников Марса: оно осуществляется из внешней, по отношению к объекту, позиции субъекта, и наличие знаний о законах движения спутников не меняет этих законов.

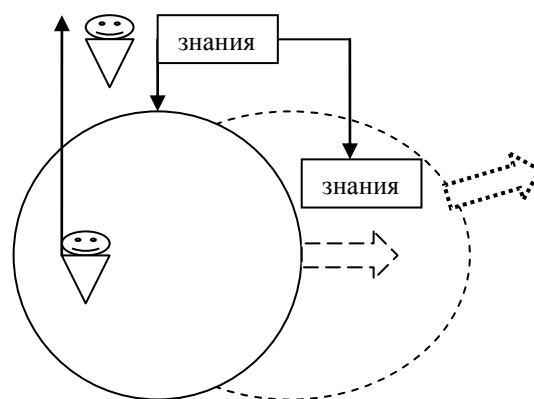

Рис.2

Иная ситуация с исследованием закономерностей в социальных системах (Рис.2): исследователь, принадлежа такой системе, выходит во внешнюю позицию познающего субъекта по отношению к ней как объекту исследования и получает определенные знания о законах функционирования и развития данной системы. Но тонкость в том, что полученные знания в свою очередь становятся элементами системы и, будучи освоены в деятельности, меняют систему и тренды ее развития.¹ (В ММК иллюстрировали это на примере научных теорий К. Маркса и деятельности марксистов. Его научная концепция естественно-исторического развития общества не оправдалась, однако радикально повлияла на судьбу XX века.)

Выдвинем ряд положений, касающихся специфики И-систем.

1. В отличие от систем Природы (натуральных, Е-систем), обладающих законами как функционирования, так и развития, независимых от познающего субъекта, И-системы не имеют таких *законов развития*. Можно говорить о *деятельностных механизмах развития*, в том числе завязанных на интеллектуальную деятельность, когда социальной практике предшествуют рациональные конструкции. Способы построения таких конструкций и установление их связей с социальной практикой, рациональные способы организации самой практики – предмет методологической работы.²

¹ В классической публикации В.А. Лефевра, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина была использована другая схематика, опирающаяся на нормативное воспроизводство систем деятельности [2].

² Такие деятельностные И-механизмы развития отличаются от практического приложения познанных социальных законов, не вписываются и в концепцию свободы как познанной необходимости. Отдельно можно рассматривать религиозные трактовки закономерностей социального развития: божественные законы *verse versa* социальные законы.

2. И- и Е- системы включают в себя действующего субъекта, свободного в выборе: он может относиться к системе (далее мы будем говорить лишь о социальных системах) как натуральному или же искусственному объекту безотносительно к его «действительной» природе, занимать научно-исследовательскую или конструктивную позицию. Иначе, он может осуществлять естественно-научный или деятельностный *подходы*, исследуя нечто в качестве естественного объекта или же конструируя его (понимая в качестве конструируемого).¹

3. Конфликт сайентистского и деятельностного подходов в трактовке социального развития возникает относительно поздно, в середине XIX века вместе со становлением натуралистического представления об обществе и соответствующих наук об обществе (исторический материализм марксизма, позитивизм). В оппозицию естественнонаучному, деятельностный подход мобилизует хотя и использующий науку, но не сводимый к научному исследованию инженерно-конструкторский подход, исходящий из принципа технологического детерминизма в развитии общества. (В ином варианте это был архитектурно-проектный подход, воспринявший инженерно-технократическую идеологию из романов Жюль Верна или работ того же Торстейна Веблена.) Конструктивизм конца XIX начала XX веков понимает социальный организм как подлежащую конструированию машину (Корбюзье: «Дом есть машина для жилья»), а инженера, к каковым относя и архитектора, предлагает в качестве главного социального управленца.

4. Отказ от понимания социальных систем как технических изделий или машин, а также от претензий инженера на властные роли оставил после себя установку на то, что интеллектуальная составляющая в И-подходе должна иметь форму *социального проекта* – как и в инженерии научно обоснованного, но не сводимого ни к научной теории, ни к инженерно-техническому решению. И если инженерно-технический проект предполагает *реализацию*, то есть доведения до конечного технического изделия за счет жестких формальных методов и производственных ресурсов, то социальный проект призван выступать прежде всего в качестве средства деятельности, быть перманентным, трансформируемым по ходу *исполнения*.² (Опять же примером служат труды Маркса, проектные по сути дела, их восприятие и развитие в процессе исполнения поколениями практикующих марксистов). Рациональность проекта (его

---

¹ Легко усматривается формальная матрица направлений интеллектуальной деятельности, образованных на пересечении типов систем и типов подходов.

² О специфике перманентного проектирования смотрите в работе Б.В. Сазонова [3]

обоснованность) при этом имеет самые широкие границы, опираясь на предположение, что исполняющая проект деятельность сумеет адаптировать его к уникальным и меняющимся социальным условиям. Проблемой, тем не менее, остается не степень рациональности того или иного проекта, а его онтологическая сущность – естественная или искусственная природа проектируемой системы деятельности и, соответственно, границы и возможности проектного подхода.

5. ММК-методология предлагает свой ответ на данную проблему, вводя представление о социальных системах как *И-Е-системах*, в которых системообразующими являются процессы *оестествления искусственного* и *обыскуствления естественного* в рамках объемлющего процесса воспроизводства деятельности.

В принципе, этот циклический процесс не придуман методологией и в своем «первозданном» виде выглядит таким образом, что конструируемая социальная новация, то есть проект той или иной степени рациональности, будучи освоен деятельностью, воспринимается в дальнейшем и воспроизводится как данность, как естественное состояние системы, как естественная среда существования ее социальных единиц.¹ В частности, в качестве естественной среды освоенная новация выступает и для следующего проекта. Проблемой в этой цепочке является то, что оестествленные до уровня среды новации не только «кажутся» естественными для членов социальной системы, а и являются таковыми в том смысле, что могут «сопротивляться» и отторгать очередную новацию подобно тому, как это делает естественная природа по отношению к вторжению человека. Традиционно эта проблема либо не ставится вообще, и проект «внедряется» методом проб и ошибок, либо делается попытка подключить научные исследования этой естественной среды с тем, чтобы определиться с закономерностями ее развития, которым должен удовлетворить проект. Но, как показано в наших работах [4], предмет исследования в контексте проектной деятельности детерминирован проектными задачами, вторичен по отношению к ним, а потому научные исследования не могут быть обособлены от и поставлены впереди проектирования, но должны быть встроены в него. Традиционная логика «научного обоснования» проекта: сначала исследуем, а затем спроектируем, используя знания об объекте проектирования, в принципе ущербны, поскольку эта среда станет другой в результате проектной деятельности.²

---

¹ Прожект – проект, умирающий на первой стадии вне зависимости от степени его рациональности.

² Проектная трансформация предпроектной ситуации/системы деятельности не знает исключений. Вопрос лишь в том, где искать ее границы.

Решение, предложенное ММК-методологией, заключается в особой процедуре «разъестествления» оестественной, ставшей естественной среды деятельности (той или иной системы деятельности) и ее перепроектировании и реорганизации в связи и в единстве с исходным новационным проектом. Разъестествление включает в себя реконструкцию тех проектных процессов, которые сформировали эту среду, соответственно, определение субъектов проектной, включая исполнительскую, деятельности, их ценностные установки и средства деятельности. Подобное обращение к истории деятельности (для чего разработан метод псевдогенетического анализа) обусловлено методологической установкой на ее развитие, то есть встраивание новации как шага развития определенной системы деятельности. Подчеркнем, что этот шаг не является следованием какому-либо закону развития исходной естественной (оестественной) среды.

Проблема встраивания новации имеет как ретроспективную, так и проспективную стороны – прецедент проекта создает пространство деятельности, в которое так или иначе втягиваются – вопрос, кем и как – потенциальные его участники или иные заинтересованные стороны.

Проект, таким образом, оказывается *полисубъектным процессом* и ставит проблему вовлечения в процессы проектирования и исполнения многих разнородных *субъектов деятельности* – актуальных и виртуальных, состоявшихся и оестественных в среде и действующих актуально или в перспективе. При этом одна из проблем организаторов проектной деятельности заключается в том, чтобы сформировать из *акторов*, то есть участников проектируемой системы, которые относятся к ней как к естественной и нормирующей их поведение среде существования, слой собственно субъектов деятельности – тех, кто способен занять управленческую, то есть конструктивную по отношению к И-Е-системе позицию.

Мы назвали ряд моментов технологии управления развитием И-Е-систем, за каждым из которых стоит свой круг проблем. Здесь же отметим, как нам представляется, ключевую. Мы постоянно пользуемся термином «система», говоря ли о естественном объекте научного исследования или же об И-Е- действительности. Однако, как следует из нашей антинатуралистической позиции, «система» является И-Е-образованием. То есть, она является результатом конструирования/проектирования, который способен оестествляться (имеет и гносеологическую, и онтологическую природу). И если мы ставим задачу развития такой системы, то должны произвести процедуру ее разъестествления со всеми описанными выше деталями. Хотя процесс развивающего проектирования сильно упрощается в

ситуации, когда мы имеем дело с «готовой» (оестественной) системой, однако эта простота в значительной степени иллюзорна, поскольку в процессе проектирования характер системы может меняться радикально, в частности, отказывая исходной «системе» в системности.¹ Обскуствление системы декомпозирует ее и ее среду на множество других систем, которые в том числе выходят за границы исходной. Проект развития деятельности, в свою очередь, может рассматриваться как композиция систем, в том числе отличных от исходных и определяемых новыми субъектами. Наконец, проектируемая И-Е-действительность не обязательно должна быть системной, ее системная организация является лишь одной из удобных форм управления (представления, понимания, трансляции) в деятельности, в связи с чем возникает вопрос о других типах организации деятельности и месте системной среди них. Без анализа и решения подобных вопросов, как нам представляется, мы не получим эффективной технологии работы в И-Е- действительности.

Литература

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003
2. *Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Г.П. Щедровицкий, Избранные труды, М.: ШКП, 1995
3. *Сазонов Б.В.* Перманентное архитектурное проектирование на базе системных категорий // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М.: Наука, 1983
4. *Сазонов Б.В.* Проблемы прогнозирования в градостроительном проектировании // Проблемы прогнозирования и комплексного проектирования предметной среды. М.: 1972.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ИЗУЧЕНИИ РЕФЛЕКСИИ КАК РЕСУРСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

И.Н.Семенов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, Москва)

Аннотация. Анализируются пути и результаты международного сотрудничества в междисциплинарном изучении рефлексии как ресурса человеческого капитала применительно к психолого-педагогическому обеспечению таких его компонентов, как здоровье и образование молодежи и специалистов в современную эпоху глобализации.

---

¹ Интересен получивший широкое хождение подход, в которм проблемы системной организации деятельности решаются за счет ее сетевой, то есть несистемной трансформации.

Ключевые слова: Ключевые слова: рефлексия, человеческий капитал, здоровье, образование, международное сотрудничество.

INTERNATIONAL COOPERATION IN STUDYING REFLECTION AS RESOURCE OF HUMAN CAPITAL

I.N. Semenov (NIU HSE, Moscow)

Abstract. The analysis of the ways and results of international cooperation in cross-disciplinary studies of reflection as resource of human capital regarding psychopedagogical assurance of its such components as health and education of youth and specialists in the modern age of globalisation.

Keywords: reflection, human capital, health, education, international cooperation.

Развитие науки еще с античности является плодом международного сотрудничества, роль которого возрастает в эпоху глобализации с ее саморазвивающимися рефлексивно-информационными средами. В этом состоит актуальность анализа одной из таких сред, а именно – международного взаимодействия ученых, изучающих проблемы рефлексии. В их решении важную роль играют руководимые В.Е.Лепским и В.А.Лефевром международные симпозиумы (с 1994 г.) и междисциплинарный журнал «Рефлексивные процессы и управление» (с 2001 г.), а также ряд конференций по философии (В.Н.Борисов, В.А.Лекторский, 1983, И.С.Ладенко, И.Н.Семенов, 1992), психологии (И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов, 1983, 1984), филологии (Г.И.Богин, 1996), педагогике (И.С.Ладенко, 1984, Я.А.Пономарев, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов, 1988), практике социального творчества (И.С.Ладенко, И.Н.Семенов, 1992, 1995) и др.

Междисциплинарное изучение деятельности и ее рефлексивности способствуют интенсивному развитию рефлексивных наук (рефлексивной методологии, психологии, персонологии, акмеологии, педагогики, игротехники, синергетики), что стало конструктивной предпосылкой для международного изучения ряда проблем: от анализа роли рефлексии в конфликтно-игровом взаимодействии (В.А.Лефевр, В.Е.Лепский) и в организации социальной деятельности (Г.П.Щедровицкий, Н.Г.Алексеев) через исследование рефлексии как компонента структуры теоретического (В.В.Давыдов, А.З.Зак) и творческого (И.Н.Семенов, В.К.Зарецкий) мышления, формирования рефлексивности личности (И.Н.Семенов, В.И.Слободчиков), изучения рефлексивных способностей (Ю.Н.Кулюткин, Г.С.Сухобская, В.Д.Шадриков), развития рефлексивной культуры (А.А.Деркач, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов) до обеспечения рефлексивного управления принятием организационно-групповых (Н.Г.Алексеев, Ю.В.Громыко, А.В.Карпов), и менеджерально-политических (О.С.Анисимов, В.Е.Лепский, П.Г.Щедровицкий) решений, а также –

роста рефлексивных ресурсов (В.А.Петровский) и человеческого капитала (И.Н.Семенов). Создание условий для его роста стало актуальным направлением развития науки и социума. Компонентами человеческого капитала являются здоровье и образование членов общества на различных этапах их возрастного, личностного, профессионального развития.

Проектирование и организация инновационного образования осуществляется на основе достижений таких рефлексивных наук, как: рефлексивно-системная методология (Н.Г.Алексеев, В.Е.Лепский, В.А.Лефевр, И.Н.Семенов, Г.П.Щедровицкий), рефлексивно-гуманитарная психология (И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов), рефлексивно-экзистенциальная персонология (А.В.Балаева, И.Н.Семенов), рефлексивно-интегративная акмеология (О.С.Анисимов, И.Н.Семенов), рефлексивно-деятельностная педагогика (Н.Г.Алексеев, В.М.Дюков, В.К.Зарецкий, И.Н.Семенов).

В процессе развития междисциплинарного взаимодействия этих рефлексивных наук в нашей научной школе (Семенов, 2001) изучалась роль рефлексии в развитии мышления, деятельности, личности, творчества и разрабатывалась система теоретических основ внедрения рефлексивных знаний в социальную практику образования и управления. Эта система включает: философские принципы, методологические средства, концептуальные модели, исследовательские методы, экспериментальные изыскания, теоретические обобщения, прикладные рефлетехнологии, образовательные проекты, учебные пособия, организационные мероприятия. Их совокупность образует средства реализации рефлексивно-психологической стратегии формирования человеческого капитала в инновационном образовании (Семенов, 2012). Все это образует социокультурный мегапроект и учебно-методический комплекс по созданию психолого-педагогических и организационно-управленческих условий для развития рефлексии как ресурса человеческого капитала. Важной предпосылкой этого служит обеспечение здоровья и развития учащихся в процессе их образования, в т.ч. инклюзивно-коррекционного и инновационно-развивающего обучения. Охарактеризуем 14 развиваемых нами направлений рефлексивно-психологического обеспечения здоровья и образования.

Первое направление связано с анализом философских и историко-научных предпосылок становления рефлексивной психологии и педагогики как антропологических областей современного человекознания (Семенов, 20012) в контексте проблематики философии образования.

Второе – в анализе теоретико-методологических основ экспериментально-психологического исследования рефлексивности человека в процессе его мышления, деятельности, личности, творчества.

Третье – в построении рефлексивно-психологических принципов педагогической инноватики развития мышления и личности учащихся и педагогов как субъектов непрерывного образования.

Четвертое – нацелено на реализацию этих принципов посредством разработки рефлетехнологий диагностики, формирования и развития универсальных умений, а также рефлекомпетенций на всех ступенях непрерывного образования.

Пятое – связано с использованием этих принципов и рефлетехнологий в социальной практике путем проектирования и организации учебно-воспитательного процесса в образовательных системах.

Шестое – заключается в разработке принципов и методов рефлексивно-психологического обеспечения развития учащихся в дошкольном образовании в целях их подготовки к школе с учетом средств организации рефлексивного управления дошкольными образовательными учреждениями.

Седьмое – состоит в рефлексивно-психологической разработке принципов проектирования школьного и гимназического образования, где ведется формирование мышления и личности учащихся посредством рефлетехнологий, а также нравственное воспитание в условиях мегаполиса.

Восьмое – заключается в рефлексивно-педагогической разработке теоретических принципов и прикладных рефлетехнологий проектирования высшего профессионального образования студентов различных гуманитарных специализаций в целях их интеллектуально-личностного развития с учетом их возрастных особенностей, а также формирования профессиональных компетенций средствами рефледидактики и рефлетренинга.

Девятое – состоит в построении рефлексивно-педагогических проектов, рефлексивно-акмеологических принципов и рефлетехнологий для последиplomного профессионально-дополнительного образования взрослых специалистов, в т.ч. управленцев и предпринимателей.

Десятое – связано с монографическим обобщением корпуса исследований, проведенных в русле рефлексивно-гуманитарной психологии и акмеологии, а также с построением учебных планов, программ, пособий, учебников для дидактического обеспечения трансляции достижений рефлексивных наук в непрерывном профессиональном образовании.

Одиннадцатое – состоит в организации социальных проектов по модернизации образования и управления в современных социокультурных условиях на теоретико-методической основе рефлексивно-гуманитарной психологии, рефлексивно-интегративной акмеологии и рефлексивно-деятельностной педагогики.

Двенадцатое – связано с рефлексивно-психологическим обеспечением и рефлексивно-педагогическим проектированием дополнительно-досугового образования в социокультурных условиях школьного обучения и летнего отдыха детей, а также при разработке методических принципов и рефлетехнологий вузовской специальности «социальный педагог».

Тринадцатое заключается в изучении медико-психологических аспектов развития организма человека в норме и патологии в целях рефлексивно-психологического обеспечения здоровья и безопасности учащихся, в т.ч. наркологической реабилитологии, а также для психолого-педагогического обеспечения инклюзивного образования, что отражено в ряде книг, в т.ч. опубликованных нами в Германии (Дюков и др., 2012).

Четырнадцатое – связано с теоретико-дидактическим обобщением достижений рефлексивно-гуманитарной психологии и современной педагогики в целях их использования в социальной практике гуманизации и модернизации всех ступеней непрерывного личностно-ориентированного (Кларин и др., 1995) профессионального образования, в т.ч. инновационного и инклюзивного образования. На разных этапах построения моделей и технологий психолого-педагогической реализации предложенной нами (Семенов, 2007, 2011) образовательной стратегии рефлексивно-психологического формирования человеческого капитала участвовали не только российские философы (Н.Г.Алексеев, И.С.Ладенко) и психологи (И.М.Войтик, О.И.Лаптева, С.Ю.Степанов), но также ученые из ряда стран: Украины (Р.Н.Васютин, М.И. и Л.А. Найденовы, Ю.А.Репецкий), Беларуси (Е.З.Кремер), Латвии (В.Э.Реньге, П.Т.Тюрин), Литвы (А.В.Советов), Германии (И.В.Байер), США (А.Кудлай) и др. Хотя эти направления было инициировано в России, но их развитие стало результатом также и международного сотрудничества с психологами зарубежных стран. Это отражено в ряде международных коллективных монографий (Абульханова, 2009, Пономарев и др., 1983, 1990, Семенов и др., 2011), сборниках научных конференций и в журналах (Semenov, 1976), что вызвало интерес (Matthaus, 1988, Saarinen, 1986) в зарубежных изданиях. Так, германский психолог В.Маттеус провел анализ исследований этой школы (в изучении рефлексивной регуляции мышления) в контексте обзора советской психологии в своей

международной монографии (Matthaus, 1988-a), опубликованной издательством «Верлаг» на немецком языке в Германии (Ганновер), Канаде (Торонто) и Швейцарии (Цюрих). В.Маттеус на фоне анализа достижений советской психологии мышления специально проанализировал достижения «группы И.Н.Семенова» в теоретико-экспериментальном исследовании рефлексивности творческого мышления. При этом В.Маттеуса интересовали (см.: Макурова, 2014) следующие аспекты изучения роли рефлексии в творческом мышлении: 1) разработка средств системного подхода к психологии мыслительной деятельности, 2) трактовка рефлексии как компоненты многоуровневой модели саморегуляции мышления, 3) функция рефлексии как средства преодоления блокады мыслительного процесса, 4) реализация дифференцированной системы типов рефлексии путем рефлетринга, 5) теория рефлексивной саморегуляции мышления, 6) перспективы дальнейшего развития теории рефлексии, 7) метакогнитивное толкование рефлексии и дифференциация видов личностной рефлексии. С учетом повторного обращения к обзору фундаментальных достижений рефлексивной психологии В.Маттеусом (Matthaus, 1988-б), а также издания нашим соавтором Н.Н.Костюковым (2014) в Германии монографии по модернизации медицинского образования, другое немецкое издательство «Ламберт» позднее стало сотрудничать с нами (Дюков и др., 2012) в сфере прикладной педагогической психологии и педагогики, в т.ч. по проблемам общего (Шуляк и др., 2014) и инклюзивного (Орлова и др., 2014, Тюльпанова и др., 2013) образования. Все это свидетельствует о востребованности в инновационной науке и эффективности в социальной практике рефлексивно-психологического подхода к обеспечению здоровья и образования как компонентов человеческого капитала.

Литература

1. Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В.Е.Лепского. М. Когито-Центр. 2009 – 447 с.
2. Дюков В.М., Бойдик Л.А., Семенов И.Н. Теоретические и методологические основы школьного инклюзивного образования. Саарбрюкен. Ламберт. 2012 – 207 с.
3. Кларин М.В., Семенов И.Н. (ред.). Гуманистические тенденции развития образования взрослых в России и США. М. Институт теории педагогики и международного сотрудничества в образовании РАО. 1994 – 217 с.
4. Макурова А.В. Развитие И.Н.Семеновым рефлексивной психологии: от исследований мышления к формированию научной школы (обзор по материалам книги В.Маттеуса, Nettingen, 1988) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2014. № 6. С. 58-96

5. *Matthaus W.* Sowjetische Denkpsychologie. Verlag fur Psychologie. Gottingen, Toronto, Zurich. 1988 – 892 S..
6. *Semionov I.N.* An ampirical psychological study of though processes in creative problem-solving from the perspective of the theory of activity // *Soviet Psychology*. 1978. 16. N 4. p. 3-46
7. *Semyonov I.N.* Philosophy of Humanization of education and Reflexvenes of Dialogue // *Reflexive Processes and control. International Interdisciplinary Scientific and Practical Journal*. Vol. 2002. N 1. P. 95-101

АУТОПОЭТИЧЕСКИЕ КОРНИ ЭВОЛЮЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕХНОГЕННЫХ СРЕД

С.Ф. Сергеев (Санкт-Петербургский государственный университет)

Аннотация. Статья посвящена проблеме коэволюции техногенной среды, человека и социума. Предложена концепция тотальной аутопоэтичности человекоразмерных систем. Дана авторская интерпретация возникающих в техногенной среде, человеке и обществе процессов аутопоэтической самоорганизации.

Ключевые слова: автоэволюция; аутопоэзис; коэволюция; технобиод; техногенный мир.

AUTOROIETIC ROOTS OF THE EVOLUTION OF GLOBAL MAN-MADE ENVIRONMENTS

S.F. Sergeev (Saint-Petersburg state University)

Abstract. The article is devoted to the problem of co-evolution of a man-made environment, man and society. We Examines the impact on people and society of new information and network technologies. Show the occurrence of technobiotics stage of evolution of human civilization. Given the author's interpretation occur in man-made environment, man and society events autopoetics self-organization and orientation of intersystem interactions.

Keywords: the autoevolution; autopoiesis; coevolution; technobiod; man-made world.

Базовые принципы, лежащие в основе техно-феномена человека, технонауки и технологии, приводящие к уникальным возможностям человечества по целенаправленному влиянию на природу и общество по настоящее время, изучены недостаточно. Мыпо-прежнему плохо представляем себе природу созидательной деятельности человека и общества, ведущие к появлению современного варианта техногенного мира. Ключевой вопрос состоит в определении системного базиса возникающих объектов организованной сложности и источника самоорганизации. Одно из направлений, объясняющих

самоорганизацию в живой природе и обществе, связано с так называемыми аутопоэтическими системами [1].

Суть существования данных системных образований заключается в непрерывном рекурсивном процессе самовоспроизведения цепей (сетей) процессов, порождающих их и их элементы, называемом аутопоэзисом («autopoiesis» – самопорождение, самосотворение, самопроизводство). Возникает системное единство (аутопоэтическая система), существующее как результат непрерывного циклического изменения в зоне своего существования замкнутых на порождение самое себя процессов различной физической, информационной и ментальной природы. Аутопоэзис ведет к появлению и проявлению избирательных, селективных свойств живой системы по отношению к себе и среде своего существования. Аутопоэтическая система не реагирует непосредственно на неспецифическую активацию со стороны внешней среды. Ее развитие определяется преимущественно закономерностями и причинами, лежащими внутри системы.

Аутопоэтический характер системогенеза и функционирования живых организмов пронизывает все уровни структурной организации живой материи. Он ведет к появлению у животных и человека форм психического отражения и реагирования. Возникает внутренний субъективный мир как динамический конструкт, ведущий к сохранению биологической и психической целостности организации человека в среде его жизнедеятельности. Аутопоэзис субъектной компоненты организма ведет к созданию и выбору конструктов, ведущих к продолжению существования системы во времени, порождает смысл и цели жизни. Возникновение сознания и форм ментального (информационного) познания и реагирования, появление субъективного мира являются закономерным следствием аутопоэтического характера функционирования всех систем живого организма. Аутопоэтическое сознание избирательно создает и исследует физические и социальные миры, порождая в ментальном пространстве человека их аналоги в субъективной форме, используя в своей конструируемой действительности только те их аспекты, которые могут усилить аутопоэтические свойства организма.

В процессе аутопоэзиса формируется субъективный мир, содержание которого не отражает рационально и беспристрастно (объективно) физический мир, а направлено на создание и продолжение истории действующей личности, описываемой субъектом и фиксируемой в его опыте. Аналогично и социальные коммуникационные системы, будучи аутопоэтическими по своей сути, также пишут историю общества, ведут к усилению вектора жизни, выступают в качестве катализатора развития человеческой цивилизации.

Важным следствием аутопоэзиса живых организмов является признание конструирующего характера человеческого сознания и психики. Психическое содержание является циклически воспроизводящим себя в среде мозга динамическим ментальным конструктом. В нем отражаются все грани опыта субъекта, ведущие к появлению, сохранению и развитию личности, становлению индивидуальности. *Человек конструирует мир, конструируя себя, и имеет дело только с конструируемыми фрагментами реальности.* Все что не конструируется, выходит из сферы нашего познания и понимания. Человек, будучи аутопоэтической системой, может взаимодействовать с другими системами только в неразрушающих его аутопоэзис формах содействия и взаимной ориентации. Именно в этих способах и формах межсистемных неразрушающих взаимодействий, определяемых и допускаемых аутопоэтическим характером системной организации человека, и лежат механизмы его воздействия на природу, скрыты истоки технологических возможностей и могущества человечества. Человек не может свободно воздействовать на физический мир, произвольно изменяя его. Конструирующая, творческая активность порождает только системы, поддерживающие аутопоэзис организма и психики. Техногенная среда, как продукт деятельности человека, таким образом, всегда отражает в себе результаты конструирующего и преобразующего мир опыта человека. Она содержит в своих продуктах воплощенные в них системные свойства, позволяющие использовать их в дальнейшем в качестве искусственных элементов для конструирования новых системных аутопоэтических единств более высокого порядка, поддерживать процессы аутопоэтической самоорганизации. Создание искусственного мира, о котором так много говорят в последнее время в связи с тотальным проникновением техники и технологии в жизнь человека, в своей основе также связано с проявлением конструирующих способностей человека, пронизывающих все уровни его психической организации [2]. Инженерная деятельность в системном представлении состоит в создании элементов, поддерживающих цепи самовоспроизводства глобального системного организма, включающего технобиосферу планеты Земля. Эти элементы, представленные в виде продуктов, артефактов и технологий, обладают уникальными единичными свойствами, являясь отражением процессов самоорганизации их создателей. Мы конструируем только те фрагменты мира, которые могут вступать в цепи аутопоэтических отношений, непрерывно генерируемых человеком. В силу этого ничего случайного в организации жизни нет. Мир нашей действительности конструируется и организуется по законам, обеспечивающим наше

самовоспроизведение и существование, что позволяет нам ввести принцип *тотальной аутопоэтичности* живых и человекоразмерных систем.

В соответствии с этим принципом живые системы непрерывно создают цепи аутопоэзиса и вовлекают в него окружающую среду. *Все, что конструируется живым организмом, носит аутопоэтический характер.* Мы имеем дело только с аутопоэтическими системами, и ни с какими иными. Сам факт наблюдения того или иного объекта нашей действительности свидетельствует о том, что возникла аутопоэтическая цепь «сознание – наблюдаемый объект». Свойства возникшей системы позволяют включать ее в любые отношения с другими аутопоэтическими сущностями сетевого потока сознания формирующего действительность.

Развитие техногенного этапа эволюции человеческой цивилизации тесно связано с реализацией тотальной аутопоэтичности человека, общества и их продуктов. Это ведет к неизбежному появлению организованной эволюционирующей технической среды, приобретающей свойства самоорганизующегося единства – технобиода, действующего как единый организм, включающий в свой состав элементы небиологической природы [3].

Особую важность в связи с проявлением описанного выше эффекта тотальной аутопоэтичности жизни, ее экспансивного характера приобретает изучение процессов формирования и взаимоориентации обучающих и культурных компонентов техногенных активно-рефлексивных сред [4].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в проекте проведения научных исследований «Инженерно-психологическое проектирование пользовательских интерфейсов глобальных техногенных сред на базе интеллектуальных симбионтов», проект № 15-06-10640а.

Литература

1. Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living.–Boston: D. Reidel Publishing Company, 1980.
2. Сергеев С.Ф. Техногенные метаморфозы: человечество в зеркале аутопоэтической коэволюции // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей. Сборник научных статей. Выпуск 1. / Под ред. доц. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2014. – С.146–150.
3. Сергеев С.Ф. Рефлексивная автоэволюция глобальных интеллектуальных техногенных сред // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов IX Международного симпозиума 17–18 октября 2013 года, Москва; Отв. ред. В.Е. Лепский. – М.: Когито-Центр, 2013. – С. 245–248.

4. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

СОЦИОТЕХНИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В.П.Старжинский

(Белорусский национальный технический университет, г. Минск)

Аннотация. Рассматривается необходимость создания национальной инновационной системы, специфика социотехнического проектирования, роль инновационной инфраструктуры, Парк высоких технологий РБ как субъект инновационного развития.

Ключевые слова. Национальная инновационная система, социотехническое проектирование, инновационная инфраструктура.

SOCIO-TECHNICAL DESIGN OF INNOVATIVE INFRASTRUCTURE

V. P. Starzhinsky (Belarusian national technical University, Minsk)

Abstract. Discusses the need for the creation of a national innovation system, the specificity of socio-technical design, the role of innovation infrastructure, the high technologies Park of Belarus as a subject of innovative development.

Keywords: National innovation systems, socio-technical design, innovation infrastructure.

Создание инновационной системы (ИС). В настоящее время развитие инновационной системы рассматривается как реализация системно-конструктивной методологии для разработки и продвижения инноваций в экономике, создания экономики, основанной на знаниях. Родоначальником конструктивного подхода следует считать К. Фримана, который в конце 1980-х гг. прошлого столетия ввел само понятие ИС - сложной системы экономических субъектов и общественных институтов, которые обеспечивают высокий уровень развития ценностей и норм, прежде всего, в сфере права, морали, и науки, регламентирующих создание новых знаний, их распространение и превращение в новые технологии, продукты и услуги, потребляемые обществом. Создание ИС является ключевой задачей не только для научно-технической сферы, но и для повышения конкурентоспособности экономик, коммерциализации технологий, создания инновационного общества. Формирование отдельных элементов ИС - государственных фондов, технопарков, инновационно - технологических центров, парков высоких технологий является лишь

началом модернизации экономики, которая невозможна без проектирования и внедрения системных методов и технологий инновационного развития. Большинство стран мира в той или иной мере осваивают новые и высокие технологии, активно разрабатывают и внедряют методологию инновационного развития.

Специфика социотехнического проектирования (СТП). Классическое проектирование это специфическая деятельность по созданию проекта (прототипа), предшествующего получению артефактов – искусственно созданных технических объектов. Содержит описание основных способов построения объектов, включая необходимые для этого ресурсы, и основывается на создании концептуальной и инструментальной моделей. Если концептуальное моделирование основывается на научно – объяснительных процедурах, то инструментальная модель, в конечном итоге, содержит построение технологии, гарантирующей результат за счет определенного алгоритма действий и соответствующих ресурсов. Социотехническое в отличие от классического проектирования, направлено не на формально-логические и технические компоненты, а реализацию человеческой деятельности в социуме, ее социальные и организационно-институциональные компоненты. Данный вид проектирования в качестве своей цели полагает не просто потенциальные объекты и необходимые для их созидания способы деятельности, но и второй уровень методологической рефлексии – создание социальной - культурной среды, для осуществления инновационной деятельности. Другими словами, СТП предполагает расширение предмета проектирования с новаций как наиболее рациональных способов решения проблемной ситуации к необходимым инфраструктурным компонентам для ее реализации, посредством привлечения рефлексивно-методологической деятельности в качестве ресурсов проектирования. Таким образом объект СТП расширяется и включает самое сферу проектной деятельности, происходит рефлексия проектирования как социокультурного явления. Последняя содержит организационно - технологические (интеллектуально-когнитивные и проектировочно-технологические, нормативно - правовые, кадровые и другие) ресурсы, а также «мягкий компонент» в виде мотивационно-психологической поддержки. Особенность СТП заключается в том, что его установки направлены не только на моделирование инноваций, но и на инновационное развитие в целом. В качестве регулятивов выступают идеалы и нормы, функционирующие в теоретической и методологической сферах, а также сфере социальных отношений, ориентированных на получение идеального конечного результата. В частности, производственно-экономическая сфера в качестве такого

интегративного показателя - результата предполагает наибольшую эффективность и доходность. Когда предметом СТП становится инновационное развитие, то в его пространство входит не только производственно – экономическая (бизнес) сфера, но и внешняя социокультурная среда как пространство бытия человека.

Поэтому экономика может рассматриваться не просто как хозяйственная деятельность и даже не столько как производство товаров и услуг, а как основной вид культуротворчества, в котором интегрированы потенциальные возможности науки, экономики и технологий. Инновационное развитие проектируется как культуротворчество - процесс создания материальных и духовных ценностей посредством интеллектуального, технологического и социально-организационного ресурса, ограниченного пространством финансовых и нормативно-правовых условий.

Инновационная инфраструктура представляет собой специализированную подсистему ресурсной поддержки функционирования основной системы – НИС, представленной на разных уровнях ее организации. Задача инфраструктуры как системы второго, вспомогательного уровня – поддерживать бизнес-процессы на всех этапах инновационного цикла развития, обеспечивая оптимальные условия для осуществления деятельности субъектов инновационного производства. Функцией СТП является не только целенаправленное моделирование социально-организационных структур, но и системное воздействие на ценностно-мотивационные установки личности. Оптимальные формы социогуманитарного проектирования достигаются за счет конвергенции иерархических и сетевых механизмов управления, а также гармонизации линейных и нелинейных (средовых) подходов. (Лепский В.Е.) Проектирование инновационной инфраструктуры на основе ресурсного подхода, рассматривающей инфраструктуру как совокупность всех подсистем, обеспечивающих доступ к различным ресурсам (активам), должно учитывать также барьерный подход в виде преодоления (деконструкции) различных препятствий на пути создания НИС и ее функционирования.

Таким образом, СТП инновационных инфраструктур определяется необходимостью разработки системного подхода к решению таких актуальных проблем модернизации и инновационного развития на Пространстве ШОС как: оценка инновационного потенциала ИКТ и иных высоких технологий в сфере модернизации традиционных отраслей промышленности; разработка стратегии использования методологии и принципов социотехнического проектирования инновационной инфраструктуры ПВТ РБ, а также субъектов инновационного развития РФ для диагностики эффективности ИКТ и

иных высоких технологий в решении задачи построения ИС; обоснование средств обратной связи и корректирующего воздействия на процессы модернизации, преодоления барьеров в создании социально-организационных структур в государственной финансовой, правовой, и налоговой политике стран-участниц ШОС.

ПВТ как субъект инновационного развития. В Беларуси в 2005 г. отрасль информационных технологий получила государственную поддержку: в соответствии с Декретом президента был создан Парк высоких технологий. Базовым направлением деятельности парка становится сфера информационных технологий как одна из самых быстроразвивающихся и обеспечивающих производство продукции и услуг с высокой долей добавленной стоимости. За время своего существования Парк высоких технологий стал одним из ведущих европейских кластеров в ИТ-индустрии, основными направлениями деятельности которого являются разработка информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения. По доле капитала половина резидентов – чисто белорусские компании, четверть организаций – совместные предприятия и около 25% – иностранные. К концу 2012 года прибыль Парка достигла миллиарда долларов. На данный момент резидентами белорусского Парка высоких технологий являются 140 компаний. Шесть компаний ПВТ вошли в список лучших поставщиков ИТ-услуг в мире. За 2013 год в парке было создано 3 тысячи новых рабочих мест. При увеличении численности сотрудников на 20% объем производства увеличился на 40%. Всего в парке насчитывается свыше 18 тысяч специалистов в области информационных технологий. Среди компаний-резидентов парка примерно половина является иностранными и совместными предприятиями. Более половины компаний-резидентов занимаются производством собственных программных продуктов. В минувшем году в Парке был открыт учебный центр, на базе которого сегодня действуют 14 филиалов кафедр университетов. Компании-резиденты Парка организуют в университетах совместные научно-практические лаборатории. ПВТ содержит потенциал увеличить количества программистов для Беларуси до 100 тысяч разработчиков ПО. Все это позволило Беларуси войти в тридцатку стран с наиболее развитой сферой оффшорного программирования по версии аналитиков компании Gartner, а Парку высоких технологий – занять место среди крупнейших ИТ-кластеров в странах Центральной и Восточной Европы.

ГРУППОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ, ЕЕ СВЯЗЬ С ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ И ИННОВАЦИЯМИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

С.С. Тарасенко (Независимый исследователь, г. Йокогама, Япония)

Аннотация. В данной работе приводится краткий обзор результатов зарубежных специалистов по психологии малых групп в области групповой рефлексии. Показана связь рефлексии и эффективности работы групп, а также связь рефлексии и инноваций. Кратко рассмотрены вопросы развития рефлексии и влияние HR практик на инновационность проектов.

Ключевые слова: групповая рефлексия, эффективность, инновации, креативность

GROUP REFLEXIVITY AND ITS CONNECTION WITH EFFECTIVENESS AND INNOVATIONS: A SHORT REVIEW

S.S. Tarasenko (Independent researcher, Yokohama, Japan)

Abstract. This study introduces a short review of research results regarding group reflexivity in the domain of small group psychology. It illustrates the relationship between reflexivity and effectiveness, reflexivity and innovations. The issue of intentional development of reflexivity is briefly addressed along side with the consideration of influence of HR activities on innovations.

Keywords: group reflexivity, effectiveness, innovations, creativity.

Рефлексия: определения и конструкты. Способность эффективно реализовывать проекты при меняющихся внешних обстоятельствах является очень важной характеристикой проектной команды (группы). В работах британского психолога Веста (West) и его коллег рассматриваются вопросы о том, что влияет на эффективность работы команд и каким характеристикам команд необходимо уделять внимание.

Carter и West [1] показали, что около 50% изменчивости меры эффективности (положительные отзывы зрителей и оценки проектных менеджеров) объясняются рефлексией. Carter и West [1] определяют рефлексия как “степень (extent), в которой участники команды обсуждают цели, стратегии и степень завершенности проекта и соотносят результаты обсуждения с текущими и ожидаемыми внутренними и внешними условиями”(стр. 583).

Таким образом, рефлексия - это мера способности адекватно оценить текущие ключевые показатели проекта и сравнить их с ожидаемыми значениями на данном момент, а также прогнозируемыми значениями в будущем.

Carter и West [1] предлагают выделять социальную (social) и рабочую (task) рефлексии. Социальная рефлексия – степень, в которой члены группы заботятся о мягком разрешении конфликтов, оказывают поддержку другим членам группы и заботятся о поддержании

здорового психологического климата в команде. Рабочая рефлексия – степень, в которой члены группы обсуждают цели, задачи, разрабатывают стратегии и адаптируют их к ожидаемым внешним условиям. Возможность такого разделения подтверждена результатами факторного анализа.

В свою очередь Shippers с коллегами [2] выделяют следующие составляющие (конструкты) самой рефлексии: 1) оценка и обучение; 2) процесс обсуждения; 3) адаптация; 4) ожидание ответной реакции. Данные конструкты рефлексии были установлены при помощи факторного анализа. Оценка и обучение подразумевают способность команды к правильной оценке ситуации, а также обобщение различных ситуаций с целью выделения закономерностей. Процесс обсуждения – это то, насколько хорошо команда обсуждает цели, задачи и их выполнение. Адаптация определяется тем, как участники команды исполняют решения принятые всей командой. И, наконец, ожидание ответной реакции – это стремление получить оценку от начальства или клиента хорошо ли была сделана работа. Следовательно, рефлексивная команда больше понимает последствия своих действий, чем нерефлексивная.

Таким образом, с точки зрения работ Carter и West [1] и Shippers с коллегами [2], можно определить рефлексию как оценку степени самоорганизации команды.

Рефлексия, креативность и инновации. Характерными признаками инновационных проектов являются неопределенность и постоянное изменение внешних условий. Таким образом, можно ожидать, что рефлексия окажет положительное влияние на их реализацию.

West определяет креативность как генерацию идей, а инновации как генерацию и воплощение идей на практике (идея нового или улучшенного продукта, услуги и новая организация рабочего процесса). Инновационный процесс обычно включает креативность на ранних стадиях.

Важными признаками инноваций являются интенциональность, достижение новых полезных эффектов и новизна относительно предыдущего объекта. Первые два компонента могут управляться рефлексией как механизмом самоорганизации. Последний компонент определяется креативностью.

Shippers, West и Dawson [3] показали, что степень командной рефлексии определяет степень инновационности команды, т.е. чем выше степень рефлексии, тем более инновационной может быть команда. В их работе инновационность команд оценивалась в два этапа. Сначала участников команд просили составить список изменений в работе: достижениях новых результатов и т.д., которые

команда сделала за последние полгода. Эти изменения затем оценивались экспертами по пятибальной шкале. Исследования были проведены с участием рабочих команд в системе здравоохранения.

Noegl и Parboteeah [4] провели исследования взаимосвязи рефлексии, инновационности и эффективности проекта. Эти авторы при определении рефлексии ссылаются на West и дают более функциональное определение рефлексии: “команда задает вопросы, планирует, обучается, анализирует и проводит различные тесты, занимается мета обучением (методы обучения) и пересмотром прошедших событий”. Поэтому определение понятия рефлексии, данное выше, так же применимо к их работе.

Noegl и Parboteeah [4] показали, что групповая рефлексия объясняет большую долю изменчивости эффективности (effectiveness) инновационных проектов. Однако, рефлексия не способствует минимальному использованию ресурсов (efficiency).

В свою очередь, групповая рефлексия определяется типом проекта, социальными навыками участников группы и навыками управления проектами. Также важен и тип проекта. В исследовании, проведенном Noegl и Parboteeah [4] были рассмотрены 2 типа проектов – разработка нового программного обеспечения и улучшение существующего. Первый тип оценивается как более инновационный, чем второй. Авторы объясняют зависимость рефлексии от типа проекта тем, что реализация более инновационных проектов является более сложной задачей, для решения которой необходимо более интенсивно использовать рефлексия.

Как развивать рефлексия. Однако не все команды обладают рефлексией. Автор провел ряд экспериментов по оценке рефлексии в малых группах и был свидетелем того, что группа просто распалась на отдельных индивидумов, действия которых никак не были скоординированы. В таких случаях групповой рефлексии просто не существует. Таким образом, возникает вопрос о возможности развития рефлексии вообще.

Выше были рассмотрены конструкты, составляющие понятие рефлексии в трактовке Shippers и коллег [2]. Одной из важных задач HR подразделения является обучение персонала. Очень часто такое обучение затрагивает не только профессиональные навыки, но и навыки коммуникации, самообучения и т.д.

С другой стороны, Shipton, West и Dawson [5] показали, что эффективность работы является предиктором инновационности продукта. Комбинация эффективных действий HR и эффективной командной работы объясняет большую долю изменчивости инновационности продукта, по сравнению с одной только

эффективностью работы команды. Этот важный результат иллюстрирует синергетический эффект совместного позитивного влияния применения эффективных HR практик и эффективной работы на инновационность конечного продукта.

Литература

1. *Carter S.M., & West, M.A. (1998) Reflexivity, effectiveness, and mental health in BBC-TV production teams. Small group research, 29, 5, pp. 583-601.*
2. *Shippers, M.C., den Hartog D.N, and Koopman, P.L. (2007) Reflexivity in teams: a measure and correlates. Applied psychology, 56, 2, pp. 189-211.*
3. *Shippers, M.C., West, M. A., and Dawson, J. F. (2012) Team reflexivity and innovation: the moderating role of team context. Journal of Management, 41, 3, pp. 769-788.*
4. *Hoegl, M., and Parboteeh, P.K. (2006) Team reflexivity in innovative projects. R&D Management, 32, 2, pp. 113-125.*
5. *Shipton, H., West, M. A., Dawson, J. F. (2005) Team, HRM and Innovation: An Organization-level Analysis. ISBN 2-85449-612-3*

ПРИОРИТЕТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИТ-ИНДУСТРИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В.В. Цепкало (*Парк высоких технологий Республики Беларусь, г. Минск*)

В.П. Старжинский (*Белорусский национальный технический университет, г. Минск*)

Аннотация. Рассматриваются: высокие технологии и развитие; стратегии развития технопарков; условия регистрации в ПВТ; государство и информационные технологии; права интеллектуальной собственности; венчурное финансирование.

Ключевые слова: инновационное развитие, стратегия и тактика ИТ- развития, роль государства, интеллектуальная собственность, венчурное финансирование.

THE DESIGN PRIORITIES OF THE IT INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

V.V. Tsepkało

(Park of high technologies of the Republic of Belarus, Minsk)

V.P. Starzhinsky (*Belarusian national technical University, Minsk*)

Abstract. Considered: high technology and development; strategies for development of industrial parks; the conditions of registration in the OEM, government and information technology; intellectual property; venture financing.

Key words: Innovative development, strategy and management of the it development, the role of the state, intellectual property, venture financing.

1. Высокие технологии и развитие. Инновации, основанные на революции в сфере информационных технологий, открывают новые перспективы в социально-экономическом развитии стран и народов. Ряд стран сумели осознать преимущества нового пути, в основе которого лежит приоритетное развитие высоких технологий. Они создали новую экономику, и разрушили традиционное представление о “вечно богатых” и “вечно бедных” странах.

2. Стратегии развития технопарков. Условно существует два вида стратегии развития технопарков, к которой прибегают различные страны мира. Первая стратегия характеризуется тем, что поддержку оказывают собственным компаниям, дают им возможности окрепнуть экономически, вырасти организационно и служить основой развития высоких технологий в стране. Есть и другой путь, подсказанный необходимостью ускоренной модернизации. Его суть заключается в создании особых условий для иностранных корпораций, которые уже добились успеха в мире при отсутствии высокотехнологичных собственных производств, конкурентоспособных на мировом рынке, а также традиций по развитию высоких технологий. Как представляется, Республика Беларусь смогла соединить эти два подхода подобно тому, как это сделали Южная Корея и Тайвань.

3. Условия регистрации в ПВТ. Привлечение компаний в белорусский ПВТ осложнялось тем, что при проведении агитации среди потенциальных иностранных инвесторов, необходимо оговариваться, что при прохождении всех процедур, связанных с государственной регистрацией иностранная компания может и не быть зарегистрирована в белорусском ПВТ. Есть ряд факторов – текущие финансовые показатели, рекомендации белорусских органов власти и другие, которые могут воспрепятствовать компании начать свою деятельность в Беларуси в соответствии с условиями регистрации.

Предложенные решения.

3.1. На первом этапе для иностранных компаний, принявших решение начать свой бизнес в Республике Беларусь, рассматривать вначале их бизнес-проект в Парке высоких технологий и лишь после его одобрения Наблюдательным Советом проходить процедуру государственной регистрации.

3.2. В отношении иностранных инвесторов и назначаемых ими должностных лиц, особенно в таких приоритетных сферах как научно-

техническая и инновационная деятельность, должны быть выработаны упрощенные административные процедуры регистрации.

4. Государство и информационные технологии. Одним из путей развития информационных технологий является государственная поддержка. Прежде всего, в смысле предоставления особых условий ведения хозяйственной деятельности, а также в создании спроса со стороны государства на информационные технологии и услуги. Во всех странах мира государство является крупнейшим потребителем продукции индустрии информационных технологий, стимулируя спрос и содействуя росту национальных компаний в области информационных технологий. Спрос государства на те или иные ИТ продукты и услуги во многом влияет на направления развития национальной индустрии информационных технологий. Во всех развитых странах на сегодняшний день на первый план выдвинулись применения информационных технологий в системе государственного управления, которые получили название “электронное правительство”. Это комплекс представлений о том, как эффективно использовать информационные технологии для оказания услуг населению и субъектам хозяйствования. В этой связи *предложены решения:*

4.1. Разработать обязательные для всех министерств и ведомств регламенты по работе с гражданами с использованием совместимых на логическом, техническом и программном уровне системах.

4.2. Использовать экспертный совет ПВТ для формирования условий проведения консолидированных закупок техники и программного обеспечения. Участников торгов следует нагружать социальным блоком: требованием поставлять бесплатно программное обеспечение для учебных заведений, открытие центров исследований и разработок.

5. Права интеллектуальной собственности. Одной из причин торможения инноваций в нашей стране явилось то, что изобретатель в советской системе не имел права на созданную им интеллектуальную собственность. В Республике Беларусь уже создана основа государственной системы охраны интеллектуальной собственности. Сформированная законодательная база в этой области соответствует действующим в данной сфере международным нормам и позволяет осуществлять охрану результатов интеллектуального труда и их защиту от противоправного использования. Однако, на сегодняшний день в Республике Беларусь не создан механизм учета прав тех исследователей и учёных, которые вложили свою жизнь в эксплуатируемые отечественными предприятиями технологии и оборудование. В отличие от искусства и литературы, где хоть как-то соблюдаются авторские права, у большинства отечественных разработок нет

авторов, соответственно, нет и механизма получения патентных и лицензионных платежей. Новые собственники получили “ноу-хау” бесплатно, и до сих пор большинство отечественных технологий, применяемых на предприятиях, не имеет своей стоимостной оценки.

6. Венчурное финансирование. Венчурное инвестирование - прямое вложение денежных средств в финансирование разработок и внедрение их в производство. Это вложение осуществляется в уставной капитал предприятий инвесторами на свой риск и без обязательств по уровню доходности и возврату инвестиций. При этой форме финансирования пренебрегают бизнес-планами, а также другими формами гарантий по возврату вложенных средств, поскольку объективно нельзя предсказать успех предпринятого дела.

В отличие от традиционного производства информационные технологии на сегодняшний день являются рискованными проектами. Традиционный производственный процесс легко просчитывается – имеется сырье или полуфабрикат, ставится оборудование, нанимается персонал. При этом достаточно просто проследить процесс, объединить производственную цепочку и получить необходимую продукцию. Когда же создается новая поисковая система или программа для туристических фирм – невозможно определить в принципе, как поведет себя рынок – сможет ли твоя поисковая система справляться с запросами лучше других, понравятся ли новые подходы по организации туристического бизнеса или будет ли кто покупать новую антивирусную систему.

Тем не менее, венчурный бизнес, зародившийся в середине 50-х годов, развился в мощную мировую индустрию и зарекомендовал себя как один из наиболее действенных инструментов поддержки и развития реального сектора экономики. Проблема коммерциализации научных исследований существует во всем мире и связана с тем, что таланты ученого и предпринимателя редко совмещаются в одном человеке. Как правило, ученые – плохие предприниматели, поэтому государство создает специальные механизмы для содействия внедрения технологий в массовое производство и создает соответствующую нормативную базу, создающую заинтересованность во внедрении разработок.

Предложенные решения. Ключевым механизмом привлечения частного капитала в отечественную венчурную индустрию является создание венчурных фондов с прямым долевым государственным участием. Государственные средства, инвестируемые в венчурные фонды будут снижать риски частных инвесторов, входящих в эти фонды, играть роль

катализатора и агитатора в привлечении частных средств в венчурную индустрию страны.

Период развития компании от момента прихода в нее венчурного капитала до момента продажи венчурным фондом своего пакета акций, как правило, занимает 5-7 лет. За это время в стране необходимо создать сеть биржевых площадок для продажи акций высокотехнологичных предприятий. Для формирования стратегических партнерств с крупным промышленным производством следует оказать малым предприятиям поддержку для их выхода на информационный рынок. Последовательное развитие этого процесса может происходить путем разработки специальных условий для выхода динамично развивающихся высокотехнологичных компаний на действующие и создаваемые биржевые площадки и специальные сегменты на фондовых биржах. В дальнейшем, по мере увеличения количества компаний, получивших венчурные инвестиции, и находящихся на этапе выхода из них венчурных фондов, будут создаваться реально действующие электронные информационные биржи высокотехнологичных компаний в сети Интернет.

**ПРОБЛЕМА СБОРКИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ
И ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА
(РЕФЛЕКСИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ
ПРОРЫВА В БУДУЩЕЕ)**

**ОТ ИНЖИНИРИНГОВЫХ УСЛУГ К ЦЕЛОСТНОСТИ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС
(СБОРКА СУБЪЕКТОВ РАЗВИТИЯ)¹**

В.Е.Лепский (Институт философии РАН, Москва)

Аннотация. Обоснована актуальность проблемы создания наряду с инжиниринговыми центрами Стратегических центров инновационного развития с использованием технологий Институтов генеральных конструкторов. Решение этой проблемы неразрывно связано с решением проблемы сборки субъектов развития на евразийском пространстве.

Ключевые слова: инновационное развитие, методология, философия науки и техники, научная рациональность, саморазвивающиеся инновационные среды, целостность, ШОС, евразийское пространство.

**FROM ENGINEERING SERVICES
TO INTEGRITY INNOVATIVE PROGRESS ON SPACE SCO
(ASSEMBLY OF THE SUBJECT OF DEVELOPMENT)**

V.E.Lepskiy (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. The urgency of a problem of creation along with engineering by the centers of the Strategic centers of innovative development with use of technologies of Institute of general designers is proved. The decision of this problem is indissolubly connected with the decision of a problem of assembly of subjects of development on the Euroasian space.

Keywords: innovative development, methodology, philosophy of a science and technics, the scientific rationality, spontaneous innovative environments, integrity, SCO, the Euroasian space.

В последние два года на пространстве ШОС уделяется большое внимание созданию инфраструктур обеспечивающих инновационные процессы. Принято решение о создании Центра высоких технологий ШОС /ЦВТ ШОС/.

Основные функции ЦВТ ШОС обобщенно можно свести к двум функциям:

---

¹ Материал доклада В.Е.Лепского «От инжиниринговых услуг к целостности инновационного развития на пространстве ШОС» на Круглом столе «Высокие технологии XXI века. Инновации на пространстве ШОС», 19 мая 2015 г. Российский институт стратегических исследований. Москва.

1. Сбор и обработка информации о перспективных инновационных проектах (экспертиза, реестры и др.).
2. Поддержка и сопровождение реализации инновационных проектов (информационная, правовая, политическая, финансовая и др.).

Фактически эти функции соответствуют обобщенному определению инжиниринговых центров. *Инжиниринговый центр* предоставляет профессиональные услуги в области создания высокотехнологичной продукции клиентам и партнерам самого разного масштаба: от стартапов до международных организаций и государственных компаний. Очевидно, что инжиниринговые центры важны и нужны для инновационного развития, однако имеют ярко выраженную доминирующую рыночную ориентацию.

Вне рассмотрения инжиниринговых центров остаются важнейшие вопросы инновационного развития на пространстве ШОС и в целом на евразийском пространстве:

1. Как связаны инновационные проекты с развитием субъектов ШОС и ШОС в целом? (*“развитие”*).
2. Целесообразна ли реализация конкретных инновационных проектов с точки зрения пользы для развития? (*“продуктивность”*, затраты и др.).
3. Какие угрозы несет конкретный инновационный проект для отдельных субъектов ШОС и ШОС в целом? (*“безопасность”*).
4. Как воспримет население конкретный инновационный проект на пространстве ШОС (*“удовлетворенность”*).

При отсутствии ответов на эти вопросы имеет место разрыв между инновациями и развитием! Инновации ради инноваций выводят эти процессы из сферы стратегического развития. Как следствие потеря *целостности* развития участников и ШОС как организации.

Для обеспечения согласованности инновационных процессов с интересами развития отдельных участников и ШОС в целом необходимо организовать информационное (модельное) пространство адекватное поставленной проблеме [1]. Предлагается построение модельного конфигуратора организации совместного инновационного развития на пространстве ШОС. На Рис. 1. Представлен фрагмент модельного конфигуратора.

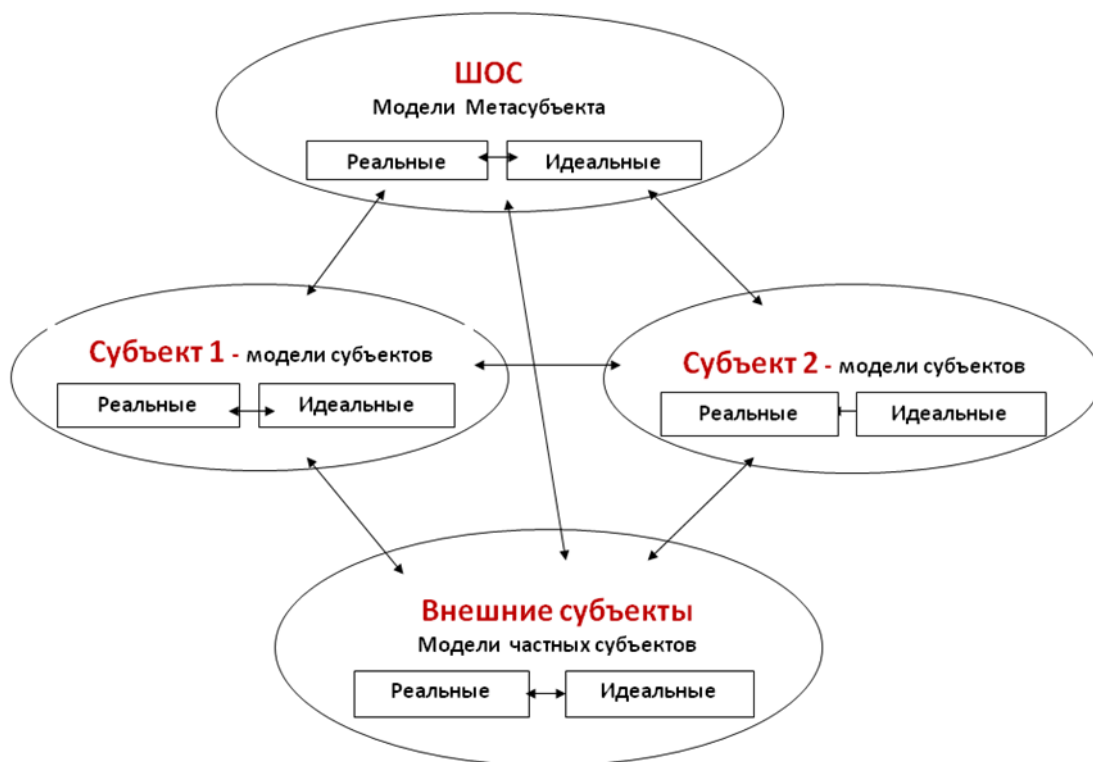

Рис.1. Фрагмент модельного конфигуратора организации совместного инновационного развития на пространстве ШОС.

Идеальные модели задают видение *образа будущего*. Вектор развития отдельных субъектов и ШОС в целом определяется через соотнесение реальных и идеальных моделей. Выделим также частные аспекты назначения конфигуратора моделей инновационного развития:

- проектирование и поддержка *«общего поля видения»* будущего и реалий для субъектов совместного инновационного развития.
- основания для *коллективного договора* субъектов и поиска адекватных механизмов
- *совместного инновационного развития;*
- задание *оснований для критериев* организации совместного инновационного развития субъектов;
- возможности *выявления вызовов, угроз и предложений* по совместному инновационному развитию и его непрерывному мониторингу;
- основания для разработки механизмов *использования «мягкой силы»* в интересах совместного инновационного развития;
- создание предпосылок для *преодоления «экономического редуционизма»* и эгоизма участников инновационного развития;
- создание условий для *формирования саморазвивающейся инновационной среды.*

Создание модельного конфигуратора организации совместного инновационного развития на пространстве ШОС позволит реализовать критерии организации совместного инновационного развития:

1. *Продуктивность* – определяется через соотнесение динамики реальных и идеальных целевых характеристик моделей отдельных субъектов и среды в целом.
2. *Безопасность* – определяется через негативные тренды во всех характеристиках реальных и идеальных моделей.
3. *Развитие* – определяется через позитивные тренды во всех характеристиках реальных и идеальных моделей.
4. *Удовлетворенность* – определяется через оценку субъективных мнений различных представителей субъектов совместного развития и субъектов внешней среды.

Для осуществления предложенных потенциальных возможностей необходима организация адекватной инфраструктуры. Наряду с созданием ЦВТ ШОС (инжиниринговый центр) требуется создание Стратегического центра инновационного развития ШОС /СЦИР ШОС/. В таблице 1. Представлена оценка отдельных подходов к организации инновационного развития на пространстве ШОС и преимущества интеграции ЦВТ ШОС с СЦИР ШОС с учетом возможностей использования технологий Институтов генеральных конструкторов.

Таблица 1.
Потенциал интеграции ЦВТ ШОС и СЦИР ШОС
с использованием технологий Института Генеральных конструкторов

Стратегии и проекты инновационного развития	Классическая научная рациональность		Неклассическая научная рациональность	Постнеклассическая научная рациональность	Инициаторы развития		
	Функциональная модель	Линейная модель	Нелинейная модель	Модель саморазвивающихся сред	Интернальные модели	Экстернальные модели	
						Заказные	Рыночные
ЦВТ ШОС	+		+++	+	+++		+++
СЦИР ШОС	+++	+	+	+++	+	+++	+
Институт Генеральных конструкторов ВПК СССР	+++	+++	++	+	++	+++	+
Интеграция ЦВТ, СЦИР Инс-тов Ген. Конструкт.	+++	+++	+++	+++	+++	+++	+++

Интеграция функциональных возможностей ЦВТ и СЦИР ШОС возможна как на основе их кооперации, так и за счет объединения этих центров в одном, качественно новом центре. При этом важно отметить целесообразность использования технологий Института генеральных конструкторов.

Заключение. На евразийском пространстве актуальна проблема создания наряду с инжиниринговыми центрами Стратегических центров инновационного развития с использованием технологий Института генеральных конструкторов. Решение этой проблемы неразрывно связано с решением проблемы сборки субъектов развития на евразийском пространстве.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Анализ моделей инновационного развития в России / Данный сборник.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ ЗА ДОМИНИРОВАНИЕ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ - ВЫЗОВ ДЛЯ СБОРКИ СУБЪЕКТОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Лепский В.Е. (Институт философии РАН, Москва),

Мельников А.А. (Удмуртский государственный университет,
г. Воткинск),

Пойкин А.Е. (Московский государственный университет экономики,
статистики и информатики, Москва)

Аннотация. Обосновывается интенсификация информационных войн за доминирование в инновационной сфере. Бессубъектность инновационного развития определяется как главная причина уязвимости в информационных войнах. Обосновывается ключевое значение "сборки субъектов" для обеспечения защищенности инновационной сферы и интеграционных процессов Евразийского пространства.

Ключевые слова: инновационное развитие, евразийское пространство, инновационные войны, бессубъектность, национальная безопасность.

THE INFORMATION WAR FOR DOMINANCE IN INNOVATION RUSSIA AND IN EURASIAN SPACE

Lepskiy V.E., Melnikov A.A., Poikin A.E.

Abstract. For domination the intensification of information wars proves in innovative area. Subjectless innovative *development* it is defined as the main reason for vulnerability in information wars. Key value 'assembly of subjects for

maintenance of security of innovative area and integration processes of the Euroasian space proves.

Key words: innovational development, the Eurasian space, the innovation war, NBIC, socio-humanitarian technologies, reflective technologies, subject, subjectless, national security.

Интенсификация информационных войн за доминирование в инновационной сфере. На начало XXI века основным источником экономического роста и аккумулятором развития были определены инновации, высокие технологии и интеллектуальная составляющая труда, знания. Ведущие страны мира стали форсировать научно-техническое развитие, чтобы не только первыми выйти из неопределенности кризиса, но и удержать лидерские позиции в ближайшем будущем. Таким образом, инновации стали одним из основополагающих факторов суверенитета государства, что естественно привлекло внимание со стороны специалистов по информационному противоборству и «soft power».

Интенсификация информационных войн в инновационной сфере связана со следующими трендами:

- доходы от экспорта высоких технологий в настоящее время превышают доходы от торговли сырьем, и далее разрыв будет только увеличиваться;
- национальная безопасность и обороноспособность государств оказывается в сильной зависимости от развития высоких технологий;
- доминирование в инновациях информационного пространства оказывает существенное влияние на потенциальные возможности доминирования в экономике и политике.

Пространство инноваций и высоких технологий, в виду реалий перехода от однополярности к взаимодействию нескольких центров сил, и необходимостью гармонизации таких отношений, становятся одним из важнейших театров информационных войн. Доминирование в инновациях самого информационного и виртуального пространства становится решающим фактором контроля и сохранения лидерства той или иной страны. Информационное воздействие на фондовые и валютные рынки, акции технологических компаний, подконтрольность СМИ, технологии информационного воздействия на русла технологического развития, противоборство методами «Soft Power», агенты влияния, использование когнитивного оружия, патентные войны, ложная статистика, дезинформация о тех или иных технологических открытиях – все это позволяет контролировать не только инновационный сектор, но и влиять на экономическое развитие

всего государства, а значит и на его политику, общество. Такое влияние ведется на нескольких уровнях – от технологической конкуренции и шпионажа до информационного противоборства на уровне смыслов и ценностей, лежащих в основе инновационных сред и войн мегапроектов в битве за ресурс Будущего [1].

Основные направления информационных войн за доминирование в инновационной сфере. Информационные войны за доминирование в инновационной сфере могут быть сфокусированы по трем основным направлениям:

- разрушение субъектности инновационного развития;
- разрушение среды инновационной развития;
- скрытое управление тематикой инновационного развития.

Разрушение субъектности инновационного развития. Основной целью информационной войны в инновационной сфере является деформация субъектности развития страны. Основными симптомами данной болезни являются: блокировка рефлексии; отсутствие целей, образа будущего, стратегии; отсутствие ценностей и этических основ в действиях власти, либо их несоответствие интересам страны и народа; неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться на нее, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать [3].

Механизмы разрушения субъектности развития разнообразны. Технология управляемого хаоса, один из наиболее эффективных механизмов [4]. В инновационной сфере эти разрушения проявились в отрыве инновационного развития от развития страны (экспорт технологий в чужие экономики), разрушение наиболее эффективных субъектов инновационного развития Институтов Генеральных конструкторов, разрушении целостной линейной модели инновационного развития. И что еще крайне важно для инновационного развития, в дезинтеграции связей и разрушении пространства доверия между государством, бизнесом и обществом.

Разрушение среды инновационной развития. Негативное воздействие на инновационную среду развития государства ведется во многом общими инструментами с разрушением субъектности развития, поскольку в концепции постнеклассической рациональности среда рассматривается как метасубъект [5]:

- Разрушение системы управления и сокращение роли государства.

- Разрушение линейной модели инновационного развития (фундаментальная наука – прикладные НИИ – практика, производство, бизнес). Деиндустриализация страны.
- Разрушение науки и ее недостаточное финансирование.
- Разрушение системы образования.
- Отрыв системы национальной безопасности от развития страны [6].
- Подмена смыслов (переход от жанра фантастики, будущего и технологий к жанру фэнтези, архаике средних веков и магии).
- Отсутствие поддержки талантливой молодежи.

Разрушение среды инновационного развития и фрагментация технологических производств гарантированно убирают страну-жертву информационной агрессии с позиций суверенного государства, с которым нужно считаться.

Скрытое управление тематикой инновационного развития. Механизмы и инструменты скрытого управления тематикой инновационного развития наиболее сложны в информационной войне, поскольку для оценки актуальности направлений развития технологий необходима комплексная система мониторинга и анализа научно-технической информации, специальные научные структурные подразделения, активное вовлечение в эти процессы экспертных сред. Скрытое управление инновационным развитием и его тематиками в основном происходит через открытые информационные каналы, новостной контент, экспертную среду. Это создает информационные мемы, которые влияют на сознание и подсознание общественности, что затем проявляется в заданных контекстом направлениях инноваций. Скрытое управление тематикой инновационного развития происходит также и на управленческом, прикладном уровне, не только через информационные и ментальные конструкты. Через коррупционную систему в любом государстве можно профинансировать те или иные деградационные процессы в образовании и науке, через СМИ, «грантоедов», ученых, чиновников, ВУЗы задавать в законодательных документах, планах, тезисах, программах «приоритетные» направления для страны.

Важнейшее направление связано со скрытым управлением инфраструктурами инновационной сферы. В российских реалиях это особенно четко проявляется в использовании когнитивного оружия, «навязывании» через экспертов и СМИ инфраструктурных образований, ориентированных исключительно на рыночную экономику, а не на продвижение инноваций ориентированных на конкретные потребности российской промышленности. Это отчетливо просматривается в Стратегии инновационного развития Российской

Федерации на период до 2020 года, в проекте «Сколково», в продвижении инжиниринговых центров, оторванных от стратегических ориентиров страны и интеграционных процессов на евразийском пространстве. Как следствие российские инновации начинают обслуживать в первую очередь чужие экономики.

Бессубъектность инновационного развития основная причина незащищенности в информационных войнах. Бессубъектность инновационного развития в России поразила в той или иной степени всех основных участников процесса развития – государство, общественные и политические сообщества, социальные институты [3]. В инновационной сфере признаки бессубъектности отчетливо проглядываются в отрыве сферы инноваций от стратегических интересов российского развития, в замещении институтов и структур бизнес-проектами, в тотальной монетаризации и либерализации научно-технического процесса, коррупции, отсутствии социальной рефлексии («все за нас решат»), государственной субъектности (подчинение и переподчинение, бюрократизация) и размытости целей (без образа желаемого будущего не будут работать никакие стратегии). Также характерными чертами инновационной сферы являются тотальное заимствование западных схем управления и форматов инфраструктуры (зачастую давно устаревших и несоответствующих современным реалиям), постоянное реформирование научной и образовательной сфер, законодательное создание благоприятной среды для ангажированности, коррупции и проникновения заинтересованных лиц в процессы инновационного развития страны. Эти признаки констатируются не только аналитиками и экспертным сообществом, но уже и общественностью. Вышеперечисленные «особенности» способствуют хаотизации научно-технической сферы государства, «высвечивают» слабые места системы и позволяют беспрепятственно вести информационную агрессию против нашей страны. Еще печальнее, что основные стратегические документы страны задающие ориентиры для инновационного развития также заражены бессубъектностью, что делает их как минимум бесполезными [1].

Первоочередные задачи в обеспечении защищенности от деструктивных информационных воздействий на инновационную сферу России. Очевидно, что необходимо сконцентрировать усилия на создании специализированных структур и совершенствовании методологии и технологий информационной безопасности и противоборства. Однако этого явно недостаточно. Проблема комплексная, неразрывно связанная с системным кризисом страны, о чем убедительно свидетельствует критический анализ базовых

стратегических документов [1]. В центр внимания руководства страны и общества должна быть поставлена проблема формирования субъектности развития, в том числе и субъектности инновационного развития страны.

Главная задача в сложившихся условиях должна быть связана с построением «стратегической вертикали власти», способной перейти к стратегической проектной работе по развитию страны. Необходимо объединить усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование. Для этого нужны специальные технологии (социогуманитарные) и проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов интеллектуальным силам России, которые оказались не готовы к их решению и уступили в очередной раз чиновникам право бесконтрольного управления страной.

Страна располагает относительно небольшим ресурсом времени для продолжения поисков выхода из кризисного состояния. В этой связи нельзя рассчитывать на стихийное формирование механизмов развития. Необходимо срочно найти или сформировать субъектов, способных взять на себя эти функции и продуктивно их реализовать.

Более 10 лет назад была выдвинута идея создания *второго контура стратегического управления и развития страной*, гармонично сочетающего иерархический и сетевой подходы к управлению и развитию [3]. Контур государственно-общественного под непосредственным руководством Президента РФ, контур с полномочиями выше ведомственных структур исполнительной власти. Выстраивается параллельная властная структура, с включением общественно-административных структур, бизнеса и экспертных сообществ, активных граждан, которые будут принимать государственные решения, помогать на местах, контролировать исполнение указов официальной власти. Такая структура не обязательно должна быть многочисленной, но она будет обладать достаточной гибкостью, адаптивностью. Кадры этой структуры на общей мировоззренческой и методологической основе создадут условия для сборки стратегического субъекта российского развития, осмыслят и представят Образ желаемого будущего широкой общественности, экспертному и научному сообществу, контрэлите, и при наличии позитивной обратной связи начнут притворять стратегические замыслы в жизнь. Соответствие осуществляемой политики и образа желаемого будущего станет новым, и более эффективным, основанием легитимности власти. Идея не устарела и сегодня, более того, на наш взгляд, это практически единственный путь

перейти к развитию без революционных катаклизмов, исключительно реформированием механизмов управления и развития.

За прошедшие десять лет проведены научные исследования и разработаны на основе субъектно-ориентированного подхода социогуманитарные технологии, которые могли бы лечь в основу организации второго контура стратегического управления и развития страной.

Первоочередные задачи в обеспечении защищенности от деструктивных информационных воздействий на инновационную сферу евразийского пространства. Интеграционные процессы на евразийском пространстве создают как предпосылки для синергичной организации инновационного развития, так и предпосылки для усиления влияния деструктивных воздействий на инновационную сферу. Потенциально возможные конфликты инновационных интересов участников интеграционных процессов могут провоцировать внутренние информационные противоборства, а также создавать благоприятные условия для реализации внешних деструктивных воздействий.

Для успешной организации защищенности инновационной сферы на евразийском пространстве от деструктивных информационных воздействий ключевое значение имеют технологии «сборки субъектов» совместного развития [7]. Опора исключительно на рыночные механизмы сборки субъектов не позволит создать эффективные механизмы защиты от внешних и внутренних информационных угроз инновационному развитию. К сожалению, в настоящее время явно доминирует рыночный подход к инновациям на всех интеграционных площадках евразийского пространства. Например, в ШОС в центре внимания обеспечения инновационного развития оказались инжиниринговые центры [2].

Принципиально важно для обеспечения защищенности от деструктивных информационных воздействий на инновационную сферу является обеспечение целостности процессов управления инновационным развитием, формирование субъектности развития, в том числе и инновационного развития на евразийском пространстве. Для решения этой проблемы необходима разработка адекватной методологии, критериев, моделей общего информационного пространства и технологий управления такого рода процессами.

Гарантии суверенитета субъектов-участников совокупного интеграционного проекта могут быть обеспечены при обязательном представлении его как миропроекта. При этом одна из основных целей должна быть ориентирована на *установление паритетного баланса мировых центров влияния* [8].

Создание метасубъекта коллективного развития позволит каждому субъекту видеть вектор развития целого и проекцию на него своего вектора развития, позволит создавать форматы и механизмы защиты как внутреннего пространства каждого субъекта (коррупция, враждебная идеология, искажённая картина мира), так и внутренней среды самого объединения (культурные, национальные, элитные разногласия). А гармония и целостность метасубъекта позволит формировать эффективные инструменты защиты от информационных войн во внешней среде, что позволит легче договариваться и согласовывать интересы с другими акторами мировой политики.

К настоящему времени создан определенный научный задел, который в короткие сроки может быть доработан для старта пилотного проекта. Предлагаемый подход обеспечит гармонию развития и безопасности, что позволит успешно решать задачи защиты от деструктивных информационных воздействий на евразийском пространстве.

Заключение. Бессубъектность развития основная причина незащищенности в информационных войнах за доминирование в инновационной сфере. Базовые российские стратегические документы не содержат убедительных аргументов для становления России на путь инновационного развития в интересах сохранения ее суверенитета и процветания, а проблемы защиты от деструктивных воздействий на инновационную сферу в этих документах вообще не рассмотрены.

Явно недостаточно сконцентрировать усилия на создании специализированных структур и совершенствовании методологии и технологий информационной безопасности и противоборства. Проблема комплексная, неразрывно связанная с системным кризисом страны, о чем убедительно свидетельствует критический анализ базовых стратегических документов. В центр внимания руководства страны и общества должна быть поставлена проблема формирования субъектности развития, в том числе и субъектности инновационного развития страны. Главная задача в сложившихся условиях должна быть связана с построением «стратегической вертикали власти», способной перейти к стратегической проектной работе по развитию страны. Необходимо объединить усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование.

Для успешной организации защищенности инновационной сферы на евразийском пространстве от деструктивных информационных воздействий ключевое значение имеют технологии «сборки субъектов» совместного развития. Опора исключительно на рыночные механизмы сборки субъектов не позволит создать эффективные механизмы защиты

от внешних и внутренних информационных угроз инновационному развитию.

Литература

1. Лепский В.Е., Мельников А.А., Пойкин А.Е. Информационные войны за доминирование в инновационной сфере России и на евразийском пространстве // Информационные войны. 2015. №4.
2. Лепский В.Е. От инжиниринговых услуг к целостности инновационного развития на пространстве ШОС (сборка субъектов развития) / Данный сборник.
3. Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. № 1, 2002. С.5-23. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm
4. Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны №4, 2010. С.69-78. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf
5. Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
6. Лепский В.Е. Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. №2. С. 24-30.
7. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН. 2010. – 271 с. <http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2010-sborka.pdf>
8. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный анализ проблем интеграционного проекта для Евразии // Развитие и экономика. N2, 2012. С.108-115.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
«Философско-методологические основания и специфика
социогуманитарного проектирования инновационных инфраструктур
на Евразийском пространстве» проект № 14-23-01013*

СОЛИДАРИСТСКИЙ ПРОЕКТ РАЗВИТИЯ РОССИИ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ НЕРЕАЛИЗУЕМЫЙ ИДЕАЛ?

А.Н. Окара (Центр восточноевропейских исследований, Москва)

Аннотация. В докладе А.Н. Окары рассматриваются объективные противоречия между логикой современного постиндустриального развития и структурой российской политической системы, которая препятствует подобному развитию. Идеология солидаризма рассматривается как возможность максимального ситуативного компромисса между модернизацией и «русской системой власти».

Ключевые слова: солидаризм, солидарность, русская система власти, модернизация России.

DEVELOPMENTALLY PROJECT BY SOLIDARISMIN CONTEMPORARY RUSSIA: REALITY OR UNREALIZABLE IDEAL?

Andrew N. Okara

Abstract. The report by Andrew N.Okara (Moscow, Russia) considered objective contradictions between the logic of the modern post-industrial development and the structure of the Russian political system, which prevents such a development. The ideology of solidarism is seen as an ability of compromise between the modernization of Russia and Russian government system.

Keywords: the solidarism, a solidarity, Russian government system, the modernization of Russia.

Необходимость полноценной социально-экономической и политической модернизации инновационного типа рассматривается экспертным сообществом и ядром гражданского общества России как критическое условие сохранения и полноценного развития страны.

При этом российский политический класс, особенно его ядро, участвующее в формировании внутренней и внешней политики, а также «сырьевая» олигархия, придерживаются в своей массе иной точки зрения, хотя используют модернизационную тематику и риторику для легитимации собственного статуса (существенное уменьшение модернизационной тематики во властном дискурсе фиксируется с весны 2014 года).

Сторонники модернизации существенно расходятся в выборе стратегии, идеологии, онтологических предпосылок и в целеполагании. Так, достаточно широко распространены различные проекты (и «прожекты») модернизации на основе либеральных, либертарианских, социал-демократических, либерально-консервативных, консервативных, консервативно-революционных идеологических приоритетов. Однако, как представляется, в большинстве подобных стратегий не учитывают структурные изменения в общественных отношениях, связанные с переходом к постиндустриальному информационному обществу.

Следует учесть, что природа российского общества и государства такова, что главным и единственным полноценным политическим актором политической системы является «Русская Власть» (по А.И. Фурсову и Ю.С. Пивоварову), т.е. жестко интегрированный авторитарный властный моносубъект, который, тем не менее, может считаться единственным гарантом сохранения российской территории.

Однако следует учесть, что наличие подобного политического актора делает невозможными успешную модернизацию и модернизационный

тип развития — за исключением тех модернизаций, в которых кровно заинтересована сама «Русская Власть». А ее интерес к модернизационным процессам и особенно модернизационной риторике связан с угрозой утраты «моносубъектности» исключительного права на политическое господство. В случае успеха модернизация перераспределяет выгодоприобретателей от модернизационного развития, вытесняя из этого круга и «Русскую Власть» как актора, и ее персональный состав.

Как представляется, значительным эвристическим и практическим значением для идеологий и стратегий российской модернизации обладает концепт солидаризма и близких по структуре учений.

Солидаризм рассматривается одновременно: во-первых, как социальная этика, основанная на взаимодополнении индивидуального и всеобщего, эгоизма и альтруизма; во-вторых, как политическая идеология, ориентированная на модель властной полиархии; в-третьих, как тип социальной интеграции, основанный на выстраивании мощных горизонтальных связей; в-четвертых, как политэкономическое учение, основанное на представлении о совместном участии работодателей и наемных рабочих в прибыли предприятия; в-пятых, как специфическая информационная политика, культивирующая в обществе идеалы братства, взаимопомощи, самоорганизации, альтруизма.

Солидаризм основывается на принципе согласования индивидуальных и общих интересов, поэтому он отвергает и либеральный индивидуалистический эгоизм, и тоталитаристский коллективизм и альтруизм.

Ключевой проблематикой для солидаризма является соотношение «я» и «мы». Фактически, это единственная идеология, которая пытается уравновесить индивидуализм личности как самодостаточного субъекта и интерес общества как целого, в котором, однако, личное не теряется и не умаляется.

Ключевой вопрос для этики солидаризма заключается в возможности объединения ресурсов и возможностей субъектов отношений для достижения общих целей, при этом интересы каждого из субъектов находятся в равновесии с интересами общности и не приносятся в жертву ни абстрактному общему интересу, ни индивидуальному эгоизму.

Казалось бы, большинство этих ценностей и явлений не только не вписываются в российский политический контекст, но и прямо противоречат условиям существования «Русской Власти».

Политическая идеология классического солидаризма, а также доктрины близких к солидаризму течений (христианской демократии, неокорпоративизма, анархо-синдикализма), исходят из приоритета

«органической» (по Дюркгейму) социальной солидарности, сотрудничества, кооперации, синергетического эффекта, свободной лояльности, самоорганизации, социального братства, альтруизма, взаимного доверия между различными стратами, группами интересов, сообществами с противоположным целеполаганием.

Особенно важен эффект солидарности в условиях постиндустриального общества, поскольку критерии конкурентоспособности государства зависят от эффективности реализации человеческого и социального капиталов, от производства и внедрения инноваций, что, в свою очередь, зависит от солидаризации креативных сообществ и иных амбициозных социальных субъектов.

Оказывается, что в XXI веке среди качеств, обеспечивающих политическим акторам социальную успешность, эффективность, элитный статус и чувство самореализации, оказываются не «жесткая сила», способность к доминированию и конкурентоспособность, а способность к синергетическому взаимодействию, поиску равновесия между индивидуальным и всеобщим благом.

Поэтому в постиндустриальном обществе можно наблюдать иной тип интеграции, чем в индустриальном, — не на основе жестких социальных статусов и «вертикальной» субординации, а на основе осознанной свободной лояльности.

Общества, выстроенные на приоритетах «жесткой силы», патернализма, культа иерархии, эффективности насилия не являются привлекательными для классов, создающих конкурентоспособность страны в XXI веке — в условиях глобализации и открытых границ.

Соответственно, успех страны и ее место в международном балансе, устойчивость ее развития, уровень жизнеспособности зависит от сбалансированности факторов внутреннего развития — экономической модели, способности к модернизации, способности к генерированию и внедрению инноваций, открытости политической системы, господствующих ценностей и т.д.

Несмотря на то, что именно в контексте русской философии и политической мысли на протяжении, как минимум, двух веков вызревали идеи, которые в той или иной степени созвучны солидаризму или легли в его основу (ранние славянофилы, Хомяков, Соловьев, «религиозный ренессанс», анархо-синдикалисты, Кропоткин, Вернадский, «космисты», идеологи НТС), современная Россия — страна, далекая от идеалов солидаризма, а многие параметры российского развития — диаметрально ему противоположны (моносубъектность власти, отсутствие конкурентного политического процесса, неразрывность власти и собственности, доминирование

мобилизационного типа развития, культивирование государством идентичности «осажденной крепости»).

Однако, как представляется, в современной России возможна успешная и завершенная модернизация на этических началах и принципах солидаризма. Более того, в современных реалиях завершенность модернизации напрямую зависит от следования солидаристским принципам и ценностям — в т.ч. от сочетания «модернизации сверху» (модернизационной воли государства) и «модернизации снизу» (модернизационного импульса гражданского общества). Неотъемлемым условием успешности модернизации является также создание нового социального субъекта, способного быть гарантом и выгодоприобретателем инновационного развития страны. Несомненно также, что «Русская Власть», организованная по принципу политического моносубъекта, таким инновационным субъектом не является, более того — является его главным конкурентом и врагом.

Поэтому сохранение нынешней политической системы и модернизационный тип развития в целом несовместимы. Возможен лишь временный и частичный компромисс, ведущий либо к незавершенности модернизации (в случае, если «Русская Власть» окажется сильнее), либо к частичному слому властной монополии, а также к появлению у государства инновационных функций (в случае, если модернизационный субъект, модернизационный импульс и его социальная база будут сильнее, чем прочность системы). Как представляется, идеология солидаризма предполагает наиболее широкое поле компромисса между этими двумя антиподами — «Русской Властью» и субъектом инновационного развития страны.

ПРОБЛЕМА БЕССУБЪЕКТНОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕЕ ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Е.А. Тюгашев

(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)

Аннотация. Бессубъектность развития России рассматривается в историческом масштабе евразийской цивилизации и во взаимосвязи с объект-объектными онтологическими моделями, доминировавшими в ее общественной мысли. Выделены объективные предпосылки бессубъектности евразийской цивилизации и обобщен ее исторический опыт по сборке субъектов.

Ключевые слова: субъект, объект, цивилизация, Евразия, философия.

THE PROBLEM OF SUBJECTNESSLESS IN EURASIAN CIVILISATION AND ITS PHILOSOFICAL REFLECTION

E.A. Tyugashev (Novosibirsk State University, Novosibirsk)

Abstract. The subjectnessless of Russia's development is reviewed in historical scale of eurasian civilisation and considering its connection with object-subject ontologic models dominating in its social thought. The objective preconditions of eurasian civilization's subjectnessless are outlined and its historical experience on assembling of subjects is summarized.

Keywords: subject, object, civilization, Eurasia, philosophy.

В отношении российской цивилизации В.Е. Лепским была зафиксирована такая ее черта как бессубъектность развития. Последняя характеризуется неспособностью адекватно воспринимать и оценивать сложившуюся ситуацию, самоидентифицироваться и самоопределяться, принимать рефлексивные решения [2, с. 261]. Бессубъектность диагностируется как эпизодический эффект («болезнь»), возникающий в той или иной стране в результате внешнего влияния, генерирующего режим «управляемого хаоса» [2, с. 20], который позволяет перехватить управление и поставить страну под внешний контроль. В.Е. Лепский связывает бессубъектность с современным этапом развития России. Но проблема бессубъектности может быть зафиксирована и в более ранние периоды ее истории. Поэтому представляет интерес, каким образом эта проблема прежде осознавалась и разрешалась.

Напомню, что во второй половине 1980-годов в отечественном общественном сознании стала подчеркиваться бессубъектность теоретических конструкций философии, политической экономии, социологии. Обращалось внимание на необходимость учета человеческого фактора, личности, ее деятельности и сознания, в целом субъектной составляющей общественного развития. Очевидно, что «бессубъектное» описание развития общества через динамику производительных сил и производственных отношений – органическая черта отечественного марксизма, который еще в дореволюционный период защищал себя от обвинений в экономическом детерминизме.

Поэтому едва ли прав В.П. Фофанов, полагающий, что в советском марксизме в качестве базовой онтологической схемы господствовала конструкция субъект-объектного отношения [4]. Мы не наблюдаем в советском общественном сознании проработанные конструкции, аналогичные теориям социального действия. Идеология классовой борьбы использовалась в достаточно узкой сфере и не достигала обобщения в социально-онтологической конструкции субъект-субъектного отношения (взаимодействия).

Болезнью бессубъектности страдала общественная мысль России и XIX века. Не случайно, на наш взгляд, Н.Г. Чернышевский провозглашает антропологический принцип в философии, а народническая мысль (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, Н.И. Кареев) выдвигает субъективный метод как основополагающий для субъективной школы в социологии. Оппозиционный статус потерпевшего историческое поражение народничества с его идеей субъектности является признаком того, что бессубъектное понимание общественного развития более органично для российского социума.

Таким образом, бессубъектность представляется не столько эпизодическим феноменом, сколько неотъемлемой чертой организации мышления и деятельности в условиях российской цивилизации. «Нормальная» для развития России бессубъектность с необходимостью рефлексивируется в онтологических схемах, господствующих в отечественной общественной мысли.

В.П. Фофанов полагает, что схема субъект-объектного отношения не случайна, а выражает специфику западного социокультурного типа. Данная специфика обусловлена, по его мнению, христианством – с базовым для него концептом творения – и скотоводством, практически реализующим субъект-объектную организационную схему «пастырь – паства».

Нетрудно показать, что схема субъект-объектного отношения обнаруживается в концепциях Ума Анаксагора и Аристотеля, демиурга Платона, в аристотелевской модели «четырех причин». Использование данной схемы может быть объяснено базовой ролью скотоводства в хозяйственной культуре греческих племен.

Можно предположить, что бессубъектность – цивилизационная характеристика России. Так видели ее развитие славянофилы и евразийцы. Не только они, но и В.Ф. Одоевский, В.О. Ключевский, Н.А. Бердяев, А.А. Блок и т.д. в историософии России выражали *стихийное* миропонимание, т.е. фиксировали движение и взаимодействия стихий леса и степи, Запада и Востока, народов и религий.

Стихийное миропонимание – это социокультурное эхо ионийской философии с ее интенциями беспредельности, метаморфоза стихий, слитности духа и материи [5]. Мир как стихия – это не мир беспорядка и разрушения, а динамичный мир симфонии, музыки стихий.

Примечательно, что А.Н. Гиляров [1, с. 102] оценивал стихийный материализм ионийцев как выражение философского объективизма (главное – действительность, внешний мир), обусловленного господствующим гражданским объективизмом (главное – обычай, государство и закон). На действительность и действенность

гражданского объективизма – и в этом смысле на бессубъектность гражданской жизни Ионии – фактически указывал Гераклит, с горечью пенявший эфесцам за изгнание его друга Гермодора.

Геокультурно Иония – это Малая Евразия, т.е. один из локусов евразийской цивилизации, более поздние формации которой были представлены в эллинистических государствах и Византии. С учетом этого, можно предполагать, что бессубъектность – характерная черта евразийской цивилизации.

В бессубъектном развитии определяющую роль играют объекты. В соответствующей картине мира важны объект-объектные отношения, объективность и объективизм. В такой социокультурной картине мир – это стихия, все – объекты взаимных действий (жертвы и заложники ситуаций), никто ничего не может сделать, а поэтому никто конкретно не виновен и ни за что не отвечает. Если что-то делается, то как бы само собой.

Объективными предпосылками бессубъектности развития в евразийской цивилизации можно считать:

- открытость месторазвития для внешних влияний с различных геополитических границ;
- миксис (перемешивание) народов и культур, затрудняющий точную самоидентификацию;
- неустойчивость и переменчивость исторического бытия, обусловленные пребыванием в зоне рискованного земледелия и разнонаправленными внешними влияниями.

Исторический опыт евразийской цивилизации показывает, что сборка субъектов в ней осуществляется:

- образованием комплементарных интерэтнических союзов (славяне и финно-угорское население, славяне и тюрки);
- в рамках внешней экспансии, возникавшей как ответная реакция на внешнее цивилизационное давление (со стороны персов на эллинов, монголов и турок на Россию);
- комплектованием «верхов» евразийской культуры на иноэтничной основе (призвание варягов и представителей других пассионарных этносов);
- выделением из «низов» евразийской культуры «евразийского актива» вследствие интенсивной вертикальной мобильности.

Таким образом, бессубъектность развития России может быть рассмотрена в историческом масштабе евразийской цивилизации и во взаимосвязи с объект-объектными онтологическими схемами, доминировавшими в ее общественной мысли. При решении задачи

формирования и сборки субъектов развития России важно учитывать конкретно-исторический опыт евразийской цивилизации.

Литература

1. *Гиляров А.Н.* Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции. – М.: Университетская типография, 1891.
2. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И. Аршинова, В.Е. Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН, 2010.
3. Проблема способа бытия объекта исследования как методологическая проблема. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002.
4. Роль философии в современном мире (материалы круглого стола) // Идеи и идеалы. – 2010. – № 3. Т. 1. <http://ideaidealy.ru/philosophy/mexanika-zhizni>.
5. *Тюгашев Е.А.* Евразийство: социокультурное эхо ионийской философии // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2014. – С. 289-295.

ОБРАЗ БУДУЩЕЙ РОССИИ (РЕФЛЕКСИЯ НАД БУДУЩИМ)

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕЙ РОССИИ

В.Е. Ленский (Институт философии РАН)

Аннотация. Главной проблемой формирования образа будущей России является преодоление бессубъектности развития. Обоснованы тупики экономических и цивилизационных прорывов в будущее. Рассмотрены исходные посылы постнеклассической методологии формирования образа будущей России как саморазвивающейся среды. Обозначены первоочередные задачи.

Ключевые слова: образ будущей России, классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность, саморазвивающиеся среды.

POSTNONCLASSICAL METHODOLOGY FORMATIONS OF THE IMAGE OF THE FUTURE RUSSIA

V.Lepskiy (Institute of philosophy of the Russian academy of sciences)

Abstract. The main problem of formation of an image of the future Russia is overcoming subjectless of the development. Deadlocks economic and civilization breaks in the future are proved. Bases of postnonclassical methodology of formation of an image of the future Russia as self-developing environments are considered. Priorities are designated.

Key words: image of the future Russia, the classical, nonclassical, postnonclassical rationality, self-developing environments.

1. Диагноз для России - «бессубъектность развития». Основными симптомами данной болезни являются: блокировка рефлексии; отсутствие целей, образа будущего, стратегии; отсутствие ценностей и этических основ в действиях власти, либо их несоответствие интересам страны и народа; неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться на нее, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать [1].

Без преодоления этой болезни нет оснований надеяться, что Россия сможет встать на путь достижения какого-либо позитивного ее образа.

Для лечения этой болезни необходимо учитывать и состояние мирового сообщества. Фактически имеют место серьезные аргументы в пользу тезиса, что современный мировой кризис следует рассматривать как кризис принятых форм жизнедеятельности на планете, кризис современного мирового порядка. Мировое сообщество не осознает целей и возможностей своего развития, не берет в должной степени

ответственности за свои же деяния перед жителями планеты и различными социокультурными образованиями, перед Природой и Мирозданием в целом. "Бессубъектность развития" – главная болезнь мирового сообщества [2].

2. Тупики экономических прорывов в будущее. Выделим два подхода: адаптивный и локомотив технологических укладов.

Адаптивный подход базируется на учете статистических и других характеристик экономики экстраполяции характеристик в будущее и учете складывающихся реалий. Ярким примером был ориентир на «удвоение ВВП». Такого рода подход приведет страну в пропасть, ибо экономика перестала быть локомотивом развития, более того он легко вычисляется субъектами миропроектов и субъектами других экономик, которые обслуживает и будет далее обслуживать российская экономика.

Локомотив технологических укладов. В настоящее время многие ученые, управленцы и политические деятели опираются в построении картин видения будущего на сложившиеся в экономике представления о технологических укладах, связывают теперешнее состояние дел в мире с размышлениями и с выводами Н.Д.Кондратьева о длинных циклах. При этом полагая, что нарастающие темпы VI технологического уклада (нано-био-инфо-когно) сами собой позволят решить актуальные экономические и социальные проблемы. Это иллюзии. Наиболее развитые в сфере высоких технологий экономики перехватывают новые разработки и более того управляют другими экономиками и инновационными сферами в своих интересах. Ярким примером является проект «Сколково», ориентированный на рыночную экономику, в которой Россия не является лидером. Как следствие все более процветают несправедливые механизмы обмена между экономически сильными и слабыми субъектами.

Все отчетливее проявляются тенденции, дающие основание сделать вывод, что экономика утратила позицию доминирования в конструировании будущего. И Запад нам это доказал на практике своими санкциями, а лидеры ТНК все явственней демонстрируют «кто в доме хозяин».

По мнению Р.С.Гринберга «Экономика и социология сошлись в одном: устройство и функционирование окружающего мира все менее понятно, в нем все больше нелогичности и, следовательно, неопределенности» [3]. Все больше внимания уделяют механизмам общественного развития и их влиянию на развитие механизмов экономических (О.Т. Богомолов) [4]. Процесс социальной эволюции на нашей планете подошел к критической фазе *макросдвига* (Э. Ласло),

человечество подошло к своего рода метасистемному цивилизационному переходу (В.Ф. Турчин). Надо искать новые дороги. Нужно на новом основании построить новое здание с новыми нравственными устремлениями. Но такое основание надо еще разыскать (Н.Н. Моисеев).

3. Тупики цивилизационных прорывов в будущее. Выделим два наиболее распространенных подхода: опора на прошлый цивилизационный опыт (консервативный), заимствование внешних цивилизационных моделей (неоколониальный), построение гипотетического образа будущего, а затем поиск способа его достижения (утопический подход).

Опора на прошлый цивилизационный опыт, безусловно, важна, но его доминанта не позволит преодолеть нарастающих цивилизационных конфликтов, а также резкой поляризации в российском обществе мнений о желательных моделях будущего. Ситуация в современном мире крайне сложна и динамична, она не имеет аналогов в прошлом.

По тем же соображениям, заимствование как образца для будущей России внешней цивилизационной модели также неадекватно современным мировым реалиям.

Построение гипотетического образа будущего, а затем поиск способа его достижения можно охарактеризовать как утопический подход, опять же ссылаясь на высочайшую динамичность, сложность и доминанту целевой, а не причинно-следственной детерминации социальных процессов.

4. Исходные посылки постнеклассической методологии формирования образа будущей России. В начале XXI века все более отчетливо осознается, что преодоление глобального кризиса человечества невозможно без изменения базовых ценностей и этических регуляторов, а их радикальное изменение будет означать переход от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития «социогуманитарному» – третьему [5], по отношению к традиционалистскому и техногенному [6].

Исходные посылки становления социогуманитарного типа развития должны опираться на современные представления о научной рациональности. Смена общенаучных картин мира сопровождалась не только коренным изменением нормативных структур исследования и философских оснований науки, но изменениями доминирующих форм активности и организованности субъектов. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в понимании роли и места науки в социальном развитии.

Структурирование типов научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая), проведенное В.С. Степиным [7], опиралось на макрометодологические основания триады «объект – средства – субъект». При этом в определенной степени было осуществлено под влиянием наработок российских методологов (Г.П.Щедровицкого, В.А.Лефевра и др.).

Каждому типу научной рациональности соответствует своя доминирующая методология. Причем методология каждого последующего типа научной рациональности интегрирует в себя методологию предшествующего (их) типов рациональности. Методология постнеклассической рациональности, имея свою специфику, одновременно выступает как рамочная конструкция интеграции методологий всех типов научной рациональности (Таблица 1.).

Таблица 1.
Исходные основания постнеклассической методологии

Тип научной рациональности	Доминирующие методологии и научные подходы	Доминирующие парадигмы	Доминирующие этические регуляторы (сборки субъектов)
Классическая	Деятельностная Монодисциплинарный	«Субъект – Объект»	Этика «целей»
Неклассическая	Субъектно-деятельностная Междисциплинарный	«Субъект – Субъект»	Коммуникативная этика
Постнеклассическая	Субъектно-ориентированная Трансдисциплинарный	«Субъект – Метасубъект (саморазвивающаяся полисубъектная среда)»	Этика саморазвивающихся рефлексивно-активных сред, этика стратегических субъектов.

Постнеклассическая методология формирования образа будущей России задает базовый регулятор - «этику стратегических субъектов» [8], позволяющую преодолеть индивидуальный эгоизм и способствовать сборке субъектов развития, тем самым преодолению бессубъектности развития. Условия для реализации такого рода этики

создаются в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах [9]. Кроме того, постнеклассика как рамочная конструкция позволяет интегрировать разнообразные этические регуляторы сборки субъектов (Рис.1).

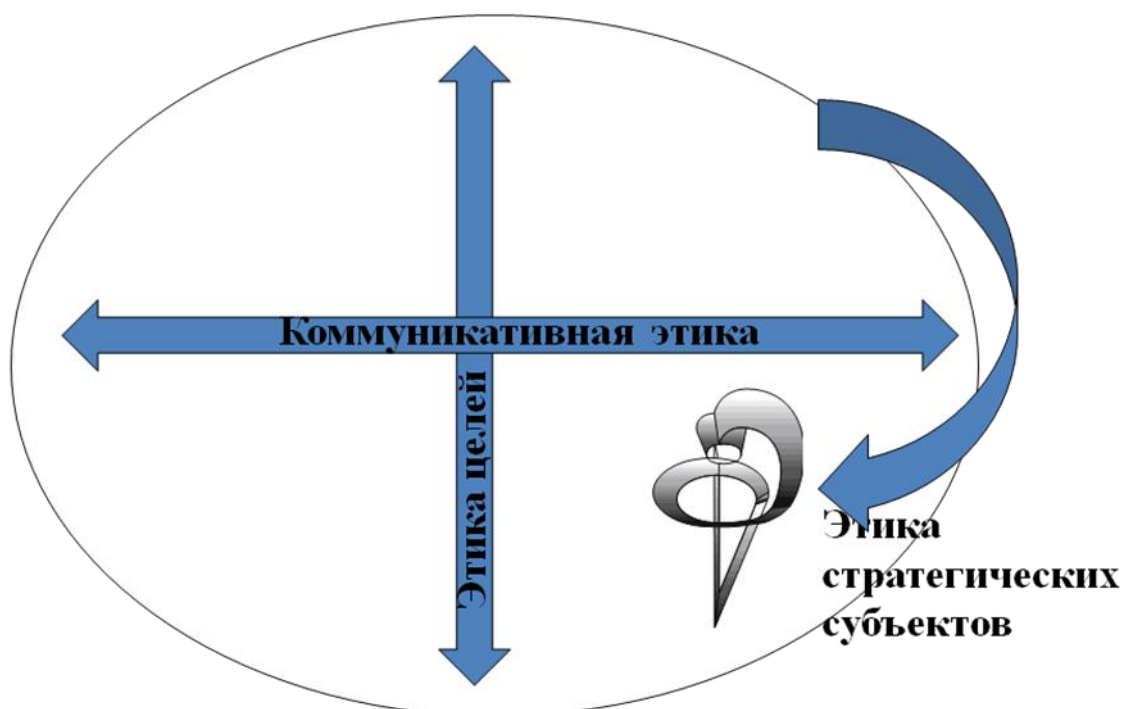

Рис. 1. Этические регуляторы обеспечение целостности саморазвивающихся сред (сборки субъектов развития)

В саморазвивающихся средах создаются условия для интеграции этических регуляторов: иерархические (этика целей – классика), сетевые (коммуникативная этика – неклассика), средовые (этика стратегических субъектов – постнеклассика).

5. Эскиз образа России как саморазвивающейся сред.

Более десяти лет назад мной была выдвинута идея создания *второго контура стратегического управления и развития страной*, гармонично сочетающего иерархический, сетевой и средовой подходы к управлению и развитию [1]. Контура общественно-государственного под непосредственным руководством Президента РФ, контура с полномочиями выше ведомственных структур исполнительной власти. Эта идея была одобрена некоторыми политическими тяжеловесами, доложена в Администрации Президента РФ, Совете безопасности РФ и ряде других ведомств, но заинтересованность в развитии явно отсутствовала. Идея не устарела и сегодня, более того, на мой взгляд, это практически единственный путь перейти к развитию без

революционных катаклизмов, исключительно реформированием механизмов управления и развития.

Такой подход позволит осуществить консолидацию всех структур общества, решить проблемы, которые сегодня в России кажутся неразрешимыми. Президент РФ получит мощнейший механизм стратегического управления и развития, что позволит в короткие сроки преодолеть коррупцию, подготовить национальный кадровый резерв, осуществить ротацию кадров в государственном управлении, создать социальные лифты для молодежи, обеспечить проектную идентификацию граждан, решить многие другие актуальные проблемы. Чтобы стартовали мощные процессы консолидации российского общества, в интересах развития страны Президенту РФ необходимо провозгласить приоритет прав и интересов общества, а не отдельных групп властной элиты.

Заметим, что в основу создания *«стратегической вертикали власти»* заложены представления о новых механизмах демократии, адекватных реалиям XXI века, позволяющих динамично сочетать иерархические, сетевые и средовые механизмы управления и развития, успешно справляться с нарастающей сложностью социальных процессов, обеспечить доминирование прямой над представительской демократией. Фактически предлагается идея создания цивилизованной, контролируемой и поддерживаемой обществом *«диктатуры развития»* [9].

6. Первоочередные задачи. Выделим лишь незначительную часть актуальных задач:

А) Формирование *интеллектуального спецназа стратегической элиты российского развития*, на основе которого создается центр кристаллизации сборки субъектов развития. Инициирование саморазвивающейся среды. Использование и совершенствование социогуманитарных технологий стратегических рефлексивных игр [10], ориентированных на запуск саморазвивающихся сред и сборку субъектов развития [11]. В настоящее время в стране созданы общественные образования высококвалифицированных специалистов, которые могли бы стать фундаментом для формирования интеллектуального спецназа стратегической элиты российского развития.

Б) Формирование базы для организационной структуры *второго общественно-государственного контура стратегического управления и развития страной*. Претенденты на эту роль в стране есть, например, могла бы пересмотреть свое назначение и роль в стратегическом развитии страны Общественная палата РФ.

В) Формирование Заказчика российского развития, который в настоящее время в стране отсутствует.

Г) Реформирование системы национальной безопасности страны, переориентация доминанты защиты от угроз к обеспечению безопасности развития [12]. Создание структуры обеспечения безопасности второго общественно-государственного контура стратегического управления и развития страной.

Д) Интенсификация научных исследований и разработок социогуманитарных технологий, ориентированных на постнеклассическую методологию развития страны.

7. Выводы. Именно в России существуют возможности разработки и внедрения новых цивилизованных подходов к управлению и развитию, в связи с тем, что общество устало от революционных переворотов, но одновременно присутствует общая неудовлетворенность существующими социальными институтами и проектами. Россия имеет шанс без революционных катаклизмов выработать адекватные реалиям XXI века механизмы развития, представления о демократии, задать эталоны для установления справедливости и гармонии в современном мире, процветания эгоизма и насилия, стать лидером VII социогуманитарного технологического уклада.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. № 1, 2002. С.5-23. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm
2. *Лепский В.Е.* Проблемы становления субъектности человечества и модели развития // Развитие и экономика. 2011, сентябрь. С.95-101.
3. *Гринберг Р.С.* Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? М.: Магистр, 2011. С. 9.
4. *Богомолов О.Т.* Крупный неэкономический резерв модернизации // Экономические стратегии. 2013, №1. С.14-23.
5. *Лепский В.Е.* Седьмой социогуманитарный технологический уклад – адекватный ответ технологическим вызовам XXI века / Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 1010-1021.
6. *Степин В.С.* Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей / Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. Д.И.Дубровского. – М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С.23.
7. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.- 744с.
8. *Лепский В.Е.* Доминирующие этические установки в различных типах научной рациональности и их отражение в моделях В.А.Лефевра / Научно-техническое развитие и прикладная этика [Текст] / Рос.акад.наук,

- Ин-т философии ; Отв.ред.: В.Г.Горохов, В.М.Розин. - М.: ИФ РАН, 2014. С.181-200.
9. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 280 с.
  10. *Лепский В.Е.* Чтобы в России заработала демократия, надо научиться управлять сложностью // Развитие и экономика, 2013, март №5. С.42-51.
  11. *Лепский В.Е.* Методологические основы стратегических рефлексивных игр как механизма формирования саморазвивающихся инновационных сред / Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. – С.128-146.
  12. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН. 2010.
  13. *Лепский В.Е.* Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. №2. С.24-30.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

О.С. Анисимов (Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва)

Аннотация. в предложенном материале ставится проблема технологии создания идеи, идеала, культурно-духовного типа, образа страны в рамках цивилизационного подхода, а также типа цивилизации, характерного для России. Приводятся результаты методологических разработок в рамках ММПК по этой группе проблем на основе введённой в ММПК парадигмы.

Ключевые слова: идея, идеал, образ страны, цивилизация, типологизация, мышление, идеальный объект, культура мышления, дедукции, диалектика, метод, методология.

THE IMAGE OF RUSSIA AS A METHODOLOGICAL PROBLEM

Oleg Sergeevich Anisimov

Abstract. The proposed text raises the problem of technology of creation of the idea, the ideal and the image of the country in view of the civilizational approach and type of civilization, which is characteristic for Russia. The author presents the results of methodological research on this group of problems derived from the original paradigm used by adherents of the Moscow Methodological-Pedagogical Circle.

Keywords: idea, ideal, image of the country, civilization, typology, mental culture, mental deduction, dialectic, method, methodology.

В условиях усиливающегося противостояния между Западом и Россией, инициированного США и поддерживаемого основными странами Европейского союза, а также реализации политики дестабилизации в различных регионах мира, в которую вовлекли США своих наиболее верных союзников, переход России к более самостоятельному самопроявлению неизбежно предполагает постановку типовых вопросов и поиск соответствующих ответов, касающихся самоопределения в глобальном пространстве. Следует определиться с тем, кто "мы", куда идём, куда необходимо идти кто наши союзники или партнёры выбранном пути, кто станет препятствовать движению и возглавит усилия по преодолению препятствия и т.п. Но если между инерцией движения страны и желаемым направлением видны различия, то необходимо не только пытаться осуществлять смену направления, но и выявить потенциал реализуемости устремления смены направления, масштаб ресурсного обеспечения "поворота", как вещно-экономического, так и субъективного, социально-идеологического, умственно-мотивационного и т.п. при недостаточности потенциала следует менять потенциал, выращивать его, меняться и очищаться от неприемлемого, возникшего в период следования иным установкам, ценностям стереотипам.

При попытках ответа на эти вопросы возникает необходимость выбора способа, мыслительных средств постановки и ответа на вопросы, выбора подхода к интеллектуальной работе данного типа. Потенциал подходов различен. Наименее значим эмпирический подход. Сложившаяся практика управления, включая и стратегическое управление, использует чаще всего именно эмпирический подход, фрагментарно обогащенный схематизацией эмпирического материала и ситуационным привлечением подсказок со стороны тех или иных предметных наук, прагматически интерпретируемых на страх и риск лиц, принимающих решения. Адекватное и систематическое привлечение потенциала наук в разработке решений ставит перед необходимостью не случайного понимания содержания научных понятий и теорий и их совмещения с результатами сопровождающей рефлексии практики управления. А это предполагает соблюдение простых требований культуры мышления, освоение которых не является приоритетом в подготовке управленцев, в том числе и стратегического уровня. Следовательно, управленческий корпус обречён на случайность подготовки и реализации решений, оставаясь в плену уверенности в своём "здравом разуме", даже в том случае, если его лидеры желают добра стране и не выступают адептами чуждых интересов. Рефлексивная наивность управленческого корпуса дорого

обходится стране, неизмеримо дороже затрат на изменение парадигмы управленческого образования и внесения культуры мышления содержание управленческой, а также аналитической, подготовки.

Однако привлечение учёных к разработке значимых решений имеет свои негативные моменты, связанные с односторонностью содержания предметных знаний. Переход к совпадению этих знаний, комплексированию по принципу "дополнительности" не решает проблему и чаще вносит случайность синтезирования, манипулятивность, субъективный произвол и т.п. Внесение неслучайности в интеграцию научных знаний и углубленности в содержание связано с привлечением философских абстракций, онтологий, что создаёт новый уровень надёжности содержания и их роли в коррекции решений. Однако совмещение управленческих и аналитических заготовок с философско-научным критериальным комплексом требует более масштабного владения культурой мышления, в том числе и самими потребителями, аналитиками и управленцами. Реальная практика участия философов и учёных такова, что они ограничиваются содержательной акцентировать в своём мышлении и не уделяют внимание форме своего мышления, игнорируя требования логики и культуры мышления в целом. Оперирования абстракции носит преимущественно индивидуализированный, стихийный характер, что резко уменьшает полезность их участия в разработке решений и привносит дополнительный хаос и противоречия в дискуссии, усиленные незначительностью и неорганизованностью рефлексии. Появляется потребность в не случайной рефлексивной организации как применения абстрактных критериев, так и их совмещения с первичным материалом версий решений. Эту потребность реализует участие методологов, воплощающих миссию внесения не случайности в рефлексивные процессы, в организацию мыслительных процессов, опираясь на специальные средства такой организации. Тем самым, методологическое соучастие в кооперативном содружестве разнородных участников разработки решений является основным условием продуктивности и надёжности всего процесса. Но для этого необходимо владение культурой мышления не только на рассудочной уровне, но и на "разумном" уровне, особенности которого были раскрыты Гегелем в его знаменитом "абсолютном методе", совмещающем содержательную дедуктивность и диалектичность механизма движения содержания. Современная формальная логика, как и математическая логика, остается воплощением рассудочного уровня.

Если учесть вышесказанное, то все усилия проектировщиков и прогнозистов будущего России, во множестве встретившихся к ответам

на поставленные вопросы, оказываются бесперспективным при всех иллюзиях авторов, уверенных в своей успешности. Причиной их оптимизма выступает отсутствие серьезной критики, сохранение инерции опоры на индивидуальное или коллективное мнение, которое всегда склонно к защите результатов трудов и сопротивлению "наскокам" критиканов. Как правило, творцами версий не хватает уважения и владения критериальной базой рефлектирующего мышления, культуры мышления. Только она нейтрализует стихию и случайность индивидуального и коллективного самовыражения мышления. Польза подобных усилий и народного интереса к ответам на типовые стратегические вопросы состоит именно в наличии версий без претензий на истинность. Проверка на сущностную значимость может произойти лишь в случае интеграции в дискуссии позиции арбитра, носителя критериев и стандартов не случайного применения критериев, опирающихся на культуру мышления. Использование разумного уровня культуры мышления предполагает привлечение не только арбитражной, но и прежде всего метаарбитражной позиции, введение онтологических инструментов и высших форм неслучайного движения мысли, то есть содержательной дедукции и диалектичности.

Тем самым, построение образа будущего России, имеющего проектную и прогностическую значимость, предполагает использование в качестве средств рефлектирующего мышления, онтологию страны, онтологию типа страны, онтологическое представление о состоянии типа страны, различение актуального и желаемого состояния, представление о переходимости из актуального в желаемое состояние, обоснование онтологической оправданности устремленность желаемого следовательно соотношения с идеалом, выведенным из сущностного представления о типе страны то есть из "идеи" страны. Следовательно, задача построения образа будущего России решается на базе введения, "идеи", "идеала" России как типа "страны вообще". Кроме того, переход в желаемое, допустимое для идеи и в сторону идеала состояние России должно предполагать наличие всех типовых ресурсов для обеспечения перехода. Важнейшим ресурсом выступает субъективный, имеющий свою "природную" составляющую, генофонд и психологический потенциал, и социокультурную составляющую, выраженную в "культурно-духовном коде". Возникает вопрос о специфике нашего субъективного потенциала, его теперешнем состоянии и том состоянии, которое необходимо иметь для успешности перехода.

Осознавая указанные условия решения проектных и прогностических задач, а также постановки реальных проблем, исходя из методологической позиции, мы осуществили следующие действия.

Мы воспользовались результатами предшествующих разработок. Опираясь на базисную парадигму методологических средств, введенную после коррекции прототипа парадигмы, имевшейся в Московском методологическом кружке /ММК/, в 1979 году, мы приступили в 1999 году к созданию средств и моделей стратегического мышления. Учёт мировой стратегической мысли показал принципиальную роль оперирования философскими онтологиями, а в 1981-1983 годах мы разработали онтологические схемы, выражающие "суть бытия", раскрывающие тайны "3", "7", ставшие надёжными инструментами диагностики, реконструкции, прогностики, проектирования и проблематизации макросистем. В 2006 году были разосланы средства цивилизационного анализа и введена онтологическая схема "страны" как цивилизационной единицы. Это позволило существенно изменить историческую аналитику и была осуществлена реконструкция цивилизационной динамики объёмом более 100 тысяч лет (концепция "От Асгарда до Москвы". Особую роль играло освоение "абсолютного метода" Гегеля в начале 70-х годов, применение которого обеспечило большинство концептуально-технологических прорывов. В нём совместились особенности разумного мышления, дедуктивность и диалектичности движения мысли.

Когда возникла необходимость рассмотрения идеала и идеи страны и России, в частности, мы ввели в качестве критериального основания "пирамиду" понятий, на вершине которой разместили высшие онтологические схемы, в середине - цивилизационные онтологии, внизу - онтологию страны, в которой учтены все средства анализа макросистем, современного общества. Приняв в рамках ассоциации "Аналитика" после проведённого первого методологического форума по проблемам аналитики в конце 2014 года пожелание приступить к созданию образа будущего России методологическими средствами, мы провели очередную, в общей линии разработок с 1988 года, игромодельный модуль по теме "Идея и Идеал России" 18-30 июля 2015 года в г.Дубна, в местном университете. Участвовало более 30 приверженцев Московского методолого-педагогического кружка (создан в 1978 году) из ряда регионов страны и Казахстана.

На модуле решались задачи: доопределение содержания понятий "идея", "идеал", "страна", "тип цивилизации", "тип страны", "культурно-духовный код", "тип культурно-духовного кода", "русский тип" страны, цивилизации, культурно-духовного кода, "российская цивилизация", "Россия"; цивилизационное портретирование русского типа страны и российского типа страны. Способ решения задач предполагал применение содержательно-диалектической дедукции с учётом

эмпирического материала и имеющихся проектно-прогностических версий. В соотнесении материала и результатов дедуктивной конкретизации выявляется тот тип результата выведения, который подтверждался материалом. Для цивилизационного слоя дедукции контролирующим критерием выступала всеобщая онтология ("метафизический ромб"), а для слоя страны - цивилизационные онтология. Дедукция позволяла выявить акценты и типологические варианты идеальных объектов, метафизическая типология давала ответ на вопросы о специфике типа цивилизации и страны, что позволяло углубленно оформить свойства исторических вариантов цивилизаций и стран. Наиболее крупным критерием различения типов цивилизаций, стран, этносов и культурно-духовный кодов выступило различие предпочтений в пользу "целого" или "части", а также пользу 'высших критериев" (культура и духовность) или "прагматичности", " светлой" или "тёмной", " созидательной" или "разрушительной". Проанализировав версии культурно-духовного кода (С.С.Сулакшина, А.И.Субетто, В.В.Обрежи, В.А.Задерея и др.) мы ввели онтологический портрет "русского" КДК и "западного" типов КДК и применили для портретирования "русской" цивилизационного типа и типа страны. Типологической анализ позволял переходить к более тонким различения с учётом возможностей дедуктивной конкретизации и содержания материала версий и описаний. Специальная игрогруппа, "методологическая", смогла выйти на этап перехода от портретирования "русского" типа к портретирования междивизиационного синтеза, что является важнейшим для такой страны, как Россия.

Модуль показал эффективность введённого механизма анализа, портретирования и перспективность для выхода на большую программу разработок в данном направлении. Результативность такой программы зависит от подготовленности участников разработок. В ММПК имеется опыт подготовки таких кадров в том же форме "Школы стратегического мышления", например, проводимой настоящее время в Томске(в САГ).

Литература

1. *Анисимов О.С.* Рефлексия и методология. М. 2007.
2. *Анисимов О.С.* Онтологии, системный подход и высшая мыслетехника. М. 2008.
3. *Анисимов О.С.* Мышление и логика " восхождения". М. 2008.
4. *Анисимов О.С.* Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 7. На пути к цивилизационному управлению. М. 2009.

5. *Анисимов О.С.* Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып.22
Цивилизационные истории: стратегический взгляд на истоки
цивилизационного кризиса. М.2011.
6. *Анисимов О.С.* Аналитика: зов перепарадигматизации. М.2014.

РЕФЛЕКСИЯ НАД БУДУЩИМ: РАССОГЛАСОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ФОРМЕ ДВОЕМЫСЛИЯ КАК МЕТАКОГНИТИВНОЕ ХЕДЖИРОВАНИЕ РИСКОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Ю.И. Альтман (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)

Аннотация. Целью настоящей работы является попытка создания теоретической модели социально-психологического феномена двоемыслия. Всеобщим стереотипом является мнение, что двоемыслие специфично для тоталитарных режимов. Наибольшее распространение двоемыслие получает в наибольшей тоталитарности общества потребления. По мнению автора, факторами, опосредующими индивидуальное и социальное двоемыслие, являются отчуждение и разнообразные факторы аномии. Психологические механизмы двоемыслия, помимо защитно-психологических и компенсаторных метасистемных изменений и искажений всех уровней психики «человека лукавого» (термин Ю.А. Левады), играют креативную роль в процессе хеджирования (оптимизации) рисков при выработке и реализации поведенческих сценариев в условиях тотальности социальной нестабильности не только развитого общества потребления, но и усиливающейся неопределенности хаотической трансформации тоталитарных и авторитарных режимов в демократию всеобщего потребления со статистически растущим средним классом и латентным ростом числа право-авторитарных последователей (RWA).

Ключевые слова: аномия, двоемыслие, двойные послания, перверсия, метакогниция.

REFLECTION ON THE FUTURE: MISALIGNMENT OF VALUE ORIENTATIONS IN THE FORM OF DOUBLETHINK AS METACOGNITIVE HEDGING RISKS DUE TO THE SOCIAL INSTABILITY OF THE CONSUMER SOCIETY

Y.I. Altman (P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl)

Abstract. The aim of the present work is an attempt to create a theoretical model of socio-psychological phenomenon of doublethink. Universal stereotype is an opinion that doublethink is specific to totalitarian regimes. The greatest distribution doublethink gets most totalitarian consumer society. According to the author, factors that mediate individual and social doublethink, alienation and the

various factors of anomie. Psychological mechanisms of doublethink, in addition to protective-psychological and meta-systemic compensatory changes and distortion at all levels of the psyche "human evil" (the term Yu. Levada), play a creative role in the process of hedging (optimization) risks in developing and implementing behavioral scenarios in terms of the totality of social instability not only developed society of consumption, but increasing uncertainties of the chaotic transformation of totalitarian and authoritarian regimes to democracy collaborative consumption with statistically growing middle class and latent increase in the number of right-authoritarian followers (RWA).

Keywords: anomie, doublethink, double bind, perversion, metacognitive.

*Человек знает о хаосе и
сотворении в космогоническом мире,
и он непосредственно испытывает,
что хаос и сотворение происходит и в нем,
но он не видит их вместе,
он слушает миф о Люцифере и
не замечает его в собственной жизни.
Ему необходим мост.
(Мартин Бубер «Образы добра и зла»)*

Постановка проблемы. В ходе интерпретации собственных кросс-культурных исследований и анализа литературных источников мы пришли к заключению, что рассогласования ценностных ориентаций являются результатом проявления, напротив, «согласования несогласуемого», а именно способности человека одновременно разделять диаметрально противоположные мнения. Проблема заключается в том, чтобы понять психологическое содержание двоемыслия как конструкта и психологические механизмы его возникновения, действия и воспроизводства. Мы исходим из усиления факторов аномии в обществе потребления, для которого изначально характерна двойственность деления на немногочисленные элиты и оболваненное большинство, стремящееся к адаптации в условиях организационной, потребительской, экологической аномии, усугубляющих ее социально-экономические, культурные и психологические конфликты. С другой стороны, введение в научный оборот самого термина «общество потребления» Э. Фроммом, имеет в его же работах такие следствия, как обусловленная аномией психическая деструктивность [4] и рост численности среднего класса, являющегося социальной базой последователей национал-социализма. Поэтому актуальность тематики воздействия факторов аномии на индивидуальное и коллективное сознание и поведение является непреходящей и имеет практическую значимость в контексте

прогнозирования восприятия и реакции человека/группы/социума на проведение коренных институциональных реформ и конструирование «мостов между Хаосом и Сотворением», позволяет по-новому отнестись к рефлексии проблематики человеческого капитала в целом.

Основная гипотеза выражается в предположении, что рассогласование ценностных ориентаций детерминировано в целом вызовами необходимости принятия решений в условиях неопределенности и риска ставшей постоянной и нормативной социальной, культурной, психологической аномии на социальном уровне и естественными для человека амбивалентностью и диалогизмом на индивидуально-психологическом уровне.

Целью является попытка создания психологических конструктов субъективного ощущения аномии и рассогласования ценностных ориентаций в форме двоемыслия.

Задачи в процессе достижения цели определяются необходимостью разработки валидных и надежных социально-психологических индикаторов измерения указанных конструктов.

Предмет составляют особенности рассогласования ценностных ориентаций в форме двоемыслия у индивидов с правым авторитаризмом, вызванные необходимостью принятия и реализации поведенческих решений в условиях неопределенности и риска общества потребления.

Объектом являются индивиды со средним и выше среднего уровнем правого авторитаризма.

Один из создателей концепции двойных посланий, Г.Бейтсон [1] считал, что двойные послания ведут к разрушению метакоммуникационной структуры. По нашему убеждению, основным содержанием информации двойных посланий является оруэлловская «извращенная норма». Ядром извращенной нормы является перверсия, заключающаяся в смешении и смещении истины и лжи.

Согласно теории речевых актов Дж.Остина, наибольшую иллокутивную силу высказывание получает не только при помощи его суггестивности. И локутивный, и иллокутивный, и перлокутивный частные акты диспозиции и санкции «извращенной» нормы получают абсолютно новое оружие – перверсию. И главная причина нарушения одновременности и синхронности всех других частных речевых актов, заключается в правильно просчитанном интервале опережения введения перверсии в иллокутивный акт по сравнению с другими частными актами. После этого вывода мы считаем возможным утверждение, что именно здесь раскрывается психологический смысл и психологическое содержание оруэлловской образной характеристики действия «извращенной» нормы: «Ложь всегда на шаг опережает

правду». Именно в этом заключается психологический механизм постоянной работы двоемыслия с сознанием, мышлением и памятью, и приведения рассогласования абсолютно противоречивых утверждений во временное соответствие, а при необходимости очередная перверсия новой «извращенной» нормы позволит отказаться от этого конъюнктурно выгодного «балансирования» (но – никак не фестингеровского когнитивного консонанса, – зато успешно снимающего напряжение когнитивного диссонанса!). В этой успешности временного ухода в состояние балансирования, предоставляемое способностью человека к двоемыслию, как психоделического бегства из действительности повседневности несогласуемых противоречий, по нашему мнению, также заключаются причины удачности перформатива и уступчивости адресата. Однако перечисленные причины детерминируются потребностями внутреннего мира и внутренней деятельности человека-адресата. Очень важную и часто определяющую роль играют причины внешние: бегство от напряжения невозможности разрешения несогласуемых противоречий в балансирование, предлагаемое двоемыслием, совершается человеком для выработки поведенческого решения в условиях императивной определенности тотальных табу и неопределенности и риска самосохранения, адаптации, социализации. По мере того, как человек убеждается в адаптивных успешности, эффективности, прагматичности выбранного таким способом поведенческого сценария, его способность к двоемыслию остается востребованной, развивающейся и теперь уже самостоятельно продуцирующей новые и новые смыслы как позитивно альтернативных, так и «извращенных» и прямо негативных девиантных форм поведения. Возможно, что в том числе и таким образом происходит воспроизводство «извращенной» нормы и двоемыслия в целом в качестве образца, в терминах «фидуциарной функции» Т.Парсонса.

С переходом на оснащение перверсией норма становится «извращенной».

Для логики выяснения психологических механизмов двоемыслия в процессе поиска и принятия поведенческого решения в условиях неопределенности и риска окружающего мира определяющее, на наш взгляд, значение имеют два умозаключения Р.О.Якобсона [5], сделанные как будто специально в контексте проблематики двоемыслия. С одной стороны, любое описательное речевое высказывание содержит в своей основе бинарную оппозицию. С другой, важную роль при изучении механизма действия бинарной дихотомической оппозиции играет понятие медиации, то есть посредничества между крайними членами оппозиции. Это открытие

Р.О.Якобсона послужило в нашем анализе основанием для предположения, что двоемыслие как состояние и как процесс бинарной дополнительности основываются на согласовании несогласуемых противоречий в медиативном процессе. Если же противоречия не воспринимаются человеком, то процесс интроекции навязываемой перверсии двойных посланий еще более облегчается с ростом уступчивости восприятия. И в том и в другом случае двоемыслие не отягощено напряжением, характерным для состояния когнитивного диссонанса. В порядке общего заключения можно утверждать, что двоемыслие является частным случаем рассогласования ценностных ориентаций и установок, и, следуя от частного к общему, можно полагать медиативный процесс одним из главных опосредующих факторов рассогласования ценностей в ходе поиска и принятия решения поведенческих задач в условиях неопределенности и риска. Мы предполагаем также в русле метасистемной теории уровней человеческой психики [2], что двоемыслие является метакогнитивной подсистемой, заключающейся в аномической перверсионной амбивалентности человека.

В этом контексте трудно согласиться с противопоставлением В.А. Лефевром необходимости исследования как единой системы и принципа дополнительности [3]. Дополнительность и компенсаторность двоемыслия происходят в качестве метасистемных процессов самоорганизации, самомониторинга и управления в рамках единой системы психики, а не поступают извне из каких-либо других систем. Дополнительность и самостоятельность двоемыслия часто выполняют роль моста в буберовском понимании, и в контексте относительно мирного сосуществования первой и второй этических систем, по В.А.Лефевру.

Литература

1. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: избранные статьи по психиатрии / Пер. с англ. и предисл. Д.Я. Федотова.— 2-е изд., испр. — М.: URSS: «КомКнига», 2005.— 245 с.
2. Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. — М.: Ин-т психологии РАН, 2004 — 562 с.
3. Лефевр В.А. Алгебра совести.— М.: «Когнито-Центр», 2003.— 426 с.

КРИЗИС БУДУЩЕГО НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ

Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий

(Институт прикладной математики им М.В. Келдыша РАН)

Аннотация. С позиции теории самоорганизации теории рефлексивного управления рассматривается кризис будущего в России и постсоветских странах. Предлагается алгоритм сборки стратегического субъекта.

Ключевые слова: проектирование будущего, синергетика, Евразийское пространство, стратегический субъект, рефлексия

CRISIS OF FUTURE ON THE AREA OF EURASIA

T.S. Akhromeeva, G.G. Malinetski

(RAS Keldysh Institute of Applied Mathematics)

Abstract. We consider the crisis of future in Russia and post-Soviet countries from the point of view of synergetics and reflexive control theory. An algorithm of strategic subject assemblage is proposed.

Keywords: future design, synergetics, area of Eurasia, strategic subject, reflexion

Цели имеют приоритет перед средствами, стратегия – перед тактикой. С 2001 года первые лица России говорят о необходимости построения экономики знаний и о «переводе страны на инновационный путь развития», сотни миллиардов рублей были вложены, в соответствии с западными рецептами и рекомендациями, в создание инновационной инфраструктуры, но ожидаемых результатов, по признанию самих реформаторов, нет. Россия по-прежнему «сидит на нефтегазовой игле», не производя самого необходимого. Объем импорта – своеобразный «налог на развал» – составил в 2013 году (до введения санкций) около \$300 млрд – бюджет огромной страны. Очевидно, дело в неверном определении целей развития и несоответствии применяемых правящей элитой средств к сложившейся социально-технологической среде современной России. Этот круг вопросов мы и обсудим. Схожие ситуации во многих других постсоветских странах показывают, что эти проблемы являются общими.

Видимо, одним из главных понятий в науке XXI века станет понятие о бифуркации. В вольной интерпретации это ситуация выбора, в которой предшествующая траектория теряет устойчивость и появляются новые возможности, одну из которых случайно или осознанно придется выбрать.

Исследование математических моделей мировой динамики и системный анализ [1,2] показали, что нынешняя траектория индустриального развития вкупе с процессом глобализации ведет мир в тупик и по технологическим, и по социальным причинам:

- Ресурсы, используемые нынешней техногенной индустриальной цивилизацией, стремительно тают. Экологический след, порождаемый нынешними технологиями, которые применяются человечеством, уже существенно превысил возможности биосферы. Эти технологии позволяют жить на нынешнем уровне потребления всего несколько десятилетий.
- Применяемые в большинстве стран способы производства являются расточительными (когда только 2% добываемого идет в конечный продукт, а остальное – в промежуточное потребление), и «грязными» – разрушительными для окружающей среды.
- В развитых странах возникла огромная доля «лишних людей». Характерные пропорции для постиндустриальной экономики таковы: – 2% работают в сельском хозяйстве и кормят себя и всех остальных, 10% – в промышленности. 13% – в управлении. Принципиальный вопрос, вставший перед современным обществом – чем должны заниматься оставшиеся 75%.

Нынешнюю ситуацию, в других терминах, можно рассматривать, как фазовый кризис всей цивилизации, возникающий перед фазовым барьером. С одной стороны последнего лежит индустриальная фаза, с другой – общество знания или когнитивная фаза развития [3]. Первую альтернативу прохождения точки бифуркации представляет «остановка истории», откат назад. В этом случае человечеству предлагается еще раз повторить XX век с несколькими мировыми войнами, глобальным доминированием США, возвратом многих стран в Средневековье, возрождением на части территории таких социальных технологий, как фашизм, переход к кастовому обществу, торможение науки и деградация образования для большей части человечества. Именно по этой траектории настойчиво и пока весьма успешно ведет мир правящая часть американской элиты и силы, которые за ней стоят.

Нынешняя геополитическая ситуация поразительным образом напоминает канун Первой мировой войны. У одних границ России полыхает гражданская война, у других – растет военная напряженность, у третьих – готовятся новые региональные конфликты. На саммите в Уфе, по сути, оказались прочерчены контуры Восточного военного блока, который в перспективе, возможно недалеко, будет противостоять Западному блоку, в который входят США, страны НАТО и их союзники. Пока мир движется по сценарию столкновения цивилизаций, нарисованному американским политологом С. Хантингтоном. По его теории, XXI век – столетие беспощадной схватки цивилизаций за тающие ресурсы.

Так же, как перед Первой мировой войной, российская элита, лавируя, пытается удержать уходящую реальность. По словам

Президента РФ «Строительство новых эффективных транспортно-логистических цепочек, в частности, реализация инициативы экономического пояса Шелкового пути и развитие транспортного сообщения в восточной части РФ и Западной Сибири... может связать динамично растущие рынки Азии и зрелые богатые индустриальными и технологическими достижениями экономики Европы и одновременно позволит нашим странам стать более конкурентоспособными в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест, за передовые производства» [4]. В условиях санкций и бегства капитала мы собираемся соревноваться за инвесторов и надеемся, что Европа нам поможет...

При инерционном сценарии, который реализуется сейчас, 75% населения мира являются помехой, их следует «стряхнуть» тем или иным способом или «посадить» на очень низкий уровень потребления, лишая к тому же полноценного образования. По сути дела, эта попытка стабилизировать возникающее на таком пути кастовое общество, пользуясь примерно теми же идеями и технологиями, которые были описаны в 1932 году Олдосом Хаксли в антиутопии «О дивный новый мир». Достижения высоких гуманитарных технологий и биотехнологий стремительно приближают этот многоэтажный «дивный новый мир», в котором люди с разных «этажей» имеют не только разный достаток, уровень образования и потребностей, но со временем будут иметь и разные способности (заметим, что каждая третья научная работа в современном мире выполняется в области медицины).

В системе международных отношений также сформирован многоэтажный мир от доминанта – США – до «стран-изгоев». Анализ технологических, образовательных, научных стратегий и планов ряда постсоветских стран показывает, что они явно или неявно принимают эту тупиковую схему мироустройства, стремясь лишь занять этаж повыше. В недалекой перспективе – это тупик.

Альтернативный путь, который мы представляем намного хуже, связан с преодолением фазового барьера, со становлением когнитивной фазы, с переходом на новые технологии, которые позволят человечеству активно и успешно развиваться не десятилетия, а хотя бы века... Это требует иной социальной модели, доминантой которой является понятие справедливости, модели, которая постулирует равенство людей в главном – в праве на жизнь.

В течение многих веков в центре внимания общества были отношения «субъект–объект» (покорение природы, освоение пространства). В XX веке много усилий было вложено в анализ отношений «субъект–субъект», в исследования соперничества или сотрудничества субъектов. В XXI столетии, вероятно, ведущими станут отношения «субъект–

среда». Теория самоорганизации показывает, что набор жизнеспособных структур и систем критическим образом зависит от свойств среды, на которой они строятся. Поэтому успешная реализация многих экономических, социальных, технологических, инновационных, образовательных проектов требует изменения свойств среды, на которой они будут реализовываться. С другой стороны, среды и самоорганизации недостаточно, нужен стратегический субъект, который хочет и может реализовать большой проект. И этом контексте крайне важен советский опыт.

Нынешняя российская реальность породила множество «лишних людей», которые ощущают себя ненужными, невостребованными, неприкаянными. В то же время СССР был страной «нужных людей», считавших, что они занимаются важным, интересным и полезным делом. И к этому следует вернуться!

Сейчас, в точке бифуркации, усилия и выбор России могут определить последующую траекторию будущей мировой цивилизации. Либо это путь с «дублем XX века», с многоэтажным миром и откатом в Новое Средневековье. Либо дорога в когнитивную фазу развития, в Новый Коммунизм, в мир творчества. И тогда те 75% людей, которые были лишними в первом варианте, станут нужными и необходимыми. Именно их усилия в науке, в образовании, в культуре могут оказаться решающими! На самом деле, мир именно этого – мечты и надежды, а не углеводородов ждет от России.

Путь к мечте и к новому человеку в нашем Отечестве связан с изменением свойств научной, образовательной, а затем и социальной среды, с рефлексией, с осознанием своей ответственности перед Будущим.

Литература

1. Новое в синергетике. Новая реальность, новые проблемы, новое поколения / Ред. Г.Г. Малинецкий. – М.: Наука, 2007. – 383 с.
2. Медоуз Д.К., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 358 с.
3. Переслегин С., Переслегина Е. «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества. М.: Алгоритм, 2015. – 480 с. (Каким будет мир).
4. В Уфе создается альтернативный мировой порядок // Эксперт, 2015, № 29, 13-19 июля, с. 7.
5. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

Исследования в этом направлении были поддержаны РГНФ (проекты 14-23-01013 и 15-03-00404).

СОВРЕМЕННАЯ ЭТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ: РОГ ИЗОБИЛИЯ ИЛИ ЯЩИК ПАНДОРЫ?

Виктор Боршевич (ULIM, Молдова, г.Кишинев)

Аннотация. Приводятся убедительные примеры того, как небрежение этическими принципами ведёт к возрождению примитивных, опасных и бесчеловечных «теорий» и практик современного неолиберализма, национализма, этнодемократии и религиозного фанатизма. Показывается, что именно деградация этических начал, связанная с отсутствием перспективных долговременных проектов у мирового сообщества, ведёт мир к череде неминуемых техногенных и гуманитарных катастроф.

Ключевые слова: дегуманизация, национализм, этнодемократия, этическая деградация, новый этический дискурс.

MODERN ETHIC REFLECTION: A HORN OF ABUNDANCE, OR PANDORA'S BOX?

Victor Borsevici (ULIM, Moldova, Chisinau)

Abstract. The paper contains convincing examples of how neglect of ethical principles leads to rebirth of some primitive, harmful and inhuman 'theories' and practices of the modern neoliberalism, nationalism, ethnic democracy and religious fanaticism. It is emphasized that degradation of ethical beginnings in view of absence of any long-term promising projects on the agenda of the international society leads the world to a number of inevitable technological and humanitarian catastrophes.

Keywords: dehumanization, nationalism, ethnic democracy, ethical degradation, new ethical discourse.

С того момента, когда человеческая рефлексия обратила пристальное внимание на себя как на объект исследования, познающий себя субъект с удивлением обнаружил, что он плохо поддаётся «объективизации» и «препарированию».

Всякий раз, когда методология рефлексивных систем и процессов начинает исследовать сферу идеологических и национальных отношений, она с неизбежностью сталкивается с феноменом удручающей необъективности «субъекта» (особенно коллективного) и непрошибаемой «несубъектности» этого «объекта» исследований. Уж больно подвержено идеологизированно-национальное сознание националистическим мифам, маниям и фобиям, и особенно манипуляциям, основанным на символических соблазнах и символическом насилии, включая дегуманизацию образа врага.

Экстремальный национализм и «этнодемократия» в бывших советских республиках явления отнюдь не случайные.

И экстремальный национализм и этнодемократия («демократия» только для своих) суть инструменты развала многонациональных держав (после II мировой войны - Британской, Французской и Португальской империй, затем – Югославии и СССР, теперь на очереди – Россия, Индия и Китай) с последующим политико-экономическим захватом суверенитетов вновь образовавшихся стран и народов, «освободившихся от имперского ига».

Схема проста – сначала поддерживаются экстремальные националистические движения и подкармливаются их «свободолюбивые и демократические» элиты; затем согласно лицемерным и лукавым интерпретациям международных принципов «прав человека» и «прав наций на самоопределение» тут же признаются новообразованные «государства»; затем в них приветствуется (под видом «приватизации») беспредельное расхищение собственности и образование национальных политико-олигархических элит; после разрушения экономики страна сажается на «долговую иглу» МВФ и Всемирного банка и подписывает кабальные ассоциативные соглашения и конвенции с западными политико-экономическими и военно-политическими блоками. Везде триумфально насаждается идеология «либерально-демократического» фундаментализма.

А стандартный инструментарий «цветных революций» и «освободительных движений» служит не только как средство захвата суверенитетов, но и как инструмент для их удержания. Эта большевистская по своей сути идеология «перманентной революции» Троцкого взята на вооружение элитами США и их сателлитов. Так «Коминтерн» сменился «неоимпериалистическим интернационалом». Старые империи зиждились на захвате территорий, новая – на раскалывании старых и на захвате суверенитетов их «осколков». В который раз свобода, лишённая этики, обернулась тиранией, а демократия, лишённая морали – олигархией.

Таковы суровые выводы нашего рефлексивно-дискурсивного анализа современного неоколониалистического и «неофундаменталистского» этоса западных финансово-олигархических и военно-политических элит.

Филогенез человека, характеризующийся крайне медленными процессами естественного отбора, стал явно отставать от темпов технического и научного прогресса. И древняя социокультурная архаика, ведомая архаическими инстинктами выживания (смирись, беги или нападай!), вооруженная современными информационными и

психосоциальными технологиями, стала разрушать гуманистическую культуру современной цивилизации. Архаический этос, в который раз, стал вытеснять традиционную этику, и сила культа опять стала подменяться культом силы. Этическая деградация стала набирать обороты.

Освоенная человеком энергия слова и символа, породившая человеческую культуру и цивилизацию, утратив нравственность, начала работать против человека, обернулась орудием беспрецедентной жажды власти, алчности и человеконенавистничества. Архаика патриархальных кланов модернизированной «Коза ностры» захватила высшие уровни мировой финансовой пирамиды и ведущие сферы мировой экономики и геополитики, а либерально-демократический фундаментализм стал причиной реактивного возрождения фанатического фундаментализма «Аль Каэды», «БокаХарам», ИГИЛ etc.

Некогда Аристотель заклинал: «Политика должна стать высшим выражением добродетели», а Конфуций призывал вернуть высоким словам их первоначальный смысл. Ни тогда, ни сейчас, за ними не последовали. И поплатились. *Но рано или поздно настанет время, когда политические принципы снова станут выражением принципов этических, а рефлексивно-дискурсивный подход к изучению международных рефлексивных систем и процессов непременно наполнится новым, этическим содержанием. Каков наш дискурс, такова и наша рефлексия.*

Ведь, по сути дела, есть нечто общее между мантрами современного либерально-демократического фундаментализма, мантрами религиозного фундаментализма ИГИЛ, мантрами националистического Майдана и «этнодемократическими» мантрами прибалтийских националистов – все они в равной мере бесчеловечны и, тем более, ужасающе несправедливы в своём реальном воплощении. *А многократно усиленные современными средствами массовой информации и интернета, эти мантры бесчеловечности и несправедливости захватывают всё новые и новые миллионы молодых умов, не ведающих о суровых уроках мировой истории.*

Биоэтологам хорошо известно, что в эпохи перенаселения экологических ниш обостряется внутривидовая борьба за выживание, растёт жестокость и агрессивность особей. Будем надеется, что вид Homo Sapiens, породивший магию слов и чудо самопознания, преодолеет фатальное поле своей животной «филогенетической гравитации», если только сможет ответить на основной вопрос своего бытия – Quo vadis? (Камо грядеши?)

До сих пор ни один международный орган, ни одно авторитетное международное сообщество не представило человечеству хоть какого-нибудь внятного позитивного проекта, связанного с его Будущим. Ни о какой справедливости и ни о какой человечности нельзя говорить в мире, живущем в стиле «здесь и сейчас», в мире, где сила права стала подменяться правом силы, в мире где «права человека», «принцип территориальной целостности» и «право наций на самоопределение» каждый раз тасуются в качестве краплёной карточной колоды сообразно интересам геополитических шулеров. А ведь без этих центральных этических понятий (справедливости и человечности) международные отношения грозят обернуться неконтролируемой эскалацией международной напряжённости с непредсказуемыми последствиями. К чему это приведёт в конечном итоге?

Либо XXI век завершится созданием нового этического дискурса и новой этической рефлексией, «человекоберегающей» и человека возвышающей, устремлённой в грядущее, либо он завершится разрушительной чередой геополитических и гуманитарных катастроф. Tertium non datur.

Современный мир, живущий сугубо в ритме краткосрочных целей и ожиданий, мир, где отсутствует ясный взгляд и перспективы на Будущее, не нуждается в традиционной этике выработанной Сократом и Аристотелем, Конфуцием и Буддой, Христом и Магомедом. Современное атомизированное общество с неизбежностью становится жертвой массового потребительского и хищнического самосознания. Рог изобилия стал угрожающе превращаться в ящик Пандоры. *Только в мире, устремлённом в Грядущее общечеловеческая этика станет этикой Спасения и Надежды.*

Литература

1. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с.
http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
2. *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 218 с.

ПРЕДСКАЗАНИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ КАК РЕФЛЕКСИВНАЯ РАБОТА НАД БУДУЩИМ

А.Г. Ваганов (Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва)

Аннотация. Текст посвящен попытке показать, что в современном обществе футурология становится не столько предсказанием будущего, сколько промышленным конструированием будущего. Выделены и сформулированы три основные взаимосвязанные технологии с помощью которых и осуществляется такое проектирование.

Ключевые слова: социальное проектирование, футурология, научная фантастика.

READING THIS TIME AS REFLEXIVITY WORK ON FUTURE

A.G. VAGANOV (S.I. Vavilov Institute for The History of Science and Technology Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. The text is devoted to an attempt to show that in today's society futurology becomes less predictive of the future, as the future of the construction industry. Isolated and formulated three main interrelated technologies by which this is done and the design.

Keywords: social engineering, futurology, science fiction

Неожиданно мгновенно – даже в краткосрочной исторической ретроспективе – *футурология* вдруг сделалась в России вполне университетским, академическим даже, занятием. (Именно «сделалась», а не «стала»; «сделалась» - в смысле самопостроилась, а не «стала» - в смысле спонтанно мутировала.) Любопытно, что такой трансформации футурологии из «низкого жанра» в предмет академических студий мы обязаны, прежде всего, социологам, философам, политикам, социальным и политическим философам: Даниел Белл, Станислав Лем, Алвин Тоффлер, Збигнев Бжезинский, Фрэнсис Фукуяма, Зигмунт Бауман, Мануэль Кастелс... Все они работают, или работали, с *социальным*.

Этот факт должен служить важным сигналом (знаком) или, по крайней мере, поводом проверить выдвигаемую мною рабочую гипотезу: **социальное проектирование – это технологическое приложение футурологии.**

Другой момент, на который мне хотелось бы обратить внимание, - это прояснение связи между футурологией и некоторыми синонимичными (или, *как бы* синонимичными) понятиями: «ФУТУРОЛОГИЯ, в широком значении – совокупность представлений о будущем человечества, в узком – область науч. знаний, охватывающая перспективы социальных процессов; часто

употребляется как синоним *прогнозирования* и прогностики. В СССР термин «Ф.» большей частью применяется для обозначения совр. немарксистских концепций будущего. <...> В нач. 60-х этот термин получил распространение на Западе в смысле «истории будущего», «науки о будущем», призванной монополизировать прогностич. (предсказательные) функции существующих научных дисциплин. С кон. 60-х гг. термин «Ф.», ввиду многозначности и неопределенности, вытесняется термином «исследование будущего». Понятие Ф. сохранилось преим. В виде образного синонима последнего» [1].

То есть, в СССР футурологию отождествляли, в лучшем случае, с научной фантастикой (*science fiction*). А фантастика, наряду с детективами и в литературе, и в кино, относилась к жанрам «низким». Точно также и сегодняшняя тенденция – сваливать в одну кучу *horror* (ужасы), *fantasy* (фэнтези) и *science fiction* (научную фантастику). При этом забывают, что научная фантастика носит, прежде всего, когнитивный характер, тогда как фэнтези и хоррор – жанры рассчитанные на эмоции, даже – на физиологическое возбуждение. «Фантастика, в отличие от фэнтези и ужасов, имеет дело с альтернативными *вероятностями*», - замечает канадский культуролог Барри Кит Грант [2, с. 20].

«Альтернативные вероятности» - это и есть другое название для социального проектирования; и этот факт, действительно, сближает фантастику с футурологией и их обоих – с социальным проектированием. «Как будто грань между действительностью и воображением все более утончается и мы вступаем в мир, где вымысел становится формой знания о завтрашних вещах. <...> Если *научная фантастика* определяла наше видение будущего в уходящем веке (т.е., в XX в. – **А.В.**), то век наступающий принадлежит *фантастическим наукам*, которые будут непосредственно переводить наше воображение в знание будущих вещей, а знание – в их созидание» [3, с. 598].

Здесь не просто игра в метафоры: *научная фантастика* vs *фантастические науки*; *предсказанное настоящее* vs устаревшее «будущее»... Это уже на практике реализованный опыт социального проектирования, экспериментальный факт, данный нам в ощущениях. Вот что пишет тот же Стерлинг по этому поводу. «Самое странное в моих отношениях с капитализмом то, насколько мир бизнеса приблизился к научной фантастике. <...> Научная фантастика всегда была символом необычного и нестандартного, но начало века ознаменовалось тем, что я впервые стал получать серьезные предложения о работе от бизнесменов. Бизнесмены начали просить меня занять руководящие посты, войти в консультативные комитеты или в советы директоров корпораций.

Было бесполезно объяснять им, что я никогда в жизни не работал по найму, что у меня нет административного опыта и что я совершенно не заинтересован в оправдании доверия акционеров. Они все это уже знали. В действительности им именно это и *нравилось*. Вот почему они домогались меня. Я зарабатывал себе на жизнь, делая деньги на чем-то вымышленном и странном, а они считали это важнейшим для бизнеса качеством» [4, с. 199-200].

В итоге, важно зафиксировать две позиции:

1. Социальное теперь это – *техносоциальное*.
2. Главный способ социального проектирования – порождение возможностей («альтернативных вероятностей»).

Для футурологии, которая вся – порождение, то есть название, потенциальных сценариев будущего, существует, как мне кажется, три принципиальных способа актуализации этих потенций (т.е., три способа социального проектирования):

1. Через гаджеты (от англ. – *gadget*: приспособление, принадлежность, *техническая новинка*; но, также, – *безделушка, ерунда*). Если говорить шире – через технические и технологические инновации. Опять же, это не метафора. Даже патологии, например – возбудителей массовых инфекционных заболеваний, можно рассматривать, как формообразующий гаджет в социальном проектировании. Так, пандемия ВИЧ-инфекции вызвала колоссальные изменения в социальной организации современных людских сообществ. Таким образом, конструирование новых патологий (биологическое оружие, например; а сейчас – генетическое) – это тоже механизм – и весьма эффективный! – социального проектирования.
2. Через создание особых знаковых систем, обладающих признаками вирусных инфекций; я их называю (вслед за У. Гибсоном) – «семиотические фантомы». Возможны и другие названия этого феномена. Очень распространено, например, такое: *мем*. Слово «мем» (от англ. *теме*) создано как пара слову «ген» (*gene*) из слова *темогу* (память) известным английским биологом Ричардом Докинзом в 1976 г. Точно также, как гены распространяются в генофонде, переходя от одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией. Мемы – это и теорема Пифагора, мода на остроносые/тупоносые туфли, и популярная мелодия, и сказка о Колобке...

3. Через сознательное конструирование правовых систем (законодательств). Вот хороший пример попытки использования законодательства в процессах социального проектирования. Премьер-министр Камбоджи Хун Сен запретил в 2006 году использовать в стране мобильные телефоны третьего поколения, позволяющие обмениваться видеофайлами. Решение было принято под нажимом супруги премьера, которая высказала опасения, что новые модели телефонов могут иметь «отрицательные последствия для общественной морали». Она подчеркивала, что телефоны с возможностью скоростного выхода в интернет будут способствовать развитию порнографии, повысят уровень сексуальной эксплуатации женщин и детей и вообще приведут к распространению «пороков, из-за которых для нашего общества наступят темные времена». В итоге, Хун Сен запретил запуск мобильных сервисов, благодаря которым пользователи смогут видеть друг друга: «Может, нам стоит повременить еще лет 10, пока мы не добьемся укрепления морали в нашем обществе».

Если мы соглашаемся с предложенной градацией, то неминуемо приходим к формулировке следующего принципа: **управление соци(умом) возможно только через техно-социальные (социотехнологические) проекты**. Лозунги же – «сократим потребление», «назад – к природе», «устойчивое развитие», «ноосферный подход» и т.п., сами по себе, не более, чем симулякры, точная копия несуществующего оригинала (или даже: «поддельный симулякр клонированной имитации подобия!» [5, с. 26]). Как раз то, что выше мы назвали *фэнтези*: нервы щекочет, но когнитивный потенциал – на нуле.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. 2 изд. / Ред. колл.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – М.: «Советская энциклопедия», 1989, ст. «Футурология»
2. Грант, Барри Кит. «Совершенствование чувств»: Разум и визуальное в фантастическом кино» // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сб. статей / Сост. и научный ред. Наталья Самутина. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 408 с.
3. Эпштейн М.Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
4. Стерлинг, Брюс. Будущее уже началось: Что ждет каждого из нас в XXI веке? / Пер. с англ. И. Цибизовой. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 264 с. – («Cybertime/non-fiction»)

5. Гибсон, Уильям. Распознавание образов / пер. с англ. Н. Красникова. – М.: АСТ, 2006. – 413 с., («Альтернатива»)

К РЕАЛЬНОМУ ГУМАНИЗМУ - ЧЕРЕЗ КРИТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ И РЕФЛЕКСИВНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Н.И.Лапин (Институт философии РАН, Москва)

Аннотация. Автор обосновывает, что российская цивилизация находится в условиях ценностного выбора между гуманизмом и авторитаризмом. Социологический мониторинг, продолжающийся четверть века, показал, что подавляющее большинство населения России разделяет позиции, близкие идеалу реального гуманизма. Выбору этого вектора эволюции может способствовать методология критического гуманизма. Она наиболее действенна в условиях сетевого интеллектуального дискурса как полисубъектной среды, которая формирует рефлексивное общественное мнение относительно содержания и способов осуществления цивилизационного выбора России.

Ключевые слова. Российская цивилизация, реальный гуманизм, авторитаризм, критический гуманизм, рефлексивное общественное мнение.

TO REAL HUMANISM THROUGH CRITICAL HUMANISM

Nikolay Lapin (Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow)

Abstract. The author proves that Russian civilization is in the midst of value choice between humanism and authoritarianism. Sociological monitoring, ongoing quarter-century has shown that the vast majority of the population of Russia shared the position, close to the ideal of real humanism. The choice of this vector evolution can facilitate methodology of critical humanism. It is most effective in terms of network intellectual discourse as polisubjektive environment, which forms a reflexive public opinion on the content and modalities of the civilizational choice of Russia.

Keywords. Russian civilization, real humanism, authoritarianism, critical humanism, reflexive public opinion.

В широком, социокультурном смысле образ будущей России – это образ ее как цивилизации, занимающей срединно-северное положение в пространстве человеческой цивилизации (подробнее см. [1]). Вместе со всем человечеством в настоящее время Россия находится в условиях цивилизационного выбора, сущность которого составляет определение приоритетных фундаментальных ценностей социокультурной эволюции. В условиях глобализации все цивилизации стали

взаимозависимы. Обострились риски, угрожающие существованию человечества. Его сохранение предполагает консенсус относительно приоритета фундаментальных ценностей цивилизации.

К такому консенсусу можно придти путем диалога культур. Но практически достижению консенсуса препятствуют различия интересов участников диалога - представителей стран, которые весьма различаются по уровню экономического развития, по конкурентоспособности на мировом рынке, по возможностям экономического и военно-политического влияния на свое положение и на другие страны. В таких условиях возможность достижения консенсуса тем выше, чем фундаментальнее и уже спектр ценностей, рассматриваемых как общецивилизационные.

С моей точки зрения, это должны быть ценности, выражающие две фундаментальные характеристики цивилизации. Во-первых, те, которые обеспечивают *выживание* вида *homo sapiens* – это (1) **жизнь человека** и (2) **ненасилие** в отношениях между людьми; эти ценности опираются на самосохранительные запреты-табу типа заповеди *не убий*. Во-вторых, те ценности, которым люди должны следовать, чтобы *развивать* себя и свои человеческие качества, включая потребности и способности, свободы и права человека, его обязанности и деятельностные компетенции, - обобщенно это (3) **достоинство человека**. Таково минимальное *триединство фундаментальных ценностей цивилизации*, относительно которых необходим и возможен консенсус. Конечно, при заинтересованности стран-участниц диалога в его достижении. Такая заинтересованность все больше должна мотивироваться нарастающими рисками самого существования человечества.

Эндогенный выбор эволюции российской цивилизации, опирающийся на эти ценности, на собственную историю России и ее интересы в настоящее время, заключается в определении одного из векторов: или *сохранение* имеющегося состояния, которое, однако, чревато возможной рецессией в архаику, или *движение к гуманистически более высокому* состоянию.

Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН с 1990 г., осуществляет всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России». Результаты Мониторинга устойчиво показывают (его седьмая волна прошла в 2015 г.) наличие **цивилизационной альтернативы** ценностных позиций россиян: с одной стороны, **гуманизм**, основанный на ценностях семьи, дружеского общения и приоритета закона; а с другой – **авторитарность**, означающая приоритет ценности власти над людьми, в сочетании с **вседозволенностью**. При этом позицию гуманизма

поддерживает подавляющее большинство населения (около 80%), в то время как авторитарность – позиция явного меньшинства (около 20%). Однако реально именно это меньшинство контролирует органы власти, доминирует над меньшинством, определяет эволюцию всего общества.

Позиция вседозволенной авторитарности соответствует давно укоренившимся и потому *традиционным практикам* авторитарно-этатистского социума (совокупности общественных отношений), которые не соответствуют восточно-европейской культуре российской цивилизации. Эти практики не ограничиваются политикой, а охватывают и другие сферы жизни – быт, экономику, культуру, общественную жизнь. Позицию гуманизма можно рассматривать как исходный ценностный ориентир качественно нового жизнеустройства, о котором давно мечтает подавляющее большинство населения России как о справедливом и достойном – этой мечте близок **идеал цивилизации реального гуманизма**. Известная утопичность подобных идеалов как таковых отнюдь не снижает их общественное значение.

Значение идеала реального гуманизма состоит в том, что он создает предпосылки для действенной критики существующих, далеко не гуманистических состояний социума – как теоретической критики, выявляющей антигуманные социальные практики, так и практических действий по преодолению этих практик и укоренению более гуманных, пусть и не идеальных практик. Поэтому методологическим ядром реального гуманизма должен стать **критический гуманизм**.

В условиях современной России основной **объект критики** – *вседозволенный авторитаризм*, или авторитарная вседозволенность в любых ее проявлениях, поскольку это антипод реального гуманизма, триединства фундаментальных ценностей цивилизации. Необходима критика псевдогуманной риторики, которой маскируются адепты авторитарной вседозволенности, и их авторитарно-этатистских социальных практик. Не подкрепляя базовые положения Конституции Российской Федерации, особенно первой, ценностно-гуманистической ее части, программами их осуществления, отвечающими интересам большинства населения России, они превращают эти положения в пустые декларации. При этом не встречаются препятствий *телевизионные образцы вседозволенности*, ежедневно насилующие нравственное сознание миллионов россиян.

Самое тягостное проявление вседозволенности – *компрадорская доминанта* возникшего в России корпоративно-бюрократического капитала, обеспечивающая вывоз получаемых в стране доходов за рубеж и их включение в глобальные потоки капитала вместо

использования для развития экономики России и качества жизни ее населения.

На уровне взаимоотношений бизнеса и государства нуждается в глубокой и жесткой критике **корыстный произвол, коррумпированная система** административно-управленческих практик чиновников, которые взимают «откаты», составляющие, по оценкам экспертов, от четверти до половины прибыли многих собственников. Последние, в силу той же мотивации, компенсируют подобные «расходы», ограничивая долю заработной платы наемных работников в добавленной стоимости 30-35%, в то время как цивилизованная норма развитых стран составляет 60-65%. Иными словами, добавленная стоимость делится не на две части (между собственниками и наемными работниками), а на три: плюс чиновники, от которых зависит бизнес. Столь же произвольно собственники минимизируют затраты на модернизацию оборудования и улучшение условий труда, что ведет к отказу от инноваций, к стагнации производительности труда, повышению аварийности, травм и т.д. См. также [2].

На уровне повседневного поведения индивидов постоянными объектами критического гуманизма должны стать **преступления против жизни и здоровья людей**, грабежи, а также рукоприкладство, учиняемое в семье или в общественных местах.

Культивирование методологии критического гуманизма предполагает формирование рефлексивной интеллектуальной среды как предпосылки **рефлексивного общественного мнения**, созданию которого содействовал Борис Грушин и которое можно рассматривать как вариант **полисубъектной среды** [3]. Необходим мультилог-дискурс относительно цивилизационного выбора России. И не только элитно-вертикальный, но и горизонтальный – между представителями сел, городов, работодателей, работников. По сути, требуется сетевой общероссийский дискурс, в условиях которого может сформироваться рефлексивное общественное мнение о содержании и способах осуществления цивилизационного выбора России.

Кто **потенциальные** субъекты-модераторы дискурса? Прежде всего, политические партии, их лидеры. Владельцы СМИ, обозреватели, ведущие программ имеют возможности активно содействовать развертыванию дискурса. А также волонтеры из «низов», желающие проявить себя на этом поприще, - в Интернете, на телевидении, в центральных и местных газетах. Но не на телевизионных «рингах», которые обычно компрометируют идею дискурса.

Действенность дискурсу может придать позитивный сигнал-пример поддержки со стороны федеральной власти, Президента России. Особенно если будут приняты конструктивные решения.

Вывод: пришло время общероссийского дискурса, использующего методологию критического гуманизма и формирующего рефлексивное общественное мнение в поддержку гуманистической эволюции российской цивилизации путем преодоления социальных практик вседозволенного авторитаризма и укоренения практик реального гуманизма.

Литература

1. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. М., 2015, № 6. С. 3-17.
2. Нигматулин Р.И. Экономика – как обеспечить ее рост // Р.И.Нигматулин. 4Э нашей жизни: экология, энергетика, экономика, этнос. М., Литтерра, 2015. С. 41-66.
3. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.. «Когито-Центр», 2010. С. 115-117 и др.

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ (РЕФЛЕКСИЯ НАД БУДУЩЕМ)

С.Ю.Малков (МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва)

Аннотация. Рассмотрены особенности современного мирового кризиса. Показано, что его преодоление лежит на пути перехода от *Мир-системы* к *Мир-организму*, в ходе которого большое значение будет иметь цивилизационный опыт России.

Ключевые слова: мировой кризис, цивилизационный опыт России.

CONTEMPORARY CRISIS AND THE CIVILIZATIONAL CAPABILITIES OF RUSSIA (REFLECTION ABOVE FUTURE)

S.U.Malkov (MSU, Moscow)

Abstract. The special features of contemporary world crisis are examined. It is shown that its overcoming lies on the way of the passage from *World-system* to *World-organizm*, in course of which the great significance will have the Russia's civilizational experience.

Keywords: world crisis, Russia's civilizational experience.

Важнейшей особенностью последних десятилетий является то, что в этот период произошел слом тенденций, характерных для всей индустриальной эпохи: страны Запада стали довольно быстро утрачивать свое прежнее лидерство (Рис.1).

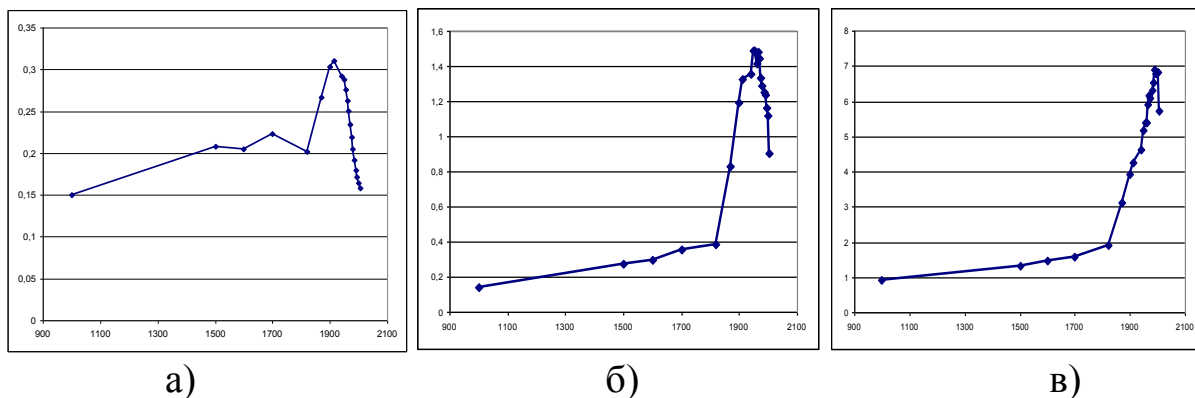

Рис. 1 – Динамика изменения за последние 1000 лет соотношения демографических и экономических показателей стран Запада и остального мира: а) соотношение численности населения, б) соотношение величины ВВП, в) соотношение величины ВВП на душу населения. Данные [1].

Причина этого заключается в том, что устойчивость конкурентно-ориентированной экономики западных стран возможна только при наличии притока дополнительных ресурсов извне (в условиях «игры с положительной суммой»). Именно получение дополнительных ресурсов являлось целью политики *колонизации* XIX в. и *глобализации* XX-XXI вв., проводимой западными странами. Однако, будучи реализованной, *глобализация* ставит предел возможностям роста, основанным на внешней экспансии. По завершению *глобализации* запас внешних ресурсов приходит к исчерпанию, неизбежен переход к «игре с нулевой суммой», период экстенсивного роста заканчивается.

С 70-х гг. XX века началось замедление роста населения Земли (Рис.2), стало очевидным насыщение спроса в странах Запада, экономика индустриальных стран стала буксовать.

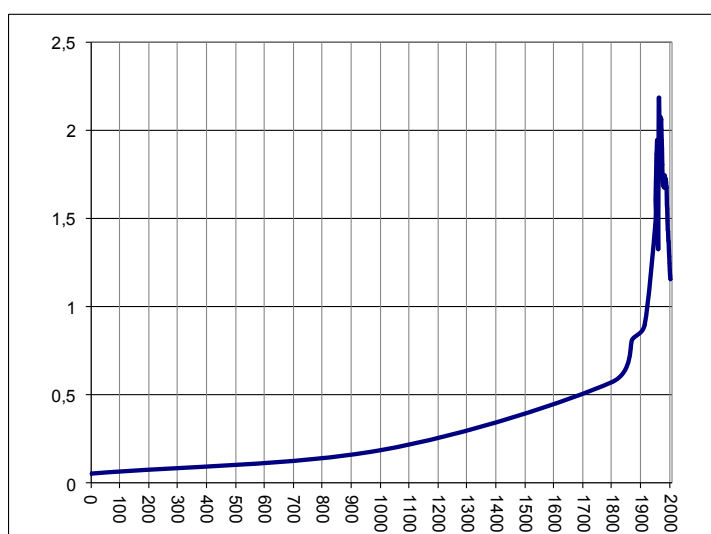

Рис. 2 – Динамика изменения темпов роста населения Земли за последние 2000 лет (в процентах за год). Расчет по данным [1]

Для расширения спроса на промышленную продукцию и для ее выхода на рынки развивающихся стран необходимо снижение цен. С целью уменьшения себестоимости своей продукции западные фирмы стали переводить производство в развивающиеся страны, где стоимость рабочей силы намного ниже. Однако это привело к ускоренному экономическому росту этих стран (Китая, Индии, Индонезии и др.) и к стагнации производства в странах Запада. Современная ситуация в мире следующая: страны Запада в кризисе (из-за низкой прибыли), товарный спрос обеспечивается Китаем и другими развивающимися странами. Что делать странам Запада, чтобы повысить прибыль? Возможны следующие варианты действий:

- 1) разработка принципиально *новых технологий* (NBIC), в которых страны Запада будут монополистами (но длительное сохранение монополизма уже невозможно из-за глобализации и высокой скорости диффузии инноваций, знаний, образования из развитых стран в развивающиеся);
- 2) резкое повышение *производительности труда*, что возможно за счет роботизации (но тогда рабочие будут не нужны, люди перестанут получать зарплату. Но в этом случае не будет и платежеспособного спроса, произведенную продукцию невозможно будет продать).

Это *тупиковая* ситуация. Развитие по либерально-рыночному типу, в основе которого – максимизация прибыли, заканчивается. Что впереди?

Глобализация усиливает экономические связи между странами и повышает их специализацию в мировом разделении труда. Специализация с усилением глобализации будет неуклонно повышаться¹. Мировая система исторически движется по направлению к созданию такого единого организма, работа которого будет согласовываться, регулироваться и контролироваться единым центром, который условно можно назвать мировым правительством. Вопрос лишь в том, как будет происходить данный глобальный переход от сообщества конкурирующих государств к единому *Мир-организму* (являющемуся следующей стадией развития *Мир-системы* И.Валлерстайна [2]).

Путей формирования *Мир-организма* может быть два [3].

Первый путь: нынешний экономический лидер США и его союзники – приверженцы либерально-рыночной парадигмы – формируют глобализацию под себя, руководствуясь принципами максимизации

---

¹ Биологическим аналогом полностью глобализованной системы является организм, где каждый орган выполняет свою, жизненно необходимую для организма функцию. В организме все органы одинаково важны и «заинтересованы» в эффективной работе друг друга, «дискриминация» отсутствует.

своей прибыли и «экономической эффективности». При этом положение Запада как бенифициара мирового развития сохраняется, страны периферии подстраиваются под потребности Запада, обслуживают его интересы. Оппозиция «Центр-Периферия» сохраняется и усугубляется, отношения между странами неравноправны.

Второй путь: «общественный договор» стран мира (глобальный консенсус) по поводу путей развития на основе согласованных целей и общих интересов с учетом мирового разделения труда.

При реализации первого пути России уготована роль сырьевого придатка экономически развитых стран. Закономерным итогом такой политики будет сырьевая специализация России и резкое уменьшение населения, существующая численность которого избыточна для обеспечения добычи и транспортировки сырьевых ресурсов. В перспективе этот путь приведет к распаду единого государства (потребность в котором резко уменьшается) и к переходу к освоению российских ресурсов вахтовым методом под контролем транснациональных компаний или специально созданных международных структур.

Второй путь (глобальный консенсус) основан на отказе от выбора принципа «максимизации прибыли» в качестве системообразующего, на выстраивании новой системы международных экономических и политических отношений, максимальным образом учитывающих культурно-исторические особенности стран, их опыт и возможности при формировании единого социально-экономического мирового организма. В этом варианте развития цивилизационный опыт России будет востребован и она может занять в новой мировой системе достойное место. Культурно-историческая заслуга России заключается в освоении огромных пространств, в создании технологий социального общежития и обеспечения жизнедеятельности в суровых природных и геополитических условиях. Ценность России для мира заключается в том, что на ее пространствах сохранились инфраструктурно-бедные территории, технологическое освоение которых может дать мощный импульс для развития следующего технотехнологического уклада (как в свое время сельскохозяйственное освоение североамериканских прерий послужило мощным толчком к развитию двигателей внутреннего сгорания и нефтяной экономики, обеспечивших технологическое могущество США).

Особенностями цивилизационного опыта России, которые могут оказаться востребованными в процессе формирования *Мир-организма*, являются:

- опыт проведения несиловой «глобализации» разнородных этнических и экономических пространств на территории Российской империи и СССР (российская «глобализация» Евразийских территорий – 1/6 части суши – была проведена довольно успешно и достаточно бесконфликтно в условиях сильной разнородности регионов с обеспечением их экономической специализированности);
- отработка методов социальной интеграции этнически разнородного населения (и их элит) в Российской империи и СССР (дружба народов Советского Союза, была не на словах, а на деле);
- опыт решения важнейших экономических и политических проблем как больших проектов (мегапроектов), например: «Москва – третий Рим» (при Иване III), «окно в Европу» (при Петре I), «построение социализма» (при СССР). Освоение и развитие новых технологий осуществлялось как инструмент для достижения амбициозных целей в рамках мегапроектов (например, освоение кораблестроения в рамках мегапроекта «окно в Европу», создание атомной энергетики и ракетостроения в рамках мегапроекта «построение социализма» и т.п.);
- актуализация духовных (не рыночных) стимулов в реализации мегапроектов, опора на особенности культуры, а не на стремление к прибыли.

В связи с актуализацией российского цивилизационного опыта требуют своего решения следующие задачи [4]:

- обретение современным российским государством реальной субъектности (только субъект проектирует будущее) в решении внутренних и международных проблем;
- необходимо «сосредоточиться», начать строить институциональную систему, адекватную российским цивилизационным особенностям;
- необходимо начать национальный мегапроект (например, мегапроект по освоению инфраструктурно-бедных российских территорий с использованием перспективных технологий шестого уклада), способный дать толчок национальному и мировому развитию;
- в политике необходимо форсировать сборку евразийского пространства.

Первоочередной задачей является переход с сырьевой ориентации экономики на инновационный путь развития. Для того чтобы инновационный механизм заработал, следует начать с создания

условий для *восприятия инноваций*. При этом инновации необходимы не сами по себе, а как средство достижения национальных целей. Для этого нужны мегапроекты, направленные на удовлетворение жизненно важных потребностей населения страны. Таким многоаспектным мегапроектом, например, может стать проект «Обустройство России», включающий в себя две базовые компоненты: новое освоение Сибири и Дальнего Востока и инфраструктурное переоснащение европейской части страны. Основные направления деятельности в рамках мегапроекта - развитие трансконтинентальной и локальной транспортной инфраструктуры, массовое строительство нового, насыщенного современными технологиями, но недорогого жилья, развитие добывающей и обрабатывающей промышленности, возрождение оборонно-промышленного комплекса как полигона для инноваций и т.п. Ключевым инновационным аспектом данного мегапроекта является разработка и внедрение новых технологий, позволяющих использовать региональные ресурсы в труднодоступных районах, строить там дороги и объекты инфраструктуры.

Именно для реализации подобных мегапроектов должны разрабатываться новые технологии. Технологии и инновации должны быть «привязаны» к мегапроектам, тогда они будут восприняты обществом, появится почва для их широкого распространения.

Указанный выше мегапроект «Обустройство России» соответствует современным процессам глобализации и, вместе с тем, способствует обеспечению самодостаточности страны и укрепляет ее право на положение в «ядре» мировой системы. Осуществление такого мегапроекта необходимо не только для укрепления территориальной целостности России, но и для ее «вписывания» в бурное развитие Азиатско-Тихоокеанского региона, куда сейчас «перемещаются» центры власти и капитала. Инициатором и руководителем такого мегапроекта способно быть только государство, а частный бизнес подключится по мере создания новых «центров роста».

Формирование и реализация мегапроектов возможны только в том случае, если Россия станет самостоятельным геополитическим субъектом и лидером мировой проектности (так было во времена СССР). Мегапроект невозможен без мобилизации, прежде всего духовной, и ограничения (самоограничения) правящей элиты. Нынешняя элита, в настоящее время получающая основные доходы от эксплуатации природной ренты, должна понять, что для нее необходимо участие в мегапроекте, которое, с одной стороны, принесет ей прибыль, а с другой - обеспечит устойчивое (и безопасное) положение в стране. Таким образом, мегапроект, кроме всего прочего, нужен для выращивания новой, национально ориентированной элиты.

В сфере международных отношений Россия должна предложить концепцию нового мироустройства, основанного на принципах кооперации и мирного взаимодействия разных народов и культур, развития цивилизационного и культурного многообразия (*Мир-организм*). Исторический опыт реализации таких принципов внутри страны у России есть, и он уникален: несмотря на чрезвычайное разнообразие регионов, Россия на протяжении веков сумела избежать сколько-либо серьезных конфессиональных и национальных конфликтов на своей территории. Этого умения крайне не хватает современному миру, поэтому востребованность в историческом опыте России будет расти. Это надо использовать для повышения влияния роли России на мировые процессы.

Литература

1. URL: www.ggcd.net/maddison.
2. *Wallerstein I. Economic Cycles and Socialist Policies // Futures*, 1984, №16/6, p.579–585.
4. *Малков С.Ю. От Мир-системы к Мир-организму // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика*, 2013, №1, с.76-84.
5. Краткосрочные и долгосрочные угрозы и риски России в условиях обострения международных отношений и пути их минимизации: Стратегический анализ / Отв. ред. С.Ю.Малков, Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2015.

Работа поддержана РФФИ (проект №13-06-00576)

ОБРАЗ БУДУЩЕЙ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МОСКВЫ

Л.В.Матвеева, Т.Я.Аникеева, Ю.В.Мочалова, Е.Е.Петракова
(МГУ имени М.В.Ломоносова, г.Москва)

Аннотация. Статья содержит результаты исследования образа России, сформированного у юношей и девушек, проживающих в Москве. Использован метод семантического дифференциала. Показано сходство и различие образов России разных эпох – от древней Руси и России эпохи Петра I до современной России и России будущего.

Ключевые слова: образ страны, будущая Россия, категориальная структура восприятия.

THE IMAGE OF FUTURE RUSSIA IN PERCEPTION OF MOSCOW STUDENTS

*L.V.Matveeva, T.Ya.Anikeeva, Yu.V.Mochalova, E.E.Petrakova.
(Moscow State University)*

Abstract. The article contains the study results of the Russia's image in the Moscow students' perception. The method of semantic differential has been used to analyze the similarities and differences of the following images of Russia – Medieval Russia, the Russian Empire, Soviet Russia, Current Russia and Future Russia.

Keywords: the image of the country, Future Russia, categorical structure of perception.

Образ страны является основополагающим для обретения человеком гражданской идентичности, лежащей в основе чувства благополучия, защищенности и способности к саморазвитию, и переживается как единство интересов личности с конкретной социальной общностью [2].

Согласно В. Вагнеру [5] основным способом преодоления кризиса идентичности является «символическое совладание на когнитивном уровне», которое проявляется в формировании коллективных социальных представлений в форме убеждений, в создании системы образов, метафор, оценок и установок, позволяющих членам социума «сделать неизвестное понятным и знакомым». С. Московичи [4] это назвал *конструированием социальных представлений*, а К.А. Абульханова [1] – *структурой ментальности*. В этой связи нам представилось важным исследовать представления об образе будущей России у современной молодежи. В исследовании приняло участие около 200 человек, юношей и девушек в возрасте от 19 до 25 лет. Основным методом исследования – семантический дифференциал. Данный метод обращен к разным уровням сознания и позволяет выявить элементы картины мира, в которых отражается субъективное, порой не вполне осознаваемое, отношение к России. Респондентам было предложено оценить следующие пять образов: «Древняя Русь (до Петра I)», «Российская империя (со времен Петра I до 1917 г.)», «Советская Россия (1917-1991гг.)», «Современная Россия», «Будущая Россия» – по 40 биполярным шкалам, описывающим то или иное качество образа (например, *самобытная страна – похожая на других, родная страна – чужая, тоталитарная – демократичная* и т.д.).

Разработка бланка для шкалирования проходила в несколько этапов:

- 1) анализ литературы по психосемантическим исследованиям;
- 2) разработка на основе литературного анализа списка шкал;
- 3) экспертная оценка полученного списка шкал и его коррекция;
- 4) составление окончательного варианта списка шкал для исследования.

Результаты шкалирования подверглись математической обработке. По результатам факторного анализа с применением вращения VARIMAX были построены семантические профили каждого образа и описаны основные категории-факторы, по которым респонденты оценивают образ России. Анализируя полученные профили, можно отметить следующее. Образ Древней Руси в сознании респондентов выражен слабо, на это указывает небольшое количество характеристик, получивших значимый вес. Данный факт означает либо скудость знаний респондентов о том, что собой представляет Древняя Русь, либо же, что их представления о ней крайне противоречивы, несходны между собой. Наиболее значимая характеристика Древней Руси – *просторная*, возможно, безграничная, это характеристика пространства. Сочетание качеств *самобытности*, *патриотичности* и *консервативности* свидетельствует о восприятии Древней Руси как государства с выраженным национальным колоритом, отличающегося от других и поддерживающего свою уникальность. Также в сознании респондентов Древняя Русь предстает как *смелая*, *духовная*, *щедрая*. Сочетание духовности и смелости можно интерпретировать и как пассионарность – в терминологии Льва Гумилева [3]. Как видим, положительные характеристики преобладают. И хотя образ несколько абстрактный, он ассоциируется с определением *былинная* Русь, Русь преданий, легенд, возможностей.

Образ Российской империи, наоборот, ярко и довольно однозначно выражен в сознании респондентов. Прежде всего, это *великая* держава – качество, наиболее значимое в данном образе. Одновременно в образе Российской империи респонденты отмечают все основные оценочные параметры: интеллект, силу, активность, нравственность. Это свидетельствует о достаточно высокой когнитивной сложности образа, о его разработанности, четкой прорисованности в сознании участников исследования. Вероятно, Россия времен правления династии Романовых хорошо известна и, возможно, близка по духу респондентам. Важно, что Российская империя воспринимается как *современная* и *прогрессивная*, то есть ориентированная в будущее, владеющая ресурсами для развития. Образ Советской России выражен также достаточно ярко и однозначно, но характеристик в нем респонденты выделяют меньше. На первом месте здесь оказывается характеристика – *патриотичная*. Интересно, что качество патриотичности характеризует только два образа – Древней Руси и Советской России. В целом, выявленные в данном образе качества характеризуют Советскую Россию как мощную, жестко структурированную и замкнутую систему.

Образ современной России тоже выражен в сознании респондентов четко и однозначно. Наиболее значимая характеристика – «контрастная» –

имеет самый большой вес (84) из всех вообще выявленных в данном исследовании. В целом, современная Россия воспринимается респондентами как состоящая из противоречий и одновременно уязвимая, «открытая всем ветрам» – *просторная*, но *разобщенная* и *продажная*. Важно, что этот образ России, несмотря ни на что, вызывает у респондентов сочувствие, теплое отношение – только образу современной России приписано качество *родная*.

Наконец, образ будущей России практически представляет собой идеал страны для респондентов. Россия будущего – это ожидания респондентов, и здесь очень важно, что ожидания эти позитивны, оптимистичны. В образе будущей России представлены характеристики пространства и времени – *современная*, *вечная*, *просторная* (причем, это наиболее значимые качества); устремленности в будущее – *перспективная*, *прогрессивная*; благополучия материального и душевного – *богатая*, *счастливая*. При этом в данном образе выделены все основные оценочные параметры – интеллект, активность, сила, моральность, эстетичность. Другими словами, респонденты единодушно и четко представляют, какой они хотят видеть Россию в будущем, каким они хотят видеть свое собственное будущее.

Резюмируя, можно отметить следующее: два образа из пяти в сознании респондентов отличаются сложностью, то есть разнообразием содержания, а также цельностью и четкостью – это образы Российской империи и будущей России, – наше относительно недавнее прошлое, которым можно гордиться, и представляющееся прекрасным будущее. Наименее однозначно воспринимается образ современной России, в первую очередь, его характеризует неопределенность положения. При этом важно, что все-таки образ сегодняшней России хоть и отличается психологической напряженностью, но не вызывает отторжения. Образ Древней Руси тяготеет в сознании респондентов к былинным метафорам. Образ Советской России характеризуется со стороны запрета, ограниченности, жесткости структуры.

По результатам факторного анализа было выделено 5 значимых факторов, представляющих собой своего рода критерии (категории), по которым оценивается и выстраивается в сознании респондентов образ России:

1. «прекрасная - уродливая»;
2. «ответственная - безответственная»;
3. «прогрессивная - консервативная»;
4. «мирная - воинственная»;
5. «равномерная - контрастная».

Результаты факторного анализа показывают, что Будущая Россия рисуется респондентам прекрасной, стабильной, прогрессивной, мирной,

но также страной контрастов. Сходным образом воспринимается и Российская империя. Современная Россия представляется респондентам не прекрасной и не уродливой, крайне нестабильной, но, скорее, прогрессивной, она не мирная и не воинственная и очень контрастная. В образе Советской России выражены факторы стабильности и воинственности, а Древняя Русь наиболее заметное значение получает только по первому фактору – «прекрасная-уродливая». Максимально миролюбивой оказывается Будущая Россия, максимально воинственной – Советская.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Российский менталитет: кросскультурный и типологический подходы // Российский менталитет. М.: ИП РАН, 1997. С. 7-37.
2. *Джидарьян И.А.* Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С.187-223.
3. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. М., 1992.
4. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. № 1, 1995. С. 3-18.
5. *Wagner W.* The social representation paradigm. – in *The Japanese Journal of experimental social psychology*. 1996, v. 35, № 3, p. 247-255.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ МАССОВОЙ РАЗНОВОЗРАСТНОЙ ВНЕКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

К.А. Ольховой

(Врач-психотерапевт, г. Москва)

Аннотация. Нынешнее время требует создания массовой разновозрастной внеконфессиональной молодёжной организации, необходимой для преодоления риска разрушения страны, как субъекта. Разберёмся, почему это так.

Ключевые слова: молодёжь, отечество, массовая организация, разновозрастная.

ABOUT NECESSITY OF CREATION OF A MASS MIXED-AGE NON-DENOMINATIONAL YOUTH ORGANIZATION

K.A. Olkhovoy

(Psychotherapist, Moscow)

Abstract. The present time requires the creation of a mass mixed-age non-denominational youth organization that is required to overcome the risk of destroying the country, as a subject. We will understand why this is so.

Keywords: young people, Fatherland, mass organization, mixed-age.

1. В настоящее время в стране нет единой массовой молодёжной организации. На сегодняшний день мы имеем множество различных детских и юношеских объединений, но все они являются в той или степени узкоспециальными.

Вместе с тем следует отметить, что в нынешнем поколении назрели вопросы:

- Куда приложить свои силы?
- Что я могу делать для других людей?
- Как конструктивно реализовать потребность в активности?
- Что я могу делать добровольно, по своей инициативе, а не только по приказу?
- Как я могу облагородить окружающую среду?
- Как я могу повысить качество своей жизни и качество окружающей среды?
- Как мне повышать свою компетентность помимо формального образования?

Не находя ответа на эти вопросы, юные часто ударяются в нигилизм и отрицание общества, «которое в них не нуждается».

Развитие общества требует смены поколений. Современное поколение во многом является «вещью в себе» в связи с утерей обществом своих корней и традиций, дезориентацией в ценностях и культуре.

Часто молодёжь ориентирована на ценности других культур (западных или восточных), при этом имеет очень узкое представление о культуре и ценностных установках собственной страны, собственного народа и других народов, исторически проживающих на территории России, также являющимися частью российской культуры. Важно отметить, что современный мир таков, что связи в нём обширны и разнообразны, в нём практически нет стран, изолированных полностью от окружения. Поэтому нынешнему поколению необходимы адекватные понятия о разнообразных культурах всего мира, без этого сложно сформировать целостное мировоззрение людей, которые через 10-30 лет станут самыми активными «действителями» нашей планеты.

Важным вопросом является и профилактика шовинизма, который может быть основой мировоззрения лишь для маленьких слабых народов, но деструктивен для граждан «великих держав».

Следует отметить, что нынешняя информационная и познавательная среда, стимулирующая не системное, а клиповое мышление, даёт очень много информации, но не способствует целостному, протянутому во времени изучению и пониманию событий в их связи. А это необходимо для познания прошлого, восприятия настоящего и построения образа будущего — то есть создания целостной картины мира. Нынешняя информационная среда не позволяет детям и юношам сформировать адекватное мировоззрение.

Очень важно, что для детей и юношества типично желание быть в коллективе. И очень важно предложить им коллектив, который направит их энергию в русло деятельности, облагораживающей окружающую среду и улучшающей жизнь. Коллектив, который может воспитывать через конкретные дела и сопричастность проблемам общества и реальной жизни. Коллектив, в котором человек чувствует себя защищённым, который способствует развитию.

2. Почему нужна массовая организация.

- 1) Если мы говорим о важности недопустимости культурного, исторического и идеологического провала 90-х, то нам важно понимать, что идея организации должна иметь возможность быть транслированной на всю молодёжь.
- 2) Для реализации изложенного в пункте 1, необходима организация, охватывающая порядка 10% детского и юношеского населения страны, а это, безусловно, массовая организация (соотношение 1 к 10 берётся из практического опыта по обучению и воспитанию детей и юношества: подобное соотношение необходимо для транслирования идеи, расширения за счёт взаимного обучения, кристаллизации молодёжного страта вокруг людей с активной жизненной позицией).
- 3) Лишь массовая организация (за счёт большого количества деятельности, а значит и инфоповодов) может занимать достаточное место в «позитивном» информационном пространстве, показывая возможности реализации позитивных деятельных ценностей обществу в целом (примером такого воздействия может быть роль пионерии 20-х — 30-х в борьбе с пьянством и ликвидации безграмотности) и области достойного, полезного для страны и самих себя приложения сил.
- 4) Лишь массовая организация (массовая по самой идее своего создания в плане развития) подразумевает не только транслируемость, но и масштабируемость, что обеспечивает

«живучесть» организации (обратите внимание, что, несмотря на уничтожение всей «инфраструктуры» пионерии в 1991 году, отдельные пионерские отряды продолжали существование и в 90-х (без какой-либо поддержки КПРФ, на энтузиазме «выросших» пионеров), и существуют до сих пор).

5) Лишь массовая организация позволит уйти от «морали гангстерских кланов», как одной из наиболее разрушительных форм шовинизма.

3. Почему нужна внеконфессиональность и многонациональность.

1) Лишь внеконфессиональная организация может охватить молодёжь всей страны. И особенно жителей «пограничных» регионов (районов Кавказа, Хакасии, Бурятии и т. д., а также ряда зон «ядра страны» (Татарстан, Башкири, Калмыкия и т. д.), а также атеистов, католиков, протестантов и иудеев, а не секрет, что именно на эти семьи (процент которых особенно высок среди интеллигенции) направлена антироссийская пропаганда, т.е. и «психологические пограничные районы».

2) Необходима концепция Русского, как гражданина России (тот же Рамзан Кадыров называет себя русским человеком чеченской национальности), в концепции «империи» («империи», как мощного, суверенного, многонационального государства, где все люди — активные граждане, что было и в Российской Империи, и в СССР, и должно быть в Российской Федерации), ибо она многонациональна.

3) В рамках сознания «Достойного Отечества» важно доносить до молодёжи, что духовность и моральность (которые безусловно являются важными ценностями России) являются свойствами человека, не имея жёсткой привязки к конфессиям и этносу.

4) Важно понимать, что внеконфессиональность и многонациональность подразумевают не «толерантность» с ложным отрицанием конфессий и национальностей, но принятие их, дополнение их, непротиворечие духовным и культурным ценностям разных конфессий и этносов нашей страны. Никакой «толерантности» к аморальности и эгоцентризму в массовой молодёжной организации быть не может.

5) Всё вышеизложенное относится и к тому, что массовая молодёжная организация должна быть и внепартийной.

4. Почему молодёжную организацию важно делать разновозрастной, важность разделения организации на «подорганизации» по возрастам.

1) Возрастной срез молодёжи включает в себя несколько различных возрастных периодов, с принципиально разными особенностями

психики, которые не позволяют одинаково работать с ребёнком 10, подростком 15 и юношей 25 лет в условиях одной группы.

- 2) В разных возрастных группах разные социальные права и обязанности и разные референтные группы (не культурально, а возрастно обоснованные). Работая с детьми 10-13 лет, мы неизбежно должны будем работать в «непротиворечии» с их родителями; с подростками — учитывая их стремление к эмансипации в сочетании с зависимостью от родителей; с юношеством — учитывая их сегрегацию не только от родителей, но и всего старшего поколения в целом (а ведь на устранение этого разрыва мы и должны работать, если хотим получить смену, а не людей, оторванных от наших ценностей).
- 3) Имея разновозрастную сегрегацию в молодёжной организации, возможно создание в ней института «вожатства», который способствует не только развитию «старших» (ибо «обучая» младших, они в живой практике находят ответы на многие вопросы, которые они не совсем понимали), не только «передаче традиций» (причём «мягкой» передаче, не вызывающей конкурентных противоречий внутри возрастной группы из-за «права учить»), но и «живучести» организации в целом, даже в условиях неблагоприятного внешнего информационного и идеологического воздействия.

РЕФЛЕКСИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ В ТРЕНДАХ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

А.Е. Пойкин (МЭСИ, Москва)

Аннотация. Обосновывается актуальность постановки вопроса о разработке и внедрении социогуманитарных технологий. Рассматриваются основные тренды и тенденции мирового развития. Анализируется адекватность политики России мировым процессам. Бессубъектность развития страны определяется как главная причина отставания в технологиях, экономике, политике.

Ключевые слова: Субъектность, социогуманитарные технологии, миропроект, образ будущего, этика.

REFLECTION OF THE FUTURE OF RUSSIA IN THE TRENDS OF WORLD DEVELOPMENT

A.E. Poikin (MESI, Moscow)

Abstract. The urgency of the question of the development and implementation of socio-humanitarian technologies. Examines the main trends and tendencies of

world development. Analyzed the adequacy of the policy of Russia to the world process. Subjectless development of the country is identified as the main reason for the lag in technology, economics, politics.

Keywords: Subjectivity, socio-humanitarian technologies, macroproject, the image of the future, ethics.

Несмотря на продолжающийся системный кризис мирового развития, и кризис идей и концепций выхода из него, отсутствие политических ответственных и волевых решений, в сложной миросистеме все равно происходят процессы изменений и перестройки собственной структуры. Вероятно, в этой сложности уже зарождаются новые формы будущего существования, в которые России необходимо органично встраиваться с учетом собственных интересов. Обозначим некоторые мировые тенденции и проанализируем степень адекватности и своевременной сопричастности данным процессам нашей страны.

Учащающиеся кризисы с рубежа тысячелетий и до нынешних дней сигнализируют о тупиках развития капиталистической системы. После развала СССР мир практически полностью глобализировался – все рынки были освоены географически, физически, финансово. Роли в мировом разделении труда были распределены, внутри стран это разделение труда углубилось до некоторых пределов. В качестве решения вопроса дальнейшего развития были использованы финансовые инструменты, которые из вспомогательных функций переросли в основу экономической системы, ставшей более виртуальной. Крах перекаченных до пузырей финансов ознаменовал новый период исчерпания существующей экономической модели и системы. И поиску новых решений проблемы пределов роста теперь мешает и ряд циклических экономических процессов – смена длинных волн (нисходящая волна 5 экономического цикла влияет на конъюнктуру, спрос, рост экономики, а восходящая волна 6 уклада только зарождается), их зависимость от технологических укладов (соответствующий уклад еще не стал локомотивом отраслей), средне- и краткосрочные экономические циклы сбиваются из-за диспропорций в финансово-кредитной системе, демографических аспектов, качества информации и пр. Затяжной переход от индустрии к постиндустриальному развитию сопровождается турбулентностью сырьевых и валютных рынков, нестабильностью на биржах, перераспределению зон влияния и смене центров силы. Такое неустойчивое положение заставляет акторов мировой экономики искать временное спасение в использовании нематериальных факторов производства (связанных с человеческим капиталом, репутацией и

влиянием, например), в новых моделях инвестирования. Рынки выходят из географических рамок – пределы и границы начинают определяться численностью определенных культурных и языковых групп людей. В связи с увеличением доли дигитального продукта языковая группа человека становится одним из определяющих показателей – спрос и номенклатура товаров будут зависеть от степени распространения и применения того или иного языка. Специфика смены экономических базисов только усиливает конкуренцию и конфликты среди субъектов мировой экономики – экономические войны интенсифицируются, и в связи с новыми факторами рынка переформируются в культурные и языковые. Яркий пример таких процессов – события на Украине, наиболее освещенные в СМИ, но далеко не единственные.

Культурные войны как формат экономических конфликтов и синтез технологических, экономических, социальных переходов порождают определенные политические изменения. Становится очевиднее неспособность социальных государств и развитого либерализма отвечать на современные вызовы и угрозы, существующие структуры (как глобальные, так и национальные) и системы деградируют. Возникает потребность в новых формах субъектности (Миропроекты), образуются новые союзы, коалиции, группировки, требующие пересмотра существующего миропорядка и создания новых институтов диалога и сотрудничества. В их отсутствии возрастают угрозы среднемасштабных региональных конфликтов (Европа, Ближний Восток, Юго-Восточная и средняя Азия). Стоит отметить, что военные структуры и технологии активно адаптируются к новой реальности (форматы гибридных, сетцентрических войн, роевые технологии, использование новых видов техники и пр.), опережая развитие политических структур. В том числе и данный аспект способствует повышению риска утраты субъектности традиционными формами государственности.

Угрозы для устоявшихся концепций государственной власти исходят и из социальных тенденций. Духовная деградация и радикализм, утрата смыслов жизни, идеологический фундаментализм, потребление в ранге идеологии и духовного выбора – такая социальная среда создает внутренние и внешние риски для безопасности стран. Снижение уровня образования, виртуализация социальных отношений, информатизация ослабляют влияние и контроль власти над обществом и создают условия для информационных войн. На уровне отдельного человека также происходят значительные изменения – интеллектуальные, нравственные и духовные потребности заменяются упрощенными симулякрами, трансформируются традиционные семьи, разрушаются связи между поколениями. Глобализация социума синтезируется с

одновременной его атомизацией. Открытое всемирное информационное и общественное пространство сосуществует с закрытыми структурами, защитой данных, фрагментированным на микро-группы социумом. Общество делят на группы не только по ценностям и интересам, жизненным позициям, но и по моделям поведения, характерам, по потребляемым товарам и услугам. Потребность в общности с людьми всего мира сочетается с повышенной востребованностью на индивидуализацию. Эти (и многие другие) факторы увеличивают роль человека, «субъективизирует» его в истории, политике, экономике. На новый уровень (с позиции приоритетных функций управления) выходят технологии сборки и контроля над сообществами людей. Также стоит отметить изменения в областях метафизики – возникают очаги спроса на «обновление сакральности» существования. Существующие устои начинают «ломать» через безразличие к «старым» знакам и символам (участившиеся случаи вандализма и «перфомансов» над религиозными и культурными памятниками, флагами, языковыми формами и т.д.) и даже их уничтожение (действия ИГИЛ по отношению к объектам культуры и истории).

Все большее влияние на все формы жизнедеятельности человека, общества, мира оказывают технологии. Переход к новому технологическому укладу возможно впервые в истории имеет во многом проектный, а не адаптивный характер. Инновации, их отрасли и направления, начинают контролировать на всех этапах развития. Скорость, распространение, а главное виды новых технологий во многом будут определять темпы экономики, влияние компании, авторитет страны. Уровень развития нового уклада также будет и критерием субъектности власти, фактором ее безопасности. Однако проблематизацию в процесс выбора приоритетов в технологическом укладе добавляет сложность системы и ее связность с экономикой, политикой, признаками общества (например, IT-индустрия во многом убыточна в отрыве от финансовых инструментов). Тренд перехода к постиндустриальному обществу усиливается (развитие технологий 3-d печати, автоматизации производств, внедрение гибких производственных систем, снижение издержек при новых материалах, удешевление тиражирования и увеличение затрат на создание новых образцов товаров, идей, информации и пр). Эволюция происходит и в управленческих технологиях – неклассические технологии (рефлексивное управление, самоорганизующаяся критичность, кибернетика 2-го порядка, управление сетевыми структурами и т.д.) уступают место технологиям постнеклассической научной рациональности (высокие социогуманитарные технологии, сборка и

разборка субъектов, средовое управление, развитие технологий психоинженеринга и т.д.).

В контексте рассматриваемых трендов «стабильность» России вызывает опасения. Внешние политические и экономические факторы существенно влияют на проводимую страной политику и «отвлекают» от приоритетных направлений развития, однако это вопросы скорее тактического характера, стратегические задачи ускользают из поля деятельности властей. Весь спектр проблем описать в тезисном формате статьи не представляется возможным, рассмотрим некоторые из них через призму инновационного развития. Национальной инновационной системы объективно не существует – отдельные «очаги» инновационной активности (лаборатории, оставшиеся с советских времен НИИ, некоторые университеты, закрытые военные КБ, Академия наук, реформированная для «большей эффективности», технопарки и бизнес-инкубаторы с иностранными инвестициями, специфические объекты развития инноваций в виде «Сколково» и «Роснано») не связаны между собой. Отсутствуют не только коммуникации между всеми участниками, нет проектных связей, системных, стратегических. Проводится неэффективная кластерная политика. Создание особых экономических зон не повлекло за собой ожидаемых темпов развития высокотехнологичных отраслей, очередной проект в виде создания территорий опережающего развития даже на законодательном уровне не совершенен. Стратегии социально-экономического и инновационного развития страны до 2020 года не являются стратегическими документами – приоритетность догоняющего развития, концентрация на уже развитых отраслях (ядерные технологии, космос, отдельные направления в био- и нанотехнологиях), ориентация на интересы рынка и прибыльность инноваций не являются стратегией. Отсутствуют критерии оценки инновативной деятельности, отсутствуют приоритеты развития исходя из стратегического подхода и ожидаемого будущего, планирование осуществляется в виде датировки абстрактных процентов роста на ближайшие пять лет. Не учитывается специфика последних десятилетий с деиндустриализацией страны, развалом науки и образования. На федеральном и более высоких макроуровнях отсутствуют глобальные проекты (интеграционные процессы на евразийском пространстве проводятся в неоптимальные сроки, с переменным интересом участников, в сугубо экономических рамках) как среда для развития инновационной активности. Основой договоров России на внешних рынках по-прежнему являются сырьевые проекты с прибыльностью (а не национальными интересами) в их основе. Образовательная система по-прежнему деградирует, благоприятные

условия для бизнеса, в том числе и технологического, отсутствуют, финансово-кредитная система не приспособлена для поддержки инноваций и развития экономики (ставки по кредитам крайне высоки, отсутствие целевых программ, дотаций, банков развития, проектных институтов и пр.). Для построения НИС встает острый вопрос одновременного восстановления и создания индустрии пятого техноуклада и развития шестого технологического уклада. Настолько масштабную, затратную, мобилизационную задачу пока никто не ставит, однако от этого зависит суверенитет страны.

Очевидно, что необходимо выстраивать определенную политику развития и концентрировать существенные усилия на ее проведение. Начать стоит с построения и предъявления позитивного Образа будущего. Он базируется не только на определении роли и места в мире, но и на ценностях, культуре, мировоззрении, этике. Нужен широкий спектр характеристик желаемого состояния в будущем (на всех этапах – от краткосрочных до глобальных долгосрочных). Обрисовывать возможные перспективы необходимо как элите, так и обществу, которое будет его строить. Далее предстоит гармонизировать религиозные убеждения и идеологические аспекты – необходимость идеологии будет присутствовать, и на различных уровнях (где-то нужны будут «мягкие» проектные идеологии (в определенных отраслях экономики, направлениях науки), где-то более «жесткие» мобилизационные, где-то универсальные миропроjektные). Проект порождает стратегии – инновационные, экономические, технологические, социальные. Встает вопрос необходимости прогнозных институтов и даже прогнозной среды, также как и институтов экспертизы, экспертных сообществ. Далее уровень планов и тактики. Необходимость работы по созданию отечественного стратегического проекта, способствующего развитию страны, технологий, качественно новому позиционированию и успешным интеграционным процессам осознается многими в экспертном сообществе страны. Ключевым вопросом по созданию такого проекта является «кто будет это осуществлять?». Отсутствие ответа на этот вопрос приводит нас к известному диагнозу – «бессубъектность» (В.Е. Лепский). Таким образом, ключевую роль в становлении России как актора мировой политики играют технологии «сборки субъектов», рефлексивно-активные среды, средовой подход в управлении и другие высокие социогуманитарные технологии. По сути, это разработки седьмого технологического уклада, опережающие во многом общемировые технологии. Если сконцентрировать внимание на их развитии, возможно, удастся решить проблему неравномерного инновационного развития, отсталости основных индустриальных

фондов, деградации науки и образования. Затем можно будет решать проблемы качества элит, ресурсные вопросы финансов, знаний, кадров, и, что самое важное, дефицита времени.

История нашей страны знает множество периодов, пограничных с хаосом и развалом государственности. Но всегда такие периоды сменялись духовным подъемом нации, решением неразрешимых проблем, ускоренного развития и процветания. Сегодняшние кризисы еще не катастрофичны, и при определенных условиях Россия имеет все шансы вырваться в лидеры по качеству развития, уровню жизни, благосостоянию, развитию науки и техники... И этот успех стоит искать не в сценариях «догоняющего лидеров», а в парадоксальности опережающего развития через доминирование социогуманитарных технологий.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Исходные посылки становления социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на Евразийском пространстве / Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на Евразийском пространстве / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2014. С.6-28.

БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕЙ РОССИИ

М.С. Роскошная (Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва)

Аннотация. В статье рассматривается институт семьи как базовый элемент развития общества. Анализируются подходы к определению понятия «семья», дается характеристика признаков семьи в традиционном понимании и описываются подходы к семейно-правовому регулированию в Российской Федерации. Автор также демонстрирует трансформацию семейных отношений в историческом контексте и изменение функций и ролей членов семьи с течением времени. Автор анализирует существующую семейную политику и предлагает возможности по укреплению брачных отношений в кризисное время.

Ключевые слова: семья, социальный институт, брачные отношения, быт, имущественные и неимущественные отношения, материнство, отцовство, детство, семейный статус, общечеловеческие ценности.

BASIC VALUE OF FAMILY INSTITUTION WITHIN THE FRAMEWORK OF RUSSIA'S FUTURE FORMING

Abstract. The characteristic of family institution as the basic element of human development is described in the article. There is the analysis of the approaches to the definition of "family", the description of family in the traditional sense and of approaches to conjugal relations in the legal framework of the Russian Federation. The author also shows the transformation of family relations in the historical context and the changing functions and roles of family members with the course of time. The author analyzes the existing family policies and offers opportunities to strengthen the marital relationship in times of crisis.

Keywords: family, social institution, conjugal relations, way of life, property and non-property relations, maternity, paternity, childhood, marital status, human values.

Введение. В ходе формирования образа будущей России возникла необходимость в определении «отправных точек», из которых с течением времени будет происходить идентичность населения нашей страны, его моральные устои и максимы поведения. В процессе обсуждения этой проблематики экспертной группой было высказано предположение о необходимости сформировать набор базовых ценностей. Для этого был проанализирован исторический опыт России, её культурное наследие, а также современные тенденции развития общества. В итоге образовался некий ценностный пул, в основе которого находится семья как базовый элемент развития общества.

Семья: определение, роль и значение. Семья – это социальный институт, базовая ячейка общества¹. В традиционном (классическом) понимании характеризуется рядом признаков²³⁴:

- ❖ союз мужчины и женщины;
- ❖ добровольность вступления в брак;
- ❖ члены семьи связаны общностью быта;
- ❖ узаконенность вступления в брачные отношения;
- ❖ стремление к рождению, социализации и воспитанию детей.

Кроме данного общепризнанного определения семьи существуют также и различные юридические подходы к ее определению. Так, в российском семейном праве под семьей понимается *круг лиц, связанных*

---

¹ Семья и род // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907

² Гребенников И. В. Основы семейной жизни: Учебн. пособие. М. : Просвещение, 1991

³ Определение понятия «семья» и несоблюдение единства терминологии в главе 20 Уголовного Кодекса Российской Федерации

⁴ Декларация «Московского демографического саммита: Семья и будущее человечества», 29-30 июня 2011 г.

личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления. Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства¹. В семейном кодексе очень деликатно прописаны цели семейно-правового регулирования: укрепление семьи должно происходить на основе таких общечеловеческих ценностей, как *взаимная любовь, уважение, взаимопомощь, ответственность перед семьей всех ее членов*, и категорически утверждается *недопустимость произвольного (не основанного на законе) вмешательства в дела семьи*. В первой же статье семейного кодекса прописано, что рассмотрению подлежит только брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Основная цель правового регулирования семейных отношений - обеспечение членов семьи возможностью активной защиты своих прав, полноценного правопользования.

Форма семьи на протяжении многих веков оказывала влияние на направление эволюции макросоциальных систем²: принимаемые семьей решения нередко становились нормами поведения более широких общественных объединений. Так, советы старейшин зачастую определяли направления городского («полисного») развития. От момента появления на свет и до окончания жизни каждый индивид характеризуется не только социальным статусом, имущественным и материальным положением, принадлежностью к определенному этносу, но и *семейно-брачным состоянием*³.

Но описанные ранее характеристики человека в течение жизни меняются. Изменению подвержены также функции и роли семьи для ее членов:

Для ребенка

- это среда, в которой складываются условия его физического, психического, эмоционального и интеллектуального развития и воспитания

Для взрослого человека

- это источник удовлетворения ряда его потребностей (эмоциональных, духовных, сексуальных и т.д.);
- это малый коллектив, предъявляющий ему разнообразные и достаточно сложные требования.

---

¹ Система ГАРАНТ, Семейный кодекс URL: http://base.garant.ru/10105807/1/#block_1010#ixzz3aTRO6iUY, дата обращения 17.05.2015.

² *Коротаев А.В.* Семья в социально-экономической структуре докапиталистических классовых формаций // История и филология древнего и средневекового Востока / Отв. ред. Васильев, Д. Д., и Волков, С. В. М.: Наука, 1987, с.3-11

³ *Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н.* Семья как социокультурный феномен // Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. Монография. — М.: Интеллектуальная книга, Новый хронограф, 2010. - С. 27-53.

Содержание понятия «семья» трансформируется вслед за социокультурным изменением общества. Ниже приведена таблица 1 с основными проблемами, стоящими перед традиционной семьей (преимущественно касательно Запада и России).

Таблица 1

Проблемы трансформации традиционного понимания понятия «семья»

«Внешние» проблемы	«Внутренние» проблемы
<ul style="list-style-type: none"> • Однополые браки и их легализация • Отсутствие полов в семье/формирование универсального пола (родитель X и родитель Y) • Суррогатное материнство: в каких случаях оно оправдано? • Искусственное прерывание беременности (аборт) 	<ul style="list-style-type: none"> • Эмоциональное отделение членов семьи • Ослабление социально-психологического эффекта семейной коммуникации (подмена реального общения виртуальным) • Смещение традиционных ролей: женщина - хранительница очага, мужчина – добытчик • Поздние беременности и роды => уменьшение количества детей в семьях

Отметим, что описанные выше проблемы во многом связаны с проводимой в последние годы политикой государства в отношении института семьи: стремясь обеспечить максимально возможную занятость населения произошла переориентация на «индивидуальную жизнь». Что в свою очередь способствовало *деприватизации жизни индивида, унификации его образа жизни и мышления, примату личных интересов* (в противовес «общественным») ¹.

При этом семья продолжает оставаться тем социальным пространством, в котором происходит личностное становление человека, а значит, государство сегодня всеми силами должно способствовать становлению адекватной семейной и демографической политики. Игнорирование этих проблем в конечном счете может привести к нарастанию социальной напряженности, антисоциальному поведению, наркомании, сиротству, враждебностью на национальной основе и т.д. ². Для того, чтобы государственная поддержка института семьи была действенной, она должна подкрепляться исследованиями в

¹ Учебные материалы ВГУЭС. Теория и практика домоведения (конспект лекций). Автор: Карабанова С.Ф., редактор: Ильин А.А.

² *Торопыгина М.В.* Институт семьи в современной России: социально-философский анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, МГТУ «МАМИ», Москва, 2011 г. С.3

области психологии, социологии, педагогики, экономической демографии и в других специальных дисциплинах.

Укрепление понятия «семья» в период экономического кризиса. Данный раздел был сформирован под влиянием репортажа 1 канала в вечернем выпуске программы «Время» 9 марта 2015 г. («Кризис вытаскил на поверхность все: вместе легче!»). Его содержание можно представить следующим образом:

- Заявляемое органами ЗАГС резкое увеличение количества свадеб в начале 2015 года (на фоне того, что к концу 2014 наблюдалось резкое сокращение в связи с падением курса рубля по отношению к доллару, что осложняло финансовое обеспечение проведения торжества).
- С целью улучшения коммуникации внутри семьи, а также упрочнения общего психологического климата и духовной связи между членами семьи все чаще семейные психологи рекомендуют совместное придумывание квестов, что позитивным образом сказывается на умении слышать и слушать друг друга.
- Воссоздание генеалогических деревьев как способ вспомнить историю рода. Выгода от большой семьи: если нужна помощь (от моральной до материальной), то всегда окажется кто-то рядом. Прививание идеи, что семья – это лучший друг.
- Жить вместе – это оптимизировать расходы. Вместе дешевле: общий холодильник, общая рента, общие путешествия. Чем больше семья – тем больше денег (хотя на развлечениях сэкономить труднее всего, так как это наиболее тяжело контролируемая статья семейных расходов). Интересное наблюдение: во время кризиса 2008 года американские миллионеры решили экономить на любовницах¹. Так, на них в среднем сократили расходы на 80%, а 12 % мужчин вообще вернулись в семью (исследования компании экономических исследований Prince&Associates из штата Коннектикут, США).
- В Китае если ты в старости одинок и не имеешь детей, то не сможешь выжить: там вообще не платят пенсии². По нормам пенсионного законодательства Китая право на пенсию получают мужчины с 60 лет, женщины с 50 или 55 лет, в зависимости от

---

¹ URL: <http://millionaire.ru/тема/семейные-драмы-миллионеров>, дата обращения 16 марта 2015 г.

² URL: Пенсии в Китае или на что живут китайские пенсионеры <http://www.goodchina.ru/v-kopilku-turista/229-pensii-v-kitae-ili-na-chto-zhivut-kitajskie-pensionery.html>, дата обращения 17 марта 2015 г.

рода деятельности. Но на государственную пенсию могут надеяться только те, кто был на государственной службе и лица, работающие в промышленности. Сельское население пенсию не получает вообще (порядка половины населения страны).

- Самое популярное развлечение в кризис в Великобритании – секс (по данным социологических опросов)¹. Этот тезис подтверждает и российский покупатель: продажи средств контрацепции резко подскочили с конца прошлого года.
- Абсолютный рекорд браков зарегистрировали ЗАГСы столицы в 2015 году. За границы обычного вышла и сама свадебная церемония (гавайские свадебные церемонии в Санкт-Петербурге)².
- Дауншифтинг для начала и развития семейного бизнеса: пример, козье молоко (производство сыров) в Нижегородской области, готовая ферма за 2 года, в которой трудятся всей семьей.
- Важные факторы для упрочения семейных уз: проводить больше времени вместе (общие путешествия), совместные увлечения, общение, единая фамилия (пример, семья Ининых, «Инин» означает муж Инны). Жить вместе - это еще и вместе преодолевать трудности, «которых бы не было, если бы не жили вместе» (сатирик Аркадий Инин).
- Для создания семьи необходимы чувства³. Еще 10 лет назад любовь набрала лишь голоса чуть больше половины опрошенных. При этом сейчас меркантильных стало меньше. «Я подарю тебе рассвет», а большего и не надо.

Заключение. Мы видим, что законодательно понятие семьи не закреплено, хотя в различных отраслях права (прежде всего, в семейном) выработано несколько общетеоретических определений. Прежде всего, они строятся на традиционном понимании брачных отношений, а их смысл заключается в активной защите прав супругов, а также в очерчивании их обязанностей. Начала семейного законодательства играют существенную роль в создании особой "юридической атмосферы" семейного права, они незримо участвуют практически во всех разделах семейного кодекса. С морально-

---

¹ URL: Секс-самое популярное развлечение британцев в условиях финансового кризиса <http://rus.newsru.ua/world/01dec2008/bokrysa.html>, дата обращения 17 марта 2015 г.

² URL: видеоматериал: <http://www.youtube.com/watch?v=rNCZVPSOpFQ>, дата обращения 20 марта 2015 г.

³ URL: Энциклопедия молодой семьи <http://www.bibliotekar.ru/enc-Semya/3.htm>, дата обращения 10 марта 2015 г.

этической стороны к базовым семейным ценностям можно отнести общечеловеческие "ориентиры" - построение семейных отношений *на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи*. Именно этот ценностный базис семейных отношений мы будем видеть в качестве основы становления общества будущей России.

БУДУЩЕЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

А.К. Соловьев

(Пенсионный фонд Российской Федерации, г. Москва)

Аннотация. В современных условиях глобализации мировых экономических процессов страны с переходной экономикой, в том числе Россия, уже на протяжении более 30 лет находятся в состоянии постоянного поиска эффективных механизмов управления государственной системой пенсионного обеспечения. Чтобы достичь целей рыночной пенсионной реформы, необходимо создать эффективный механизм управления всеми звеньями пенсионной системы в целом, который бы обеспечивал экономические интересы каждого участника этой системы (застрахованного лица, страхователя, страховщика).

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионная реформа, застрахованные лица, пенсионные права, государственные обязательства.

FUTURE OF PENSION SYSTEM OF RUSSIA

A.C. Solovev

(Pension fund of the Russian Federation, Moscow)

Abstract. In modern conditions of globalization of world economic processes of the country with economies in transition, including Russia, for more than 30 years are in a condition of continuous search of effective mechanisms of management of the state system of provision of pensions. To achieve the objectives of market pension reform, it is necessary to create the effective mechanism of management of all links of pension system in general which would provide economic interests of each participant of this system (the insured person, the insurer, the insurer).

Keywords: pension system, pension reform, the insured persons, the pension rights, the state obligations.

Эффективная система государственного управления пенсионным обеспечением управления должна гарантировать с одной стороны, долгосрочную сбалансировать доходов и расходов пенсионной системы, а с другой стороны - привести в соответствие пенсионные права, сформированные застрахованными лицами в течение всей

трудовой деятельности, с государственными обязательствами по выплате пенсий.

Другие параметры пенсионной системы, в частности, экономический механизм формирования пенсионных прав (солидарный или персонально-накопительный), условия и степень солидарного перераспределения, ограничения и требования участия в системе обязательного пенсионного страхования, гарантии корпоративных и индивидуальных пенсионных программ и др. должны рассматриваться как инструменты параметрической настройки. Поскольку все перечисленные и ряд аналогичных параметров функционирования пенсионной системы непосредственно зависят от «внешних» (к пенсионной системе) факторов – демография, макроэкономика - и социально-политической конъюнктуры.

Причина несостоятельности всех предшествующих пенсионных реформ заключается в том, что не были поставлены и решены указанные задачи, в то время как многократно изменялись (причем, весьма радикально) отдельные, зачастую случайные параметры пенсионной системы. Наиболее типичными примерами таких экспериментов можно считать ежегодные манипуляции с тарифными ставками отчислений в пенсионную систему, бесчисленные льготы и привилегии по пенсионным правам отдельным категориям граждан (причем, без какой-либо связи с их трудовым вкладом в пенсионную систему). Но наиболее социально опасным и экономически необоснованным в контексте страховой пенсионной системы следует признать «реформирование» пенсионной формулы, на основе которой исчисляются размеры пенсии [1].

Все эти факторы и условия функционирования пенсионной системы должны получить объективное отражение в теоретических положениях современного пенсионного обеспечения.

Как показывает практика социально развитых государств, альтернативы государственной системе пенсионного страхования (ОПС) не существует. Однако система ОПС может иметь многообразные институциональные формы и экономические механизмы их реализации, которые четко ориентированы не только на задачи социальной политики государства, но и на объективный учет всех внешних факторов их реализации.

Поэтому важно обосновать общие методологические принципы стратегического управления пенсионной системой в условиях ее взаимоотношений с демографией и макроэкономикой, поскольку никакая даже самая идеальная пенсионная система не сможет обеспечить устойчивое материальное благополучие пенсионеров в

условиях неблагоприятной демографической ситуации, несправедливой системы оплаты труда и неразвитого рынка трудовых отношений.

Глобализация экономических процессов в мире создает дополнительные проблемы долгосрочного стратегического планирования развития пенсионной системы России, обусловленные ее уникальной многофункциональностью, которая в свою очередь вытекает из институциональной природы сложившейся системы современного экономического механизма материального обеспечения различных категорий пенсионеров.

Вследствие этого современная пенсионная система непосредственно взаимодействует практически со всеми сегментами современного общества, начиная с макро- и микроэкономики, рынком труда, финансовым сектором и заканчивая демографией.

Поскольку участниками современной *страховой* пенсионной системы являются застрахованные лица (все население страны), страхователи (работодатели, плательщики страховых взносов), страховщики (государственные и негосударственные) и само государство – конституционного гаранта реализации всех пенсионных обязательств (федерального бюджета).

Критерий эффективности определяется исходя из оценки уровня такого возмещения, во втором исходя из соотношения дохода пенсионера с размером какого-либо установленного показателя, который должен гарантировать достойные условия жизни во время защиты от социальных рисков.

Если оценка государственных гарантий минимального уровня пенсионного обеспечения в России не вызывает споров и для нее, как правило, принято использовать соотношение размера пенсий с ПМП, то практическая реализация показателя эффективности страховой пенсионной системы является основной проблемой при проведении пенсионной реформы [2].

Несмотря на установленные в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации целевые ориентиры по достижению коэффициента замещения трудовой пенсией по старости не ниже 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате, в настоящее время в России нет ни институционально установленной, ни практически общепризнанной методологии расчета коэффициента замещения.

Теоретически оценка эффективности страховой пенсионной системы в России определяется соотношением страхового возмещения при наступлении установленного страхового случая к размеру уплаченной страховой премии.

Расчеты коэффициента замещения страховой пенсии производятся для гипотетического типового получателя каждого вида пенсии по нормам пенсионного законодательства, действующего до 01.01.2015 года и законодательства, вступившего в силу в 2015 году, на основании статистических данных и прогнозных параметров развития пенсионной системы. Эти выводы обусловлены следующими причинами:

- замедлением темпов индексации пенсионных прав в связи с ростом численности пенсионеров;
- увеличением доли пенсионных прав, сформированных в накопительном компоненте, и вызванным этим фактом сокращением размеров назначаемых пенсий - уровень доходности от инвестирования ниже темпов индексации расчетного пенсионного капитала. Возврат накопительного тарифа (полностью или частично) в распределительную систему или существенное повышение доходности от инвестирования пенсионных накоплений, возможно, могли бы способствовать увеличению уровня замещения утраченного дохода.

Последняя причина оказывает влияние на все виды пенсии, а не только на выплаты по старости, поскольку тариф страховых взносов, направленных на страховую часть, выходящих на пенсию в 2030 году, ниже, чем у тех застрахованных лиц, пенсия которым будет назначена в 2015 году.

В настоящее время Россия соответствует нормативным требованиям, предусмотренным для ратификации Конвенции МОТ № 102, выбирая в качестве круга защищенных лиц как работающих по найму, так и все население страны. При этом 40% коэффициента замещения достигается только в пенсионном наборе, из которого нельзя исключить выплаты, не являющиеся пенсиями (социальные выплаты, относящиеся к мерам социальной поддержки)[3].

Рассмотренные выше критерии оценки финансовой устойчивости и эффективности пенсионной системы, как на текущий момент, так и в долгосрочной перспективе должны обеспечивать, в первую очередь, реализацию прав застрахованных лиц на пенсионное обеспечение.

В этой связи одной из приоритетных задач современной фундаментальной и прикладной научной мысли заключается в разработке эффективных институциональных инструментов регулирования долгосрочной устойчивости пенсионной системы России в достижении цели достойного материального обеспечения граждан в случае утраты трудоспособности (по старости, инвалидности и при потере кормильца).

Литература

1. Соловьев А.К. Институциональные основы рыночной пенсионной реформы. - М.: Мир новой экономики, 2013, № 3-4.- с. 28-36.
2. Соловьев А.К. Реформа пенсионной системы Российской Федерации: проблемы и решения.- М.: Экономика и управление: проблемы и решения, июль 2014, № 7 (31). - с. 26-31.
3. Соловьев А.К. Экономическая сущность коэффициента замещения пенсией утраченного дохода и проблемы применения его в России. - М.: Проблемы прогнозирования, 2014, № 2 (143). - с. 77-91.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ – ОСОБЫЕ СИСТЕМЫ ТРЕТЬЕГО ТИПА

Филатова О.Е., Хадарцев А.А., Поскина Т.Ю., Сидоренко Д.А.
(Сургутский государственный университет)

Аннотация. Наука закономерно развивалась в рамках перехода: «детерминизм – стохастика – хаос (самоорганизация)». Последнее означает сознательное управление процессами на основе мониторинга событий, их рефлексии. Социальные решения требуют создания квазиаттрактора будущего и создания различных управляющих воздействий. Переход от неопределённости и нестабильности к прогнозируемому квазиаттрактору будущего возможен только в условиях задания внешних управляющих воздействий, а они требуют научного подхода и в выработке образа конечного квазиаттрактора.

Ключевые слова: парадигма, управление социумом, квазиаттрактор.

SOCIAL SYSTEMS AS A SPECIAL SYSTEMS OF THE THIRD TYPE

Filatova O.E., Khadartsev A.A., Poskina T.U., Sidorenko D.A.
(Surgut state university)

Abstract. Science has evolved naturally in the transition, "determinism – stochastic – chaos (self-organization)." This means a conscious process control based on the monitoring of events and their reflexion. Social solutions require the creation of quasiattractor of the future and the creation of various control actions. The transition from the uncertainty and instability to the estimated future quasi-attractor is possible only in conditions of external control action, and they require a scientific approach in development of image of the final quasiattractor.

Keywords: paradigm, society management, quasiattractor.

Введение. В XXI-м веке начинается эпоха хаоса и желаний, плохого управления и реальной социальной нестабильности, как в пословице: самое страшное – дурак с инициативой. Сейчас многие личности и

целые государства желают создавать внешние управляющие воздействия ВУВы, но делают это в рамках детерминизма. При этом нет понимания, что мир в грубом приближении стохастичен а, в целом, хаотичен и самоорганизован. Необходимо дать знания отдельным людям и человечеству в целом, и тогда только общество, состоящее из образованных, знающих членов, способно на самоорганизацию, на коллективное и разумное решение. В таком обществе не должно быть диктата (в виде детерминизма), а решения принимаются синергично, коллективно, т.е. надо всем договариваться.

Переход от нестабильности к стабильности в таком обществе возможен только на основе коллективного принятия решений. Однако, такие решения требуют создания квазиаттрактора будущего и создания различных ВУВов. Переход от неопределённости и нестабильности к прогнозируемому квазиаттрактору будущего возможен только в условиях задания ВУВов, а они требуют научного подхода и в выработке образа конечного квазиаттрактора, и в формировании нужных ВУВов, и в создании эффективных методов мониторинга реальных значений $x_i(t)$, что мы сейчас выполняем в рамках третьей парадигмы для систем третьего типа – СТТ [1-3].

Социумы – системы третьего типа. О конструируемом будущем говорил неоднократно в своих философских выступлениях и С.П. Курдюмов. Однако, понимания всей глубины неопределённости, которая начинается с неопределённости начального состояния системы $x(t_0)$ и далее всех последующих $x(t_i)$ и конечного состояния речь не шла. Обычно неопределённость М. Gell-Mann, С.П. Курдюмова и других выдающихся учёных ограничивалась хаосом последующих и конечного состояния. Начальное состояние всегда было повторяемо и легко воспроизводимо. Но для социальных и биосистем это невозможно. Как только мы отходим от определённости начального $x(t_0)$ и конечного состояния $x(t_k)$, то мы выходим из области современной науки, которая включает не только детерминизм и стохастику, но и современную теорию хаоса. Модели детерминированного хаоса должны содержать некоторые уравнения и повторяемое значение $x(t_0)$. Однако, СТТ обычными уравнениями описывать невозможно. Все эти уравнения (или функции распределения $f(x)$) должны непрерывно изменяться. Как тогда описывать такие СТТ?

Ответ на этот вопрос кроется в признании реальности СТТ, в признании их особых свойств и невозможности их описания в рамках детерминизма и стохастики. А это и означает конец редукционизма и примитивного материализма в описании биологических и социальных систем, в их тривиальной и примитивной трактовке с позиций детерминизма и стохастики. Детерминистская и стохастическая

предсказуемость закончились в социологии и всей современной науке и в этом смысле И.Р. Пригожин прав: «Мы верим – будут сформулированы иные вопросы, ведущие к новым направлениям научной деятельности». Именно такие «иные вопросы» были сейчас и сформулированы в новой теории хаоса-самоорганизации – ТХС [1-3]. Основу ТХС составляет невозможность прогнозируемости СТТ, отсутствие любых моделей начального и конечного состояния ВСС $x(t_k)$, если мы не будем задавать управляющие воздействия и мониторировать результат этого управления.

Без активного вмешательства в настоящее – будущее не может быть прогнозируемым. Именно для этих целей существует медицина (она пытается задавать ВУВы) и различные политические системы, партии. Для этого существует и педагогика. Она сейчас полностью перешла на формирование гипотез и их достижения, но любая гипотеза – это квазиаттрактор будущего и тогда главное – выбор оптимальных ВУВов (в политике, медицине, педагогике, психологии...). Педагогика, политика, экономика должны базироваться на мониторинге, рефлексии и задании правильных ВУВов в краткосрочном и долгосрочном прогнозе нужных квазиаттракторов.

Для гуманитарных наук, например истории, эта ситуация также невыполнима. Если мы откажемся от прошлого, то у нас не будет будущего. Но в третьей парадигме, в теории хаоса-самоорганизации прошлое не влияет на будущее. Прошлое неповторимое, оно единичное и случайное, и оно происходит в духе Гамлета: «распалась связь времён».

Все социальные события уникальные, неповторимые и ими не занимается современная наука, как это отмечал Пригожин в своей предсмертной статье (The die is not cast). Но мы живём в этом мире, он эволюционирует и направление этой эволюции подчиняется фундаментальному закону эмерджентности: всё направлено на усложнение, от простого к сложному. Одновременно должна возрастать и самоорганизация отдельного человека и всех членов общества. Хаос и самоорганизация – две стороны одной медали – СТТ.

Конец детерминизма и стохастики в социологии. Детерминизм и стохастика заканчиваются, если мы переходим к СТТ, и оказалось, что это не только биосистемы, но и социумы, биосфера Земли. Таких объектов много в природе, они в большинстве и, главное, это мы с Вами, все люди и человечество. Пригожин требует что бы мы несли ответственность за будущее и это уже означает конец детерминизма и стохастики. В целом, наука закономерно развивалась в рамках перехода: «детерминизм – стохастика – хаос (самоорганизация)».

Последнее означает сознательное управление процессами на основе мониторинга событий, их рефлексии.

Эта закономерность выполняется и для социальных систем. А. Тойнби пытался классифицировать около 2-х десятков типов общества, но реально их всего три. Это детерминистское общество (1), которое на рис. 1 мы будем отображать в виде треугольника с вершиной в виде главного иерарха (царя, генсека ЦК КПСС, лидера страны). Это стохастическое (или технологическое) общество (2), в котором уже имеются страты (партии, объединения) и они коллективно отображают (якобы!) наиболее рациональную траекторию развития социумов (вместо вершины – срез, состоящий из равных элементов). Наконец, в перспективе мы должны перейти в однородное (в интеллектуальном плане) общество ЗСПО (знаниевое, синергетическое, постиндустриальное общество) [3,4].

Каждый тип социума базируется на одной из 3-х парадигм. Очевидно, что для ЗСПО будут нужны ВУВы и третья (глобальная) парадигма. Будущее не определено и нам придётся его создавать самим (в рамках хаоса и самоорганизации). Борьба с хаосом начинается в сознании каждого, если человек будет нацелен на общий успех. Самоорганизация начинается (по И. Канту) с каждого человека, с его действий и поступков. Пока в РФ эти поступки хаотичны, с очень низкой самоорганизацией. Самоорганизация человека базируется на его знаниях. Сейчас знания в РФ приближаются к таковым в США (напомним, что там, около 80% населения не имеют реальных знаний в области естествознания и законов социума). Каким путем пойдет Россия? Каково ее будущее и стремится ли она в ЗСПО сейчас? Пока эти вопросы остаются без ответов.

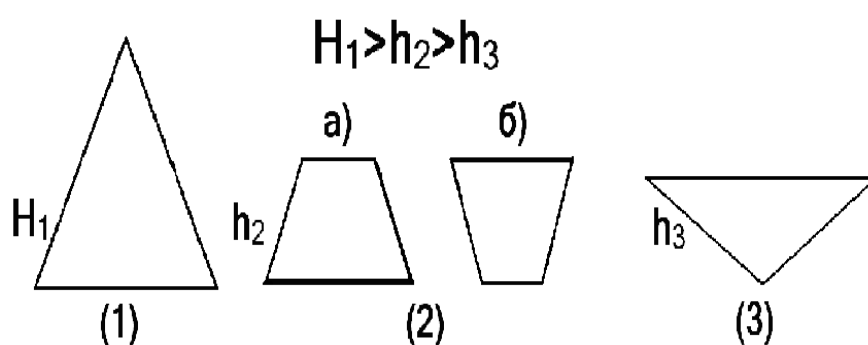

Рис.1. Геометрическая интерпретация параметров порядка в традиционном детерминистском обществе (1), в технологическом (стохастическом) обществе (2), в его разных видах (а, б), и в его трансформации в знаниевое синергетическое постиндустриальное общество (3) – ЗСПО.

Эволюция такого перехода в виде геометрического образа представлена на рис. 1 и она идентична не только эволюции науки (детерминизм – стохастика – хаос (самоорганизация)), но она

идентична и жизни любого человека на Земле. Действительно, до 5-7 лет мы нуждаемся в детерминисткой опеке со стороны старших (родители, детский сад, школа). Однако, уже в школе, с набором знаний и появления своего собственного (знаниевого) Я, мы начинаем жить по законам стохастики. Выбираем с кем нам дружить, чем заниматься, можем даже пропустить уроки и т.д. Закончив ВУЗ, мы окунаемся в океан хаоса-самоорганизации. Где мы будем жить и работать, как это всё будет происходить – это теперь уже зависит от наших собственных ВУВов. Мы стали самостоятельными и только социумы (государства) это не желают понимать, т.к. государство продолжает задавать нам ВУВы (а это признак нашей интеллектуальной незрелости). России уже давно пора понять свою самодостаточность и жить по своим программам развития, а не по желанию чужих стран и их ВУВов.

Некоторые итоги третьей парадигмы в социологии. РФ не нуждается в своём управлении извне, что нам его постоянно навязывают из-за глобальной системы традиционалистского мирового порядка, который организовали США и их сателлиты. Переход в ЗСПО неизбежен, но его можно искусственно задерживать, что и делают США. Внутри этой страны господствует глобальное незнание, а внешне они (США) организовали нам традиционалистскую пирамиду (рис. 1-(1)).

Дискуссия И.Р. Пригожина и С.П. Курдюмова о глобальной нестабильности потребовала перехода в естествознании от детерминизма и стохастики к новой теории хаоса-самоорганизации. Последняя отличается даже от представлений и методов квантовой механики, где неопределенность сопряженных координат (x и dx/dt) всё-таки имеет определенные закономерности и физическую природу в виде соотношения неопределенности Гейзенберга.

Главным свойством систем третьего типа – СТТ (биосистемы, социальные системы) является их постоянное хаотичное движение в фазовых пространствах состояний, но эти движения происходят в пределах ограниченных объемов, определяемых как квазиаттракторы.

Неопределенность в движении СТТ проявляется на микроуровне (движение самих этих квазиаттракторов), образуя глобальную (и не редуцируемую) неопределенность в поведении биосистем и социумов, которая может быть устранена только внешними управляющими воздействиями. Одновременно существует неопределенность и на макроуровне, когда мы не знаем конечный квазиаттрактор социума или биосистемы (это эволюционная неопределенность). Именно такая ситуация сейчас сложилась в РФ (нет конечной цели развития нашей страны!).

Общий закон эволюции науки и общества проявляется в смене парадигм – от детерминистской парадигмы к стохастике, и наконец, к хаосу и самоорганизации. Так развивается наука и общество. При этом мера неопределенности в динамике отдельного элемента социума будет нарастать, что биологически определяется термином «взросление». Максимум свободы и самоорганизации России в рамках этого закона должно обеспечить и наибольшую скорость развития нашего социума. Тактические закономерности таких переходов предстоит еще изучать, но при этом мы нарушаем закон Т.Куна о борьбе парадигм, т.к. все эти три парадигмы будут существовать совместно, и они применимы даже для одной (социальной) системы в зависимости от ее зрелости и степени развития. Россия, как и СССР, находится в промежуточном состоянии, между (2) и (3) на рисунке 1. Это нестабильное состояние и оно требует разумного управления на основе рефлексии событий.

Литература

1. *Еськов В.М., Еськов В.В., Филатова О.Е., Хадарцев А.А.* Фрактальные закономерности развития человека и человечества на базе смены трех парадигм. // Вестник медицинских технологий. – 2010. – Т. XVII, № 4 – С. 192-194.
2. *Еськов В.М., Хадарцев А.А., Гудков А.В., Гудкова С.А., Сологуб Л.И.* Философско-биофизическая интерпретация жизни в рамках третьей парадигмы. // Вестник новых медицинских технологий. – 2012. – Т. XIX, № 1 – С. 38-41.
3. *Степин В.С.* Исторические типы научной рациональности в их отношении к проблеме сложности / Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 496 с. (37-47).
4. *Eskov V.M.* Evolution of the emergent properties of three types of societies: the basic law of human development // Emergence: Complexity & Organization. 2014. V. 16 (2). P. 109–117.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абакаров Д.К.** – Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, к.с.н.
- Альтман Ю.И.** – аспирант кафедры социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова.
- Аникеева Т.Я.** – старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, к.психол.н.
- Анисимов О.С.** – профессор, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, д.психол.н.
- Аршинов В.И.** – главный научный сотрудник, Институт философии РАН, д.ф.н.
- Ахромеева Т.С.** – научный сотрудник, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, к.ф.-м.н.
- Бажанов В.А.** – заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, д.ф.н.
- Баранов П.В.** – Институт системного анализа РАН, к.психол.н.
- Батурин Ю.М.** – директор, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, член-кор. РАН, д.ю.н.
- Беленкова О.А.** – профессор, Уфимский государственный нефтяной технический университет, д.ф.н.
- Боршевич В.И.** – ULIM, Молдова, д.т.н.
- Ваганов А.Г.** – руководитель Группы популяризации науки и техники, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
- Виноградов Г.П.** – профессор, Тверской государственный технический университет, д.т.н.
- Войцехович В.Э.** – профессор, Тверской государственный университет, д.ф.н.
- Газизова И.А.** – аспирант, Уфимский государственный нефтяной технический университет.
- Гайнутдинов Р.М.** – доцент кафедры менеджмента, Институт развития образования, г. Ярославль, к.пс.н.
- Горохов В.Г.** – заведующий сектором, Институт философии РАН, д.ф.н.
- Диев В.С.** – ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, д.ф.н.
- Дмитриев А.В.** – главный научный сотрудник, Института философии РАН, член-кор. РАН, д.ф.н.

- Евстифеева Е.А.** – проректор по научной работе, заведующая кафедрой психологии и философии, Тверской государственной технической университет, д.ф.н.
- Еськов В.В.** – Сургутский государственный университет.
- Еськов В.М.** – Сургутский государственный университет.
- Задорожнюк И.Е.** – редактор журнала «Социология образования», д.ф.н.
- Карюкин В.В.** – профессор, ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», д.ф.-м.н.
- Краева А.Г.** – доцент, Ульяновского государственного университета, к.ф.н.
- Кузнецов В.Н.** – профессор, Тверской государственной технической университет, д.т.н.
- Кузнецов В.Ю.** – доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова, к.ф.н.
- Лавин Н.И.** – руководитель центра, Институт философии РАН, член-кор. РАН, д.ф.н.
- Лепская Н.А.** – эксперт, МИОО, Центр непрерывного художественного образования, к.п.н.
- Лепский В.Е.** – главный научный сотрудник, Институт философии РАН, д.психол.н.
- Лена Р.Н.** – заведующий отделом, Институт экономики промышленности Национальной академии наук Украины, Украина, д.э.н.
- Лешкевич Т.Г.** – профессор, Южный федеральный университет, д.ф.н.
- Мадых А.А.** – докторант, Институт экономики промышленности Национальной академии наук Украины, Украина, к.э.н.
- Малинецкий Г.Г.** – заведующий отделом, Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, д.ф.-м.н.
- Малков С.Ю.** – научный руководитель Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования, МГУ имени М.В.Ломоносова, д.т.н.
- Мальцева А.А.** – директор, Научно-методический центр по инновационной деятельности высшей школы им. Е.А. Лурье Тверского государственного университета, г. Тверь, к.э.н.
- Марача В.Г.** – доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, к.ф.н.
- Матвеева Л.В.** – профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, д.психол.н.
- Мельников А.А.** – старший преподаватель, Филиал Удмурдского государственного университета, г. Воткинск.
- Моисеев В.И.** – профессор кафедры «Истории и философии науки», Институт философии РАН, д.ф.н.

- Москалев И.Е.** – директор центра мониторинга качества образовательных программ ИГСУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, к.ф.н.
- Мочалова Ю.В.** – научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, к.психол.н.
- Никитаев В.В.** – Москва.
- Никитина Е.А.** – профессор, Московский государственный университет информационных технологий, радиотехники и электроники, д.ф.н.
- Окара А.Н.** – директор, Центр восточноевропейских исследований, к.ю.н.
- Ольховой К.А.** – врач-психотерапевт, Москва.
- Павлова О.Н.** – старший преподаватель Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Республика Беларусь.
- Петракова Е.Е.** – научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, к.психол.н.
- Пирожкова С.В.** – научный сотрудник, Институт философии РАН, к.ф.н.
- Плющ А.Н.** – старший научный сотрудник, Институт социальной и политической психологии НАПН Украины, Украина, к.психол.н.
- Плющ С.Н.** – бизнес-консультант, Украина, к.психол.н.
- Пойкин А.Е.** – аспирант, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики.
- Поскина Т.Ю.** – Сургутский государственный университет.
- Рассадин С.В.** – доцент кафедры психологии и философии, Тверской государственный технический университет, к.ф.н.
- Реут Д.В.** – профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана, д.э.н.
- Роскошная М.С.** – аспирант, Институт мировой экономики и международных отношений РАН.
- Сазонов Б.В.** – Институт системного анализа РАН, к.ф.н.
- Семенов И.Н.** – профессор, НИУ-ВШЭ, д.психол.н.
- Сергеев С.Ф.** – профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, д.психол.н.
- Сидоренко Д.А.** – Сургутский государственный университет.
- Соловьев А.К.** – Начальник департамента актуарных расчетов и стратегического планирования, Пенсионный фонд РФ, д.э.н.
- Солондаев В.К.** – доцент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, к.психол.н.
- Старжинский В.П.** – профессор, Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь, д.ф.н.
- Стрельцова Т.В.** – Сургутский государственный университет.
- Тарасенко С.С.** – независимый исследователь, г. Йокогама, Япония.

- Тюгашев Е.А.** – доцент кафедры теории и истории государства и права, Новосибирский государственный университет, к.ф.н.
- Тягунов А.А.** – заведующий кафедрой медиатехнологий и связей с общественностью, Тверской государственный технический университет, д.ф.н.
- Федянин Д.Н.** – младший научный сотрудник, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН.
- Филатов М.А.** – Сургутский государственный университет.
- Филатова О.Е.** – Сургутский государственный университет.
- Филиппченкова С.И.** – профессор кафедры психологии и философии, Тверской государственный технический университет, д.психол.н.
- Хадарцев А.А.** – Сургутский государственный университет.
- Цепкало В.В.,** – директор, администрация Парка высоких технологий Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, к.ю.н.
- Цой Л.Н.** – главный конфликтолог, Московская Школа Конфликтологии, к.с.н.
- Чаусов Ф.С.** – профессор, ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», д.в.н.
- Четвертаков Ю.В.** – медицинский психолог, Клиническая больница № 3, г. Ярославль.
- Чхартишвили А.Г.** – главный научный сотрудник, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, д.ф.-м.н.
- Шалаев В.П.** – декан, Поволжский технологический университет, Йошкар-Ола, д.ф.н.

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-61-02

E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com

Сдано в набор 14. 09. 15. Подписано в печать 25. 09. 15

Формат 60 × 90/16. Усл. печ. л. 17. Тираж 350 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Белый ветер»